

Юрий Галансков



Юрий Галансков





Юрий Галансков

ПОСЕВ

На последней странице обложки :

Мои́ла Ю. Галанско́ва за зоной лаге́ря. Фото В. Сычева

Памя́тник Ю. Галанско́ву в горах Ита́лии.

Фото „Эуропа чивильта”

© Possev-Verlag, V. Gorachek K.G., 1980
Frankfurt/Main
Printed in Germany

*„Должен же быть кто-то выстоявший,
кто бы имел право говорить”.*

*Юрий Галансков
(Из письма, 27.2.1971 г.)*

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Имя Юрия Галанскова — одно из ярчайших в современной истории борьбы за свободу России.

Он стоял у истоков открытого движения протеста, никогда, однако, не забывая его гражданского и, в конце концов, политического значения. Поэтому у него не было ложного отталкивания от политической борьбы, которую он понимал как выполнение своего гражданского долга.

Он был одним из первых, кто вышел „с поднятым забралом”, кто честно, по-рыцарски бросил вызов неимоверно сильному противнику — и погиб в этой неравной борьбе.

В этой книге собрано почти все, написанное Юрием Галансковым, кроме стихов, ранее опубликованных (см. „Грани” № 52, 68, 89—90): его четыре наиболее известные поэмы, отрывок из задуманной повести, статьи и заявления, письма из заключения.

„Подпольный литератор — обязательно гражданин Родины и человек чести”, — писал Юрий Галансков в 1966 году. Сегодня эти слова больше, чем к кому бы то ни было, приложимы к нему самому.

ЮРИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ГАЛАНСКОВ

(1939-1972)

Биографическая справка

Ю. Т. Галансков родился 19 июня 1939 года в семье московских рабочих. С ранней юности жил на собственные заработки. Учился, работая электриком в театре. Поступил на исторический факультет Московского государственного университета, но был исключен за независимость суждений. Работал в Литературном музее. Продолжал образование на вечернем отделении Историко-архивного института.

Был одним из активных участников вольных литературных чтений у памятника Маяковского, где впервые прозвучала его поэма „Человеческий манифест”. В 1961 году принял участие в создании поэтического сборника „Феникс” (одного из первых коллективных изданий самиздата). Пытался создать пацифистскую организацию в СССР, составил проекты программы и устава Всемирного союза сторонников всеобщего разоружения.

Был одним из организаторов „митинга гласности” на площади Пушкина в Москве 5 декабря 1965 года, — первого за многие годы открытого проявления, общественного протеста против подавления свободы. За участие в этом митинге подвергся кратковременному аресту.

Летом 1966 года Ю.Т. Галансков организует московскую оппозиционную молодежь, усилиями которой, несмотря на противодействия органов подавления, 5 декабря 1966 года на площади Пушкина про-

водится новый митинг общественного несогласия с антиконституционной политикой власти. Одновременно он составляет сборник общественно-политических и литературных материалов „Феникс-66” (прообраз всех последующих самиздатских изданий), а его друг А.И. Гинзбург — „Белую книгу по делу Синявского и Даниэля”.

В том же, 1966, году он сближается с НТС и через несколько месяцев становится его членом.

19 января 1967 года Ю.Т. Галанскова арестовывают, и после года пребывания под следствием в Лефортовской тюрьме он (вместе с А. И. Гинзбургом, В. И. Лашковой и А. И. Добровольским) предстает перед судом.* Несмотря на тяжелое заболевание (язву двенадцатиперстной кишки), Ю.Т. Галанскова приговаривают к семи годам лагерей строгого режима. Приговор Ю. Т. Галанскову и его поделщикам вызвал массовые протесты в России и во всем мире.

В лагере 17-а (поселок Озерный, Мордовия) Ю.Т. Галансков принимает участие в голодовках протеста, выступает в защиту своего друга А.И. Гинзбурга, борется против злоупотреблений лагерной администрации, отстаивает права других политзаключенных. Каторжная работа и систематическое недоедание губительно влияют на состояние здоровья Ю.Т. Галанскова. Тем не менее он категорически отказывается подать просьбу о помиловании, ибо это автоматически означает признание своей вины и раскаяние в содеянном.

* См. книгу „Процесс цепной реакции”. — Франкфурт-на-Майне: „Посев”, 1971.

В начале 1970 года Ю.Т. Галанскова помещают в лагерную больницу, затем вновь возвращают на общие работы. Ходатайства родственников в Москве об оказании ему необходимой медицинской помощи не приводят ни к каким положительным результатам. Когда мать Ю.Т.Галанскова привезла ему банку меда, администрация не разрешила ее передать, утверждая, что Галансков „вполне здоров”.

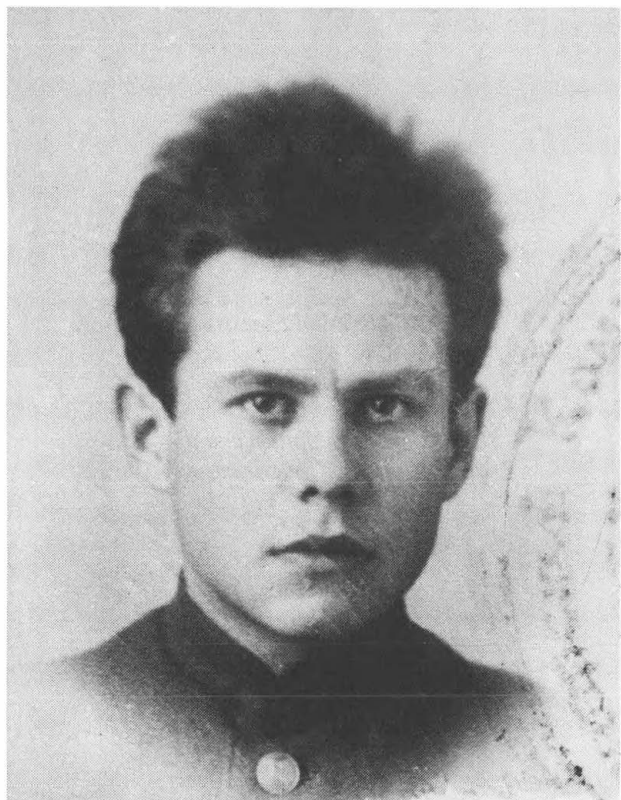
18 октября 1972 года в лагерной больнице (поселок Барашево) Ю.Т. Галанскову сделали операцию. Оперировал врач-заключенный, не имеющий квалификации хирурга. После операции этого врача больше не допустили к больному.. У Ю.Т. Галанскова возник перитонит. Требования о переводе его в гражданскую больницу были отклонены. Врачей с воли в лагерь не допустили. Когда московский профессор получил, наконец, разрешение посетить больного, было уже слишком поздно. 4 ноября 1972 года Ю.Т. Галансков скончался.

Тело Ю.Т.Галанскова не было выдано родственникам. Но на его могиле (вблизи от лагерной больницы) вместо дощечки с номером разрешили поставить крест...

Стихи и проза

*„Гимны петь и славить – не могу.
Я не лгу.
Я к совести пришит”.*

*Юрий Галансков
„Подснежник”, 1959 г.*



Галансков-школьник (1954-55 гг.)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

Поэма

1

Все чаще и чаще в ночной тиши
вдруг начинаю рыдать.
Ведь даже крупницу богатств души
уже невозможно отдать.
Никому не нужно:
В поисках Идиота
так измотаешься за день!
А люди идут, отработав,
туда, где деньги и бляди.
И пусть
Сквозь людскую лавину
я пройду непохожий, один,
как будто кусок рубина,
сверкающий между льдин.
Не-бо!
Хочу сиять я;
ночью мне разреши
на бархате черного платья
рассыпать алмазы души.

2

Министрам, вождям и газетам – не верьте!
Вставайте, лежащие ниц!
Видите, шарики атомной смерти
у Мира в могилах глазниц.

Вставайте!
Вставайте!
Вставайте!
О, алая кровь бунтарства!
Идите и доломайте
гнилую тюрьму государства!
Идите по трупам пугливых
тащить для голодных людей
черные бомбы, как сливы,
на блюдаща площадей.

3

Где они —
те, кто нужны,
чтобы горло пушек зажать,
чтобы вырезать язвы войны
священным ножом мятежа?
Где они?
Где они?
Где они?
Или их вовсе нет? —
Вон у станков их тени,
прикованы горстью монет.

4

Человек исчез,
ничтожный, как муха,
он еле шевелится в строчках книг.
Выйду на площадь
и городу в ухо
втисну отчаянья крик!

А потом, пистолет достав,
прижму его крепко к виску...
Не дам никому растоптать
души белоснежный лоскут.
Люди,
уйдите, не надо...
Бросьте меня утешать.
Все равно среди вашего ада
мне уже нечем дышать!
Приветствуйте подлость и голод!
А я, поваленный наземь,
плюю в ваш железный город,
набитый деньгами и грязью.

5

Небо!
Не знаю, что делаю...
Мне бы карающий нож!
Видишь, как кто-то на белое
выплеснул черную ложь.
Видишь, как вечера тьма
жует окровавленный стяг...
И жизнь страшна, как тюрьма,
воздвигнутая на костях!
Падаю!
Падаю!
Падаю!
Вам оставляю лысеть.
Не стану питаться падалью —
как все.
Не стану кишкам на потребу
плоды на могилах срезать.
Не нужно мне вашего хлеба,

замешанного на слезах.
И падаю, и взлетаю
в полубреду,
в полусне.
И чувствую, как расцветает
человеческое
во мне.

6

Привыкли видеть,
расхаживая
вдоль улиц в свободный час,
лица, жизнью изгаженные,
такие же, как и у вас.
И вдруг —
словно грома раскаты
и словно явление Миру Христа,
восстала
растоптанная и распятая
Человеческая Красота!
Это — я,
призывающий к правде и бунту,
не желающий больше служить,
рву ваши черные путы,
сотканые из лжи!
Это — я!
законом закованный,
кричу Человеческий Манифест, —
и пусть мне ворон выклевывает
на мраморе тела
крест.

1960 г.

*ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!*

1. *Не дай убить*

Москва,
Нью-Йорк,
Каир.
Войну отвергают все.
Но, будто бы белка,
измученный мир
вертится в пушечном колесе.
Птицы петиций — и что же? —
наплевано в лики анкет.
Хотят человеческой кожей
обтягивать тело ракет.
А люди —
всесильные люди,
шатаясь на паре костей,
несут материнские груди
вскармливать медных детей...
Стойте, скоты,
в деревянный острог
загонят,
привяжут веревкой,
ударит уверенно между рог
палач, умудренный сноровкой.
Потом, в руке железо сжав,
уверенный и властный,
повяжет лезвием ножа
на шею бантик красный.
Не дай убить,
взреви, чтоб глохли.

Узлами мускулы связав,
срывай ремни, ломай оглобли...
С кровавой сеткой на глазах,
сжигая в ноздрях гнева пламя,
роняя пену изо рта,
вздымай же голову, как знамя,
кишки на шею намотав.

2. За революцией – революция

Казалось, все те же уставшие лица,
все те же мысли,
и чувства все те ж.
А я утверждаю, что где-то таится
огромный Всемирный мятеж.
Над бомбами вырос вопрос,
и мир в ожиданье затих.
Поэты себе под нос
бубнили старинный стих,
кричали ура,
бились в истерике,
делали венчиком алые губки...
И вдруг –
в ослабевших руках Америки
кровью окрасился сахар Кубы.
В глуби пирамид заиграла труба:
сфинкс пробудился и вышел из мрака.
И, будто бы факел в руках раба,
вспыхнула нефть Ирака.
Европа казалась распятой,
но прорастали росточки;
диктаторы и дипломаты
дрожали на атомной бочке.
Болезни.

Голод.
Усталость,
и кто-то бредил войной...
я чувствовал, что осталось
последнее слово за мной.

3. Долой пессимистов!

Может быть,
в прокаженные города
я приду ненужным врачом
и пойму, что мир навсегда
страдать и стрелять обречен.
Но, по-моему, нет и нет.
Посмотрите, какая заря,
и какой, посмотрите, рассвет
ожидает Меня-Бунтаря.
Приду,
принесу генералам блюдо
из грубого Марсова мяса.
И переделывать бомбы буду
в сочные ананасы.
Пройду сквозь запутанность лабиринтов
сорвать и отбросить решетки тюрьмы.
И крысы рванутся из рук лаборантов
к горлу творцов чумы.
И не зло, а музейную ношу —
супербомбы, язвы и туберкулез —
принесу и небрежно брошу
пессимистам, мокрым от слез.

1960

*СПРАВЕДЛИВОСТИ
ОКРОВАВЛЕННЫЕ УСТА*

1

Я, прошедший сквозь все века,
предвидя итог лет,
ночью
из тайника
вытаскиваю пистолет.

Я, пацифист-мятежник,
который
мудр и красив, как Пророк,
вдруг опускаю штору
и палец кладу на курок.

Кровавым гимном гореть
в дымной заре — скорей!

Все равно я безумный олень
среди двуногих зверей.

Все равно в порнографии душ
истлела надежды звезда.

И пути все равно не ведут
туда,
где так гениально дано:
земле разбудить зерно,
ростку темноту пробуравить,
зеленые руки расправить,
душистую выставить чашу,

и алчную мудрость вашу
просто и во плоти
в ягоду воплотить.

Но хватит играть в слова,
в висок упирается ствол...
И рухнула голова
на зеленый стол.

2

Окровавленный скальпель роняя на пол,
уже не в силах себя разогнуть,
застынет врач вопросительным знаком,
увидев огромное,
во всю грудь —
сердце.

Собой овладев на мгновение,
вдруг
выдавит он: „А легкие где ж?
Сердце!
И лишь лепестками вокруг —
бледные личики мертвых надежд...”

Это было последнее тело — квартира,
где жило сердце,
щедро увенчанное
извечною жаждой несчастного мира
утверждения надежд человечества.

Мир обречен! К бездыханному телу
явитесь вы
и оставитесь тупо.

Но что же вы будете делать
с собственным трупом?!

Рвать, бесноваться, смеяться
или
рыдать, к погребенью готовясь.
Интересно, в какой могиле
вы зароете вашу совесть?
И нечего траурный марш трубить,
сомкнувшись черным кольцом.
Я поднимаюсь,
меня не убить
ни подлостью, ни свинцом.

Зло в этом мире давно зачем-то, но
слушайте совесть и верьте ей —
законами духа и тела начертано
мне в этой жизни бессмертие.
Просто я вас забавляю словами.
Измученный насмерть, я просто устал
нести в себе
разбитые вами
справедливости окровавленные уста.

3

Отныне истиной будет:
законы добра поправ,
победитель всегда неправ,
и его непременно осудят.

Ваша сила смертельно опасна,
ваши мысли преступно хитрят,
вы друг друга кусаете зря,

истощая себя ежечасно.
На лысине площади нет ни травинки,
в черепе кружат слепни идей,
и волчьих ягод кровинки
сочатся из тела людей.

4

Твоя борьба,
твое сраженье,
твое преступное участие
обречено на поражение,
на катастрофу,
на несчастье.

Я жгу знамена,
я меняю
воззвания, марши и мятежность
на золото и зелень мая,
на человеческую нежность.

В обитель ливней и лучей
я рвусь сквозь мертвый пласт гудрона.
И жизнь,
и плод,
и ключ ключей —
моя зеленая корона.

Да-да, все так,
но не в пустыню
смирненным иноком уйду —
я буду здесь
и здесь отныне
иную битву поведу.

Война – войне!
Зови любить,
разбить в мозгах замки оков,
казармы зернами бомбить
и сеять стрелы васильков.

На этот бой меня веди,
мой справедливый честный Бог,
или зачем в моей груди
Ты свой огонь зажег.

5

Будет день!
Города и заводы
задохнуться от стали и стога.
Развращенные ложью народы
вдруг увидят наши знамена.
Купол неба с грохотом треснет,
обнажив золотые вены,
и ливнями наших песен
наполнится воздух мгновенно.

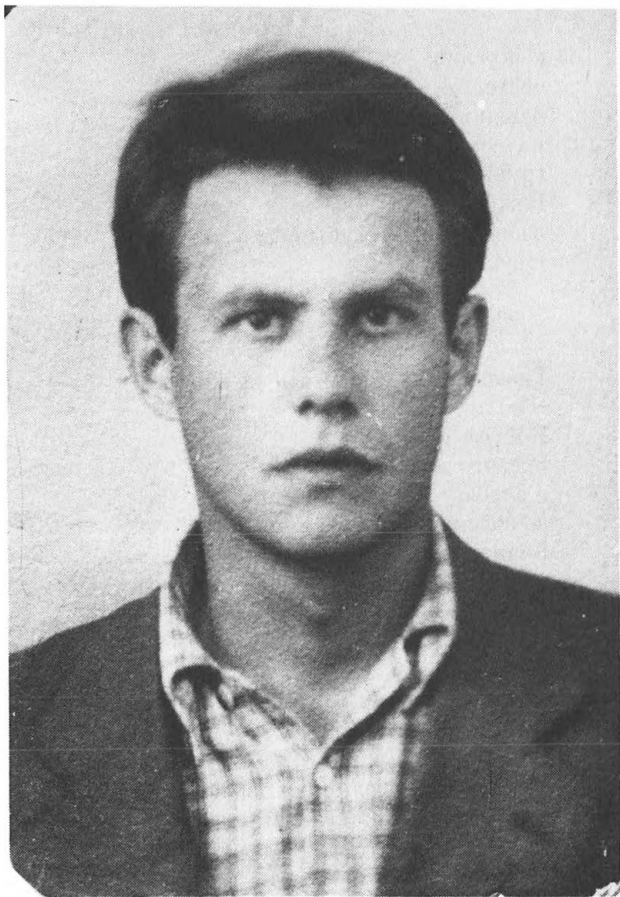
Станут сказки апостолов былью,
вами попранные в гордыне.
Они будут шрифтом извилин
напечатаны в каждом отныне.
И как прежде, страстями объятый,
будет мир неустанно искать...
но только не в горле брата
львиную долю куска.

ПОДСНЕЖНИК

Искренне,
чисто,
наивно
и грубо
грудь отдаю для душевно нищих.
Вижу —
ваши иссохшие губы
ищут.

1

Гимны петь и славить — не могу.
Я не лгу.
Я к совести пришит.
Все, что в сердце режет
и в мозгу,
выплесну, рыдая, из души.
Видите, как я нервозно и гордо
(в каждой извилине — сила взрывчатки)
вышел — всему человечеству
в морду
бросить боль и перчатки.
За то, что больной, оскорбленный и нищий,
терпевший, терпевший
и даже уж через...
ни камень, ни палку, ни бомбу не ищет
разбить государственный череп.
Что ж, осуждайте:
„Анархия...
Боли...”



После окончания школы

Чувствую: кровью мозги багровеют...
Плюньте на атом
и сделайте, что ли,
что-нибудь там поновее.
Чтоб все уничтожить,
сжечь,
растерзать.
Пускай седовласые боги
спустятся с неба и станут лизать
Земли почерневшей ожоги.
Идите,
Идите,
Те, кто разут, раздет и тощ.
Идите, костями крепите
свою предвоенную мощь.

2

Стыдно смотреть.
Отслужив,
отработав,
сучные лица вдоль улиц наляпав,
ходит спокойно толпа идиотов
в черных и сереньких шляпах.
Ибо смотрите,
смотрите же,
вот —
плотное мясо поперло в ворота...
Будто бы вдруг обожрался завод
и начинается рвота.
А завтра —
кирпичные мрачные стены
снова раскроют железные пасти,
и жадное горло голодной сирены

город порвет на части.
Больше не вынесу.
Слышите,
Вы?!
Хватит!
Сегодня же ночью
вспыхнут безумства моей головы
и... ваше спокойствие – в клочья.

3

День утомленный лег и размяк
в душных кирпичных гнездах.
А вечер поспешно напяливал фрак,
черный,
в серебряных звездах.
Ишь, разошелся,
темнеет
и ну...
зовет черноокою ночку.
Тоже пижон,
а такую луну
забыл разорвать на сорочку...
Дневными делами измучен,
город в постелях раскис...
А я
спокойствия складывал в кучу
и каждое рвал на куски.
Самое жирное плакало потом,
потом запищало,
как баба:
„Пусти,
утром хозяин пойдет на работу,

уж он-то тебя не простит.
Закон не позволит.
Безумцу — проклятье.
Преступные руки в железный браслет...”
А ночь отдавалась...
расстегивал медленно
бледный рассвет.
Когда же, нежно обласкав,
он обнажил ее жестоко,
она лежала в облаках
губами алыми к востоку.

4

Сегодня день взбунтовавшейся мысли.
Зрячие — просто,
слепые — наощупь
лезут,
а цензоры в петлях повисли,
собой украсив площадь.
Бьют барабаны,
фанфары трубят;
и первая фраза гласила:
Сегодня я сам объявляю себя
новейшей общественной силой.
Сегодня я новой отмычкой владею,
чтобы открыть черепные крышки,
где в серых извилинах будут идеи
взрываться,
как магния серые вспышки.
Ножками кресел казенный день
больше не выдержит тяжести балласта,
где вечный чиновник,

как черный тюльпан,
лениво ворочает жирные ласты.
Сюда —
огрубевшие толпища люда,
под взлет моего кумача!
Я ваши сердца оперировать буду
серебряной вспышкой луча.

5

Да здравствует первый подснежник,
презревший опасность и холод!
Да здравствует
Мир-Мятежник,
вместивший и мысль и молот!

1959

ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВЕСТИ

Сергей Онежский работал электроосветителем в театре. В тот день играли пошленький водевиль. Спектакль пользовался успехом. Неискушенная публика бурно реагировала на самые низкопробные уловки. Спектакль делал сборы. И утопающий театр — нехотя, но тем не менее основательно, ухватился за столь драгоценную финансовую соломинку. Водевильчик вытеснил половину хороших пьес из репертуара театра. Эта вынужденная уступка дурным вкусам особенно раздражала Сережу. Он всей душой восстал, когда на безупречно черном театральном фраке появилось это сальное пятно. Сидя в осветительной ложе, Сережа с презрением смотрел на все происходящее. Спектакль был пятидесятым и поэтому на него пригласили самого автора. Это был человек, примечательный разве что своими короткими усиками. При других обстоятельствах из него вышел бы неплохой продавец галантерейной лавки, но, к сожалению, он сумел пристроиться около детской литературы, пописывая сначала стишки для детей, а потом и басенки для взрослых. Более того, у него хватило хитрости и энергии преуспеть со временем и в других жанрах, включая и интриганство. В конце концов ему весьма основательно удалось запустить обе руки в литературную кормушку, от которой теперь его даже за уши невозможно было бы оттащить.

И это самоуверенное ничтожество после окончания спектакля, под бурные аплодисменты зрительного зала, раскланиваясь, вышло на авансцену, освещенную тридцатью фонарями с правой и левой ло-

жи. Сережа почему-то вспомнил, что вчера умер поэт Х... Посреди пустого зала, убранный цветами, стоял гроб, а около гроба — одиноко скорбящие жена и дочь. Сережа видел это вчера, а сегодня ... сегодня он был очевидцем того, как сотня дураков орала и аплодировала мошеннику, столь искусно ограбившему их и теперь воспринимавшему аплодисменты как нечто должное. Эта сволочь еще выступит с воспоминаниями на вечере, посвященном памяти талантливому русскому поэту ... Как же! не раз встречались ... один искал, где бы занять денег, а другой прогуливался по ювелирным магазинам. Сережа действительно однажды встретил мошенника в ювелирном магазине. Мошенник и его любовница, довольно известная молодая актриса, рассматривали золотой женский перстень с рубином... Капля крови в золотой оправе... Вот так, высасывая по капле, эти паразиты обескровили Россию...

Сережа направил два мощных прожектора на мошенника. Слепленный светом, мошенник попытался уйти в сторону, но не тут-то было. Сережа стал преследовать его. О, если бы в руках у Сережи был не прожектор, а пулемет, он пришил бы эту тварь к занавесу!

На остановке много народу. Подошел троллейбус. И очередь, как змея, просунув голову в заднюю дверь и вздрагивая мускулами людей, оттесняющих друг друга, медленно вползала в его светящееся нутро. Сережа посторонился и пропустил двух девушек. Очередь-змея как бы разорвалась, и сразу же у второй ее половины выросла новая голова. На мгновение вползание приостановилось, потом новая голова змеи-очереди нервно просунулась в све-

тящуюся шель входа, упругим движением отбросив Сережу в сторону. Вzbешенный, он хотел было схватить за шиворот какого-то юного нахала, но сдержался. Он повернулся и ушел. Он ушел в себя.

Вот так нас будут отбрасывать всюду... Надежды, иллюзии — все это вздор, все это так. За порядочность не платят, за честность бьют, а совесть, если человек не умеет заткнуть ей глотку, — делает его мучеником. В этом мире еще могут жить идеалисты, но реалист в этой жизни обречен на съедение. Общество людей похоже на клубок пиявок, сосущих друг друга. В лучшем положении оказывается тот, у кого наиболее натренированы сосательные способности.

Я обречен. Для меня нет места в этом мире паразитизма и лжи. Граждане крупные и мелкие мошенники, просто грабители и утонченные паразиты, властолюбцы, дельцы, ученые хитрецы, проститутки, спекулянты, кляузники, склочники, бюрократы, садисты — убейте все хорошее во мне, отравите мои чистые родники. Ну, ну... я ловлю ваши хитрые взгляды, я дышу воздухом, насыщенным вашим паразитизмом, я уже чувствую прикосновение ваших грязных рук... Что же делать? такова жизнь — вот кляп, который вы хотите воткнуть в горло моей совести. Но нет! Я буду сопротивляться! Даже обреченный на смерть — я непобедим, как непобедима человеческая порядочность. Я не идеалист и не утопист, я протест и достоинство!

Идти было некуда. Можно было пойти к знакомым, слушать вздор и сплетни. Можно было пойти к другим знакомым, где какой-нибудь литературный идиот, уже будучи проституткой, решает вопрос, продаваться ему или не продаваться? Все это было не то. Нужна была она... И нежная ниточка на-

дежды потянулась к ней. Он перешел на другую сторону улицы и вошел в телефонную будку.

— Марину можно? Это я. Нет, не знаю. А ты? Волосы красишь? В какой цвет, в зеленый? Нет, не злой... просто устал. Да, наверно... Ладно.

Сереза повесил трубку. Спазмы сдавили горло. Он прижался щекой к стеклу будки. В первый момент стекло было холодное, а потом гладкое и ласковое. И в это прикосновение к гладкой и ласковой поверхности он вложил всю нежность одинокого человека. Это был приступ отчаянья, сильного и мгновенного, как молния.

Он шел и шел... мимо людей и зданий, мимо заборов и скверов, он шел сквозь все это... Темнело. Выйдя к Гоголевскому бульвару, он перелез через ограду, прошел по аллее к Арбату и направился в кафе. Он зашел в магазин, чтобы купить хорошего чая. В кафе Сереза приходил обязательно со своим чаем. В первое время друзья и знакомые подшучивали над этой его странностью, но постепенно все привыкли и к странности, и к хорошему чаю, тем более, если учесть, что в наших кафе вместо чая подают какой-то отвар из прошлогоднего веника.

Около прилавка небольшая очередь. Сереза оказался впереди девушки. Девушка была горбатая. „Вот ее никто не будет любить”, — мелькнуло в сознании Серезы. И ему вдруг захотелось повернуться к ней, сказать ей что-то хорошее... В нем было много нежности, и ему хотелось отдать эту нежность человеку, который бы в ней нуждался и который взял бы эту нежность счастливыми и благодарными руками. Сереза знал, что очень немного нужно людям для счастья, но что и этой малости им или не дают,

или они взять не умеют. Получив чай, он неожиданно повернулся к той, которая была рядом. Он встретил не взгляд, а душевный порыв...

Стремительный и нервный поток прохожих выхватил Сережу из дверей магазина.

Куда торопятся все эти неврастеники? Каждый спешит, потому что каждому нужно. А нужно ли? Таков ритм жизни. Я против. Против такого ритма. Пусть! Пусть они наступают друг другу на пятки. Пусть толкают друг друга. Пусть сильные бьют по морде слабых. Пусть! Нет, не пусть! Я против. Я против того, чтобы люди наступали друг другу на пятки. Я против того, чтобы сильные били по лицу слабых. Я — за... За то, чтобы расширить проходную часть улицы. Я за то, чтобы люди поняли, что нужно расширить проходную часть улицы. Я за то, чтобы проходную часть улицы расширили... Кто-то сказал, что все люди враги. Кто-то другой сказал, что все люди братья. Ты убил меня, кто-то убил тебя. Так было нужно. А нужно ли? Ты сыт, а я голоден. Я умер, а ты остался жив. А ведь этого могло и не случиться. Ты стоишь, а я сижу. Хочешь, садись, а я встану. Ты любишь ее, и я люблю ее. А она кого любит? Тебе нужно солнце и мне нужно солнце — будем греться вместе. Встретились два барана на узком мосту и уперлись рогами — оба упадут в воду. Встретились два человека на узком мосту и один уступил путь другому. Хочешь моей крови — на, пей: может, захлебнешься. Хочешь моего мяса — на, ешь: может, подавишься? Людоед! Или ты против? Чье сердце против нежности? Чей глаз не радуют цветы? Твой удар по моей нежности. Твои ноги топчут мои цветы. У тебя не будет ни цветов, ни нежности. Встань против ветра и плюнь себе в лицо, наглец.

Выбей сам себе зубы, зверь. Обмани сам себя, мошенник. Не хочешь? Не хочешь на собственной шкуре почувствовать чужую боль? Тебе обязательно нужен кнут. Рано или поздно наглецу влепят пощечину, зверя пристрелят, мошенника посадят за решетку. Ты не можешь без жандарма, я сам себе жандарм, а ребенок спрашивает, что это такое. Ну, ну, черт, — научи ангела, как нужно жить.

Даже будучи пиявкой, присосавшейся к телу ближнего своего, я говорю: „Нет”. — Нет! — кричу я. И у вас, пиявок, есть только один аргумент... Вы говорите, что жизнь нужно видеть такой, какая она есть, а не такой, какой видеть ее хотелось бы. Извольте, если вам этого так хочется. Только кто сказал, что он увидел все, и кто столь близорук, что дальше собственной испорченности ничего не видит?

— Онежский, отлично живешь! Вер, смотри, Ленка его антрекотами откармливает...

— Если мне не кажется, это — красная икра... Где Лена? Я тоже хочу красной икры. Виктор, подай мне Лену. И, конечно, чай...

Вера приподняла крышку голубого с золотым ободком чайника и понюхала.

— Ах! - произнесла она, закатив глаза к небу, — я тоже хочу чая.

— А я водки... Вер, купи бутылочку...

— Фигу вам! Пойду попрошу Ленку, чтобы она меня накормила.

— Пару кровавых бифштексов, я что-то совсем отошал... и действуй там побыстрее.

— Ага, жди, рысью побегу... Тоже мне...

Сережа воткнул нож в кусок мертвечины и стал

отрезать. Нож был тупой. Сережа нажал сильнее и по доньшку тарелки поползла струйка сока. Пару кровавых... кровавых, кровавых, кровавых... Сережа выпустил из рук нож. Вилка, пошатнувшись, торчит, как стрела... Он поспешно выдергивает ее и отодвигает тарелку в сторону.

— Что-то ты сегодня мрачный, парень? Бабы, небось, все... Все мы задыхаемся, как рыбы в помойном ведре. Чувствуешь. Я уже начинаю тебя щитировать. Далеко пойдешь. Давай выпьем по этому поводу.

— Выпьем, может быть, и выпьем... Желчь и злобу людей, может быть, выпьем мы... черепа идиотов, наполненные помоями... трусость, ограниченность, человеческое ничтожество, чувства и интеллект уродов, — всю грязь испорченности и паразитизма, может быть, выпьем мы... Я принесу...

Сережа резко встал и пошел к буфету.

— Тост! Сережа. За потрясение основ...

— Собственник... потрясти — да так, чтобы посыпались все гнилые яблоки.

— Начинается... Я пью за Ленку. Без нее мы все перемрем с голоду, а я умру первая, потому как я беззубая.

Они выпили. Виктор и Вера заскрежетали ножами о дно металлических тарелок. Сережа сидел, уткнувшись в чашку с чаем.

— И все-таки мясо — это здорово! что бы там ни говорили вегетарианцы. И особенно хорошо, когда оно не похоже на подметку. Ленка прелесть!

— Сережа, активной работой челюстями.

— Волк режет овцу, он хищник, — неожиданно начал Сережа. — Человек режет овцу, он человек.

— Вот так люди впадают в маразм...

— Вот так люди на мгновение вырываются из ма-
разма...

— Далее следует истерика. Правда, такие вещи
проходят даже без валерьянки. И только некоторые
психи переключаются на морковь, собирают яго-
дки в поле и не хотят замечать, что своими башмака-
ми они ежедневно давят по несколько десятков
Божьих тварей. Они никак не хотят быть логичны-
ми, ибо тогда им пришлось бы летать по воздуху.
Нет, я, конечно, не спорю... вегетарианство — оно
облагораживает. Опять же и Лев Толстой...

— Неужели и он?

— Представь себе, и он тоже...

— Сентиментальный ханжа, питающийся — ха-ха!
— рисовыми котлетками. Мясо — тире — необходи-
мый нам продукт! Зачем думать, зачем чувство-
вовать, зачем смешить людей? Ничего этого не нуж-
но. Нужно иметь только здоровые зубы. Нужно ку-
пить бифштекс и тщательно пережевывать его... И не
мясо противно, рожи противно видеть вокруг, жуя-
щие человеческие туши, которые мыслят челюстями
и поэтому вообще не мыслят. Я сам, года три назад,
развлекал себя берданкой. Идиот! Сидит на дереве
птичка, прицелишься — и только клочья мяса и пе-
рышки летят во все стороны. А зачем? Инстинкт
охотника? Но никакой инстинкт не оправдывает
идиотизма. Человек еще слишком глуп. И каждый
маленький человечек ежедневно делает свои ма-
ленькие глупости, поэтому глупость — всеобща. И
вот будучи таким же болваном как все, берешь ру-
жье, прицеливаешься и вдребезги разбиваешь какой-
нибудь изумительнейший клавиш лесного фортепя-
но, обрываешь песнь, умерщвляешь жизнь. Человек
часто поступает подло, хотя это и не лучший вариант

поведения. В подлости мы всегда виновны, и мы всегда чувствуем это.

— Может быть, но человек так устроен, что он сам себя признает виновным и сам себя прощает. На ошибках учимся, но это не мешает нам делать новые ошибки и даже повторять старые. Более всего нас удерживает от преступления боязнь наказания.

— Удерживает... но удержать не может. Есть вещи сильнее страха. Преступник не боится наказания, он стремится избежать его. Человек свободен совершить и не совершить преступления. И только его свободное нежелание может удержать человека от совершения преступления... Дело в самом человеке. Каков он? Что он такое есть? Человечество предостаточно наговорило о себе гадостей и вряд ли стоило бы повторяться, но меня всегда поражало похотливое вероломство нашего эгоизма. Мы иногда тянемся сорвать яблоко удовольствия, даже наступая на любящее горло, и ухитряемся при этом не услышать страшного крика... Только после, когда похотливое вероломство нашего эгоизма будет удовлетворено, когда розовое яблоко нашего желания превратится в обыкновенный эксперимент, — мы вдруг начинаем осознавать ужас случившегося... Мы чувствуем свою вину, однако все же пытаемся найти оправдание собственной подлости, но — увы! — для подлости нет оправдания, и это мы тоже чувствуем... Мы вспоминаем сдавленное горло и слышим тот страшный крик... И это — навсегда... В своем стремлении удовлетворить собственную прихоть мы можем (пропуск) лучшего друга и даже не заметить этого.

— Человек человеку — волк, Сереженька, и поэтому от людей можно ожидать любой пакости.

— А ты?

— Я бы о себе этого не сказал.

— Ну вот мы и засмутились. С чего бы? „Человек человеку волк”, — сказал человек-ягненок. Он что, шутит или хулиганит? Вы говорите: „Волк...” — и добавляете: „к сожалению...” Не нравится вам это, вот вы и пугаете друг друга. Вы хитрите... Мы же говорим: „Не убей”. Это честно, и в этом есть смысл. И люди и овцы хотят жить. Но люди, как волки, хотят жить за счет баранов. „Не убей”, — говорим мы, ибо человеку иметь в голове волка так же опасно, как волку иметь в голове пулю. Вы не осознаете этой опасности, поэтому рядом с академией, где учат лечить человека, вы строите другую академию, где изучаете технологию современного убийства. Вы изготавливаете смертоносные яды, выращиваете бактерии самых страшных болезней и серьезно размышляете о максимальной эффективности применения всей этой чудовищной гадости. Но вам бы пора подумать о том, как армию солдат в серых шинелях заменить армией врачей в белых халатах.

— Все мы поставлены перед необходимостью барахтаться в грязи. Противно, но на данном историческом промежутке времени жизнь действительно такова. И когда она не была таковой? Когда люди не погибали от собственной глупости и когда они не задыхались от собственной вони? Ни религия, ни революция не сделали человека лучше, и вряд ли имеет смысл надеяться на что-нибудь в будущем. И, ей-Богу, смешно вновь вытаскивать забытые вегетарианские доктрины. К чему эти этические абстракции? Лично я, например, не смогу зарезать барана, но я ем и буду есть баранину. В этом случае я дейст-

вительно воспринимаю ее как продукт и не вижу в этом ничего плохого.

– Потому что ты паразит, как и все.

– Стоп, Сережа, – попридержи коней...

– Ну нет, пусть уж кони мчатся, пусть они растопчут того, кто отказывается вести их на живодерню, но кто, однако, не имеет ничего против конской колбасы. Вот ты сказал, что лично я не смогу зарезать... И пусть этот другой зарежет... Пусть... Поэтому зарезать и можно. Но если зарезать можно, значит какому-нибудь школьнику можно упражняться в спряжении этого глагола.

– А, ерунда! дело не в глаголах.

– Дело в психологии современного человека, который вдруг истерично кричит: „Зарежу!“ Зарежу жену... Зарежу врага... Зарежу любовницу... А почему бы и нет? Ведь существует такое понятие – резать. Зарезать барана, если хочешь мяса. Зарезать женщину, если она полюбила другого. Может, все-таки барана зарезать можно, а женщину нельзя? Но ведь режут же женщин. Значит женщину тоже можно зарезать, только, разумеется, не на мясо – с людоедством уже покончено... Вот так вы мыслите, такова ваша психология. По сравнению с вегетарианцем каждый из вас зверь. Ибо там, где вегетарианец делает из жизни святыню, вы делаете из нее бифштексы. И, боюсь, в своем свинстве вы пойдете так далеко, что настанет день, когда свиньи заговорят, а вы – захрюкаете.

– А я ничего не боюсь... Плохо ли, хорошо ли, но я живу так, как мне нужно, и за все сделанное я плачу сам.

– Великолепная фразочка! И к тому же вот ведь какая штука в ней есть... Ведь вот, если в слове

„плачу” сделать ударение на „у”, то вся эта фразочка будет выглядеть всего лишь глуповато. Но если же ударение поставить на „а”, тогда другое дело, тогда не плачу́, а пла́чу или, иначе, — расплачиваюсь. А потом вот ведь еще что интересно... Эту мыслишку-то ты уже не раз и не только мне высказывал. С чего бы это у тебя такая охота „платить” появилась? Ведь вот говорит человек, „плохо ли, хорошо ли” он будет жить, а сам-то чувствует, что жить будет „плохо”, и уж наказывать сам себя за это торопится. Поэтому и добавляет, что „за все сделанное буду платить сам”. Это изнасилованная совесть еле шевелится в человечке. Но не хочет человек, чтобы другие увидели, как подл и труслив он, поэтому и не признает он никакого суда, сам себе судьей обещает быть. „Не суйте свое рыло в мой огород”, — истерически огрызается человек. Не доверяет человек никому, не уважает человек никого. Только наивные, глупые, идиотские, скучные, равнодушные, подлые, злые, враждебные рыла и, в лучшем случае, лица собеседников, собутыльников, соседей, знакомых, проезжих, прохожих видит он вокруг себя. А того не видит человек, что все эти рыла и лица ищут нежности, тепла, справедливости и, только лишь наткнувшись на стену равнодушия и подавившись заплесневелой коркой сомнительной доброты, они становятся злодеями, мошенниками и дураками. Не видит всего этого человек, потому что он — мошенник и дурак. И пусть он не запутывает дела словечками „плохо ли, хорошо ли я буду жить”, и пусть он не пытается парализовать моральное право на оценку жизненного поведения обещанием „за все сделанное буду платить сам”. Никому не нужно это его обещание. Оно необходимо только

ему самому, чтобы хоть как-то замаскировать свои претензии на безграничное право совершать любые, даже грязные, поступки. Из этой щели так и выглядывает коричневое рыльце обыкновенного клопа, который вот-вот выползет насосаться крови.

— Не слишком ли обвиняете, господин прокурор? Вокруг меня действительно только подлые и идиотские хари, а я не нуждаюсь в советах подлецов и кретингов. Я надеюсь на собственную голову и на собственные мускулы. И пить чужую кровь я не собираюсь.

— Не собираешься?

— На вампира я вроде бы не похож.

— Ну, разумеется, мы не вампиры! И даже не бандиты. Мы не орудуем ножом и кастетом. Мы никого не задушим и никому не перережем горла, чтобы ограбить. Нет! Мы, например, просто поступаем в институт. Боже мой! Что может быть безобиднее этого? Мы — учимся...

— Не только есть мясо, но и учиться тоже преступно? Трогательно!.. Это уже напоминает бред одержимого... Я учусь, кончаю институт, иду работать, устраиваю жизнь вообще и тем самым устраиваю свою жизнь. Когда-то учились быть кузнецами, теперь учатся быть инженерами.

— Пусть учатся быть инженерами. Я не против. Я вообще не против того, чтобы люди учились. Но я против паразитов вообще и против дипломированных — в особенности. Дело не в том, что вы устраиваетесь, чтобы устроить свою жизнь. Дело в том, что вы устраиваетесь и устраиваете, стоя на горле у ближнего своего. Но устраивая свое счастье на несчастьи других, все вы ограбили себя и в каждом из вас задыхается совесть. И ты такая же сволочь, как и все...

— Псих, успокойся.

— Ребята, перестаньте, вы что, с ума сошли?..

— Вспомни, когда ты поступал в Литинститут, то понес туда самые лживые свои стихи. Когда ты писал сочинение, ты лгал. Ты лжешь, когда выступаешь на семинарах, когда пишешь курсовые работы, когда сдаешь экзамены. Те, кто тебя учат, — лгут. Ты учишься лжи, ты весь погряз во лжи, и из этой лжи ты никогда не выберешься. Сегодня ты лжешь, потому что тебе нужно учиться, завтра будешь лгать, потому что нужно будет кормиться, и так всю жизнь.

— С волками жить — по-волчьи выть.

— С волками? А сами-то вы кто? Вы сами-то и есть волки... Вы пиявки, а в институтах вы только совершенствуете свои сосательные способности. Своими дипломами, должностями, званиями вы закрепляете за собой привилегированное положение в обществе. Я сосу кровь, но я, видите ли, дипломированная пиявка, и поэтому не мешайте мне. Я понимаю, что человек может быть ученым или художником, но я никогда не пойму, почему ученый или художник может пользоваться жизненными благами в большей мере, чем рабочий цементного завода? Я никогда не смогу понять, почему какая-нибудь архиталантливая певица может утопать в роскоши и откармливать собственного кобеля бифштексами, в то время как бабе со скотного двора нечем накормить детей? Но вам все ясно. Вы говорите: от каждого по способности, каждому по труду. Я смогу согласиться с этим, но только в том смысле, что пусть архиталантливая певица по способности поет, а баба со скотного двора пусть по способности выгребает вилами навоз. Однако я не соглашусь, что

тот, кто напрягает голосовые связки, делает более трудное дело, чем тот, кто напрягает мускулы, и я не соглашусь, что тот, кто напрягает голосовые связки, может позволить себе роскошь забавляться бриллиантами, а тот, кто напрягает мускулы, — вынужден отказывать детям в куске сахара. Может быть, все это и можно как-нибудь объяснить с точки зрения „всеобщего закона стоимости”, но как объяснить все это с точки зрения „всеобщего закона совести”? Где вы найдете моральное оправдание человеку, который купается в молоке, в то время как где-то дети увядают от голода? Где вы найдете моральное оправдание разврату и паразитизму, в какой бы утонченно-замаскированной форме они ни проявлялись? Я одержимый? Да, я одержимый, и поэтому я не успокоюсь... Ты говоришь, что надеешься на собственные мускулы. Прекрасно! Но можешь ли ты надеяться на собственные мускулы, если банда грабителей ворвется в твой дом? Твои собственные мускулы вряд ли помогут тебе уберечь свою собственную голову, если десятки честных и смелых людей-братьев не придут к тебе на помощь.

— Стало быть — драка, а как же твой пацифизм? Или, может быть, все-таки в тебя камнем, а ты в него хлебом? Может, все-таки...

— И не все-таки... Даже несмотря на всю подлость, на все драки и убийства, — он в тебя камнем, а ты в него хлебом, ибо разум, совесть, справедливость и любовь — самые мощные орудия в человеческом арсенале. Они в миллионы раз мощнее всякой водородной бомбы. Вопреки войнам, вопреки убийствам, вопреки подлости и жестокости — человечество существует, и оно существует только потому, что сумело выковать в своей общественной и

биологической сущности для поддержания своего существования такое великолепное оружие. Все люди — братья или все люди — враги! Труд честный или паразитизм мошенников! Вот выбор, и другого нет!

— Не в этом дело. Пацифизм проповедует отказ от всякой борьбы. Пацифизм уводит от реальности, а реальность такова, что в твой дом однажды врываются бандиты и необходимо защищаться, необходимо, защищаясь, убивать.

— Пацифизм проповедует отказ от всякой борьбы и хорошо делает! Но когда обнаглевший агрессор врывается в чужой дом, пацифист защищается и защищает. И это естественно. И все-таки пацифист говорит: „Не убей”. Пацифизм бьет не по рукам, а по мозгам. Пацифизм стремится разоружить ум агрессора. Пацифизм ведет неутомимую войну против войны. Но в мире еще слишком много солдат и слишком мало солдат-пацифистов. Когда-нибудь их будет много, и тогда они создадут общество разоруженных государств и умов.

— Если пацифист все-таки дерется, тогда нет никакого пацифизма, тогда пацифизм уже не пацифизм. Тогда остается только здравый человеческий разум, который против войны, который не хочет войны. И ничего больше.

— Очень хорошо, что здравый человеческий разум против войны и не хочет войны. Но люди убивают друг друга, люди развязывают войны несмотря на весь свой здравый разум, который против войны и который не хочет войны...

— Значит пока еще люди не могут не воевать. Такова жизнь, даже если она нам и не нравится. Не знаю, может, когда-нибудь люди и смогут жить иначе... Во всяком случае яблоко должно созреть.

— Но яблоко может и не созреть, если червь вражды и паразитизма будет подтачивать его сердцевину, если глупые свиньи будут подрывать корни дерева и если человечество будет забавлять себя в это время пустяками. Слишком много проблем в человеческой голове, но человеку не следует забывать о том, что где-то в арсенале лежит бомба, которая однажды может разmozжить его легкомысленную голову. Все мы против войны, но только когда с неумолимой неотвратимостью штык вонзается в наш живот, только тогда, в нашем предсмертном крике, раздастся истинный голос протеста. Вот здесь-то, на этой глубине, и начинается пацифизм, здесь-то и лежат его неискоренимые корни, а додуматься до той простой истины, что человек должен быть сильнее силы и умнее насилия, не так-то уж и сложно. И уж еще проще понять, что насилие сильного — его слабость. Меня всегда удивляло, что миллионы попугаев из века в век повторяют: жизнь — есть борьба, все люди — враги, победитель — всегда прав и тому подобную чепуху с такой же убежденностью, с которой когда-то их предки твердили, что земля имеет форму сковороды и держится на трех китах. Помоему, пора бы уж было и понять, что жизнь — есть творческое созидание людей, взаимная помощь, их сотрудничество.

— Сотрудничество собаки с кошкой, взаимная помощь кошки с мышкой.

— Если угодно, собаки могут великолепно уживаться с кошками, а кошки с мышками. И все волки станут овчарками, если так будет нужно... Я не знаю, зачем людям дано жить, и не знаю, есть ли в этом какой-нибудь смысл. Но уж коли мне дано жить, я хочу жить честно, потому что если я позволю

себе стоять на горле у кого-то, то другой, с таким же основанием, может позволить себе стоять на горле у меня. И тогда мир превратится в хрипящее месиво. Я не думаю, чтобы он уж очень этого хотел. Но мир хрипит. Он хрипит потому, что в своем безумном стремлении к благополучию каждый встает на горло другому. Можно ли жить иначе? Вот в чем вопрос. Я бы сказал – ничего не требуй и перевязывай людям раны, они сами заплатят тебе за это. Это честно, но это не выход. Сколько бы ни старались санитары, в госпиталь прибывают все новые и новые раненые. Война продолжается, мир хрипит. Рвутся бомбы, свистят осколки. И моя жизнь в опасности. Я не хочу умирать, так же, как не хочет умирать и вот этот юный солдат, который стонет на носилках и взывает о помощи. О, если бы он знал, что борьба смертельна даже для победителей!

– Именно поэтому, может быть, и не нужно вступать ни в какую борьбу. Нужно сидеть и пить вино и еще... спать. А завтра, завтра я проснусь и буду что-нибудь делать. Буду жить, двигаться, дышать...

– Ну, а задыхаться ты тоже будешь? Или что, помойное ведро, в общем-то, уж ничего? И в нем жить можно...

– Приходится, никакого другого, непомойного, ведра не существует.

– А что, если все-таки существует?

– В твоём воображении...

– Так же, как и в твоём помойное.

– Зло существует реально.

– Так же, как и добро.

– Но зло сильнее, оно торжествует, мир полон жестокости.

– Вряд ли это так. И, пожалуй, это совсем не

так... „Зло вечно, и оно торжествует!” – запугиваем мы сами себя. Но хорошо же оно торжествует, если люди осуждают всякое зло. Разве те или иные проявления зла приводят тебя в восторг? Скорее наоборот. Разве история не осудила гитлеризма? Наоборот, гитлеризму было нанесено и военное и моральное поражение. Жизнь – есть непреклонное стремление человечества утвердить нравственную идею в отношениях между людьми, ибо это единственный путь к счастью для всех. Фашизм попытался воздвигнуть величественный замок на костях других народов. В своем истеричном стремлении к национальному величию фашизм попрал нравственные ценности и поэтому был обречен на гибель – неотвратимо. Ибо неотвратимо стремление человечества утвердить нравственную идею, и всякая тенденция, которая будет противодействовать этому, – неизбежно потерпит поражение.

– А марксизм?

– Нельзя отрицать историческое значение классического марксизма как учения о социальной и экономической справедливости.

...После кровавой оргии 1937 года у нас ругать коммунистов считается признаком хорошего тона. Юные сопляки и великовозрастные пошляки, напившись, захлеб распевают:

„Раз-громим большеви-ков, большеви-ков,
Кра-а-сным нет поща-а-ды”.

Россия разлагается. Респектабельный обыватель, хихикая, говорит: „Наше дело – смотреть и удивляться” – рассказывает пошленькие политические анекдоты за чашкой кофе. Молодежь все более развращается. Воинственные экстремисты истерично кричат: „Гады большевики!” – совершенно не в сос-

тоянии понять, что же, собственно, происходит. Колхозное крестьянство думает: „Може, вот, што и буде, да где там, председатель и все они пьянствуют и жрут, им и дела никакого нет”. Поговори с рабочим, и он скажет: „Сами-то они жрут сколько хотят, а мы ишачь на них. Если бы Ленин был, вот тогда, может, что-нибудь и было. Уж хуже нас, наверно, никто не живет”. Здесь вторая революция нужна, а так ничего не изменится. Вон на Западе рабочие бастуют. А у нас... Партийный механизм все более превращается в средство достижения личных целей. Один мой знакомый вступил в партию и пошел работать секретарем комсомольской организации, в душе презирая все это, только чтобы поскорее получить квартиру. Я знаю одну машинистку, которая вступила в партию потому, что иначе ее не взяли бы на работу во Внешторг. И таких примеров сколько угодно. Дело доходит до анекдотов, когда член партии, охмелев, подвывает: „Разгромим большевиков, красным нет пощады...” И среди всего этого маразма ни одного трезвого голоса. Никто не хочет подумать, никто не может понять. Я встречал много доморощенных политиканов, которые даже не удосужились определить своего отношения к рабочему классу и крестьянству. Все несут какой-то бред... Любой студентик, в конце концов, после мучительных интеллектуальных усилий, сползает к пошлой фразе, что, мол, народ — эта масса, слепое стадо баранов. А это слепое стадо его учит и кормит. Это слепое стадо, исхлестанное и доведенное до скотоподобного состояния, слепо тычется своей наивной мордой, не в состоянии понять, что же творится вокруг. „Мир полон жестокости”, — говорите вы. Да, полон, но чем сильнее зло, тем желаннее добро, чем

сильнее несправедливость, тем сильнее жажда справедливости. Я утверждаю это.

— А я утверждаю, что жаждущий справедливости похож на жаждущего влаги в пустыне. У него трескаются губы и начинаются галлюцинации. Он слышит воображаемый плеск воды и торопится к воображаемому источнику, когда же мираж исчезает, его покидают силы и он падает.

— Все это вздор! Нет пустыни, но есть пустынные души. И всякая сволочь, задушившая в себе человечность, только собственную вонь объявляет реальностью. Как будто реально существуют только шакалы и змеи и будто бы свежесть ландыша и тонкий запах розы — мираж. Будто бы люди только калечат и никто не перевязывает их раны.

— Какие изящные галлюцинации! Люди грызутся, как собаки и, как собаки, зализывают свои раны. Во всем этом слишком мало гуманизма и слишком много необходимости...

— Так что же делать, Виктор? Жить осталось каких-нибудь пятнадцать тысяч дней... Если жизнь отвратительна, как помойное ведро. Если люди, как рыбы, задыхаются в этом помойном ведре. Может быть, нужно превратиться в лягушку и квакать эти пятнадцать тысяч дней. Или, может быть, стать крысой и ловить полудохлую рыбешку в мутной воде.

Что же делать, Виктор? Я не хочу оплакивать трупики сокровенных желаний. Мне больно смотреть, как люди оплевывают светлого ангела своей чистоты. Зачем мне эти пятнадцать тысяч дней? Чтобы смотреть, как сосед плюет в кастрюлю своего соседа? Ведь можно же жить и иначе. Я верю, что Христос мог пятью хлебами накормить всех, и знаю, что одному паразиту и десяти хлебов будет мало.

Нужно быть честным, нужно нести добро. Нужно в него хлебом, даже если он в тебя камнем. Только непременно хлебом, а не сухой заплесневелой коркой. А то может получиться так, что коркой-то много раз хуже, чем камнем. Да еще и удивляются, почему их не благодарят за это...

Есть хлеб и хлеб. Есть хлеб, утоляющий голод, и есть хлеб, убивающий голодного. Есть хлеб, который тверже камня и хуже всякого насилия. Далеко не из всяких рук я возьму хлеб, ибо не всякий хлеб от чистого сердца.

Иные, проповедуя непротивление злу, поучают: если тебя ударили по левой щеке — подставь правую, сами же не понимая того, что они проповедуют и чему поучают...

Тебя ударили по левой щеке — подставь правую, если это поможет остановить зло, но если это только поощряет зло, то не подставляй правую, а лучше подставь палку, чтобы злодей сломал собственную руку. И когда он будет корчиться от боли, обмой рану его и перевяжи руку его. И прибавится у тебя друг, и убавится у тебя враг... Ударишь ли ты перевязывающего рану твою, плюнешь ли ты в родник, из которого пьешь? Думаю, что нет...

— Он в тебя пулей, ты в него булкой. Он в тебя бомбой, ты в него буханкой. Забавно...

— Он в тебя пулей, ты в него автоматной очередью. Он в тебя автоматной очередью, ты в него водородной бомбой. Это уж, конечно, не смешно.

— Это — война. А война — жестокая необходимость.

— Так ли уж необходима мне эта жестокая необходимость?

— Но такова жизнь, такова реальность жизни.

— Я против! Я против такой реальности. Я против, и я тоже реальность.

— Ты реальность, но ты не реалист. Ты, как малое дитя, возмущаешься тем, что жизнь — не рай, а люди — не ангелы. Ты против, ну и что же? Все мы против, и все мы живем в аду.

— А я против и не хочу жить в аду.

— Тогда удавись и, может быть, попадешь в рай.

— Ты считаешь, что это единственный выход из ада?

— Пожалуй. И наверняка это единственный вход в рай.

— Может быть, это и единственный вход в рай, но вряд ли это выход из ада.

— Ты знаешь какой-нибудь другой?

— Да, я знаю этот другой выход. Я знаю, что единственный выход из ада — это непреклонное стремление выйти из него.

— Гениально! Только куда и каким образом?

— Неважно куда, важно уходить из ада.

— И попасть в самое пекло...

— Даже если и так, то особенно важно именно в этом месте постараться не продать душу дьяволу и продолжать свой праведный путь. В былые времена праведники надеялись избежать ада и попасть в рай. Теперь и ад, и рай отменяются, теперь праведники праведно шествуют в неизвестность.

— Теперь и рай, и ад переносятся на землю. Теперь или райская жизнь земных праведников или дьявольская жизнь в земном аду.

— Логично, но люди усомнились в возможности небесного рая, и тем более теперь они не поверят в возможность райской жизни на земле.

— Тогда им пришлось бы жить в земном аду.

— А они, собственно, в нем и живут. Но вам не нравится земной ад и вы проповедуете праведное шествие в земной рай. Но вам не следовало бы забывать, что люди стремились праведно жить на земле потому, что верили в возможность избавления от страданий на небе. Но поверят ли они в возможность избавления от земных страданий? Никогда! А мучениями в земном аду их не напугаешь. Теперь людям не нужен Бог и не страшен чёрт. И плевать они хотели на всякую праведность.

— Когда-то люди пугали сами себя адом и обманывали раем, но теперь у них есть возможность...

— Нет у них никакой возможности теперь... Теперь у взрослого человека единственная возможность мучиться, как ты говоришь, 15 тысяч дней на Земле и в конце концов подохнуть от инфаркта или рака. Где возможность? Какая возможность?

Тайна счастья, как крепкий орех,
Путь желанья, тернистый и зыбкий,
Обрывается там,
Где в помойном ведре
задыхаются люди-рыбки...
Невозможно спастись!
Невозможно спасти!
Смерть на личиках тайн сокровенных!
Мозг бессилён,
Бескровны пути,
Перерезанные, как вены.

Наркотик жизни обесценен. Теперь возможности только у наркоманов, в совершенстве владеющих искусством заглушать собственные страдания

и подавлять отчаяние и страх... Дайте мне жизнь, в которой я мог бы радоваться восходящему солнцу и свободной птицей петь в зеленой листве девственного леса. Укажите мне путь в эту жизнь и я пойду с вами. Но вам этот путь неизвестен. Ваши пути бескровны, как перерезанные вены... В мойном ведре задыхаются люди-рыбки... И мозг бессилён что-либо изменить... Невозможно спасти! Невозможно спастись!

— Не надо меня пугать моими же стихами. У меня, между прочим, есть и другие:

Я рвусь сквозь мертвый пласт гудрона
в обитель ливней и лучей.

— Не забудь еще написать о том, что все мы рвемся и всех нас рубят под корень самые обыкновенные дворники. В этом, быть может, есть истина, но я думаю, что бóльшая истина в вине...

— Давай выпьем и нам нужно бежать.

— А куда? Куда бежать-то? Говорит человек, волнуется грудь его, расправляет он свои огромные крылья и... бежит в подворотню, как общипанная курица... Но, Боже мой, как я устал... Как мучительно нести в себе это кладбище полузarezанных ангелов... они еще шевелятся во мне... совесть еще не задохнулась в моей темнице... она зовет... Восстань! Восстань и разрушь собственную темницу! Ангелы умирают! Не можешь? Можешь, потому что восстать против себя — значит восстать против всех. Не бойся! Не бойся, глупец, ибо все только и ждут твоего сигнала... Моя кровь кипит, она жжет мои вены. Я жду? Нет, я не жду. Я восстал. Я уже давно восстал. Я уже давно мечом сол-

нечного плодородия отрубая головы кровавых шакалов. Ни с места! Утонченные паразиты и извращенные подлещи. Ни с места! Или я утоплю вас в океане пшеничного поля. Я засыплю вас лепестками цветущих вишен. Бесчисленные стрелы моих васильков пригвоздят вас к земле.

Режьте, стреляйте, бомбите... разлагайтесь и разлагайте. Вздуются и лопнут гнойники современного маразма. Человечество переболеет болезнью взаимной вражды и выработает необходимый иммунитет. Мы вырвем орудия науки и техники из грязных рук. Вместо каторги труда — нужна мастерская творчества. Люди — ромашки в поле, а не гвозди в заборе. В каждую чашу да положится земляника с молоком — и человек узнает истинный цвет своей кожи... Вы проигрываете в каждой вашей победе. У вас не будет солдат. Победителей не судят, но вы проигрываете в каждой вашей победе и поэтому победителей судят. Победитель всегда прав, но вы всегда не правы, поэтому победитель всегда не прав. Что вы можете? Взрастить смертоносные грибы водородной бомбы, но кому это нужно, когда в лесу есть настоящие грибы! Мы победим победителей. Мы разбомбим вас обыкновенными пшеничными зернышками. Когда вы думаете, вы хитрите, поэтому вы думаете плохо. Ваши ценности вредные, ваша сила опасна, но мы будем сильнее силы и умнее насилия.

Сережа налил чашку остывшего чая. Подошла Лена.

— Там к тебе ребята пришли. Спустись вниз, Егорыч уже никого не впускает, мы скоро закрываемся... Виктор мне сказал, что наше заведение скоро обанкротится... будто бы ты сегодня съел

последний в своей грешной жизни антрекот, а завтра, нарядившись в мешковину, придешь проповедовать вегетарианство посетителям кафе.

— Этого может и не случиться, если он завтра купит ягненка и собственноручно перережет ему горло... Что вздрогнула-то? Испугалась! Вот он тоже струсил..

— У меня дома есть лишние шарики, я как-нибудь их принесу... своих-то у вас, вроде, не хватает...

— Леночка, всем известно, какая ты у нас добрая... с тобой даже расплачиваться можно не сегодня. Между прочим, получка у меня второго числа. Так что я побежал, но завтра я все равно приду.

У входа в кафе Сережу ждали трое парней.

— Старик, ты там застрял, как рыба в корягах. Мы тебя еле вытащили. Этот хрыч рычит, как бульдог... Пошли к Кадику, есть две бутылки...

— Нет, не могу, я Ленку обещал проводить.

— А, брось... сама дойдет. Или во... Мы Петю выделим, он проводит ее до самой кровати. Ну, старик...

— Нет, не могу...

— По-до-зрительно все это! Ну смотри, мы отваливаем... Заходи завтра.

Егорыч стоял у дверей злой, как черт. Сережа знаками попросил открыть дверь.

— Чего тебе? — недовольно проворчал Егорыч, все-таки пропуская его.

Со столика, за которым сидел Сережа, было уже все убрано. Последние посетители расплачивались и уходили. Подошла Лена.

— Меня ребята звали пить. Я не пошел, сказал, что тебя обещал проводить. Я подожду... — неужи-

данно для самого себя сказал Сережа, и что-то вздрогнуло в нем.

— А я еще деньги не сдавала. Может, принести тебе чего-нибудь?

— Нет, я покурю.

Лена пошла в служебную комнату.

Смутное предчувствие шевельнулось и притаилось в сознании Сережи, оттесненное и придавленное ходом вдруг засуетившихся мыслей: „Надо бы выправить текст... В двенадцать буду дома... даже раньше... часа три поработаю... седьмую страницу нужно переделать совсем...” — Предчувствие вновь ожило и зашевелилось. „Нет! Нет! Провожу и сразу же на автобус... Да и вообще... Так уж как-то все вышло...”

Сережа сопротивляется, но... Ноги, и на сгибах, между голубых веночек, что-то таинственное и возбуждающее... Оно врывается неотвратимо. Оно не ведает преград... Оно знает только победу... И борьба возможна только с самим собой. Борьба, когда нельзя победить, но когда можно потерпеть поражение.

Ты идешь и разговариваешь с Леной. На мгновение ты вспоминаешь о Марине, но только на одно мгновение. И твоя совесть смотрит на тебя большими удивленными глазами. — „А что, собственно, случилось? Я же...” — А большие удивленные глаза твоей совести все смотрят на тебя. — ”Молчи, мошенник, спрячься за ширмочку собственной наглости и забудься. Не все сразу. Сейчас вот она попросит тебя починить утюг, ведь ты же электрик! и ты согласишься, придешь к ней домой, она покажет тебе неисправный утюг и утюг окажется, действительно, неисправным... Молчи, молчи, предатель”.

Они вошли в подъезд. Лена долго не могла открыть дверь.

— Попробуй ты... Вот дурацкий замок...

Сереза вставил ключ, потянул дверь на себя и открыл. Они вошли в комнату. Лена включила верхний свет.

— Садись, я сейчас принесу утюг, а то мне нечем мои тряпочки погладить.

И она вышла на кухню.

Сереза чувствовал себя как-то неловко отчасти потому, что еще не успел освоиться, а в основном потому, что все получилось как-то не так...

Лена вернулась, зажгла торшер и погасила люстру. В комнате стало уютнее.

— Тыними куртку... У тебя вид, как будто ты собираешься бежать. Давай я ее повешу.

Сереза быстро нашел обрыв в шнуре, зачистил концы провода и стал расправлять подсохший кусочек изоляции.

— Ой, Сереза, я так устала. Давай-ка с тобой выпьем. Во коньяк! Сейчас я принесу.

На кухне Лена достала из буфета рюмки, вымыла их; потом она подошла к зеркалу, слегка дотронулась до своих великолепных волос, потом еще коснулась ресниц и, глядя в зеркальце, чуть повернула головку сначала влево, а потом вправо. Потом она пошла в маленький коридорчик, сняла туфли и надела мягкие тапочки. Ей вдруг захотелось снять свое узкое платье и надеть другое. Оно висело в комнате на ширме. „Нужно пойти и взять, а переодеться можно здесь. А если там? Нет, там нельзя, там он...” И все-таки именно там, где нельзя, где он...

— Серез, возьми ты бутылку и рюмки, а я сни-

му это чертово платье. Господи, как оно мне надое-
ло, в нем всегда, как в футляре.

Сереза вышел на кухню, взял было бутылку, по-
том поставил ее на место. Подошел к умывальнику,
потом обратно к столу, потрогал краник газа, потом
снова взял бутылку, но не пошел в комнату, а стоял
на месте и разглядывал этикетку. Идти в комнату
было нельзя. И нельзя именно потому, что там она
переодевалась. Лена приоткрыла дверь.

— Сереза, все уже...

Она стояла на пороге, держа одной рукой за
ручку распахнутой двери. Проходя мимо, Сереза
ощутил близость ее тела. Он почти остановился око-
ло нее, хотя ни один человеческий глаз не смог бы
этого заметить.

Коньяк был хорош. Они выпили по рюмке, и Ле-
на наливала по второй...

— А вы что с Виктором поссорились? Я слышала,
как вы о чем-то спорили.

— А, ерунда...

— Как у него с Верой?

— Вроде бы скоро женится. И вообще все мои
знакомые что-то переженились.

— А я? Или я отношусь к числу знакомых офи-
цианток?

— Ну что ты придираешься? По-моему, тебя нуж-
но выдать замуж, хотя бы в наказание за вредность.

— Это нелегко сделать.

— Ничего, мы постараемся...

— Кому я нужна, тот мне не нужен, а кто мне ну-
жен, тому я не нужна.

— Благородный Гамлет иногда выражал свои
мысли именно таким образом. Я что-то ничего не
могу понять...

Лена залпом выпила рюмку коньяка.

— Например, я нужна нашему директору, или вот на днях я вдруг понадобилась одному журналисту. Журналист дрянь, а у директора, кажется, вполне серьезные намерения. Это ужасно... Бесконечное множество ожиревших стариков, пошляков, пьяниц, и, в лучшем случае... А, впрочем, никаких лучших случаев — все какая-то дрянь и потаскухи в брюках. Я им, может быть, и нужна, но они мне — нет. Я иногда начинаю думать, что действительно обстоятельства сильнее меня.

— Тебе нужно уйти. У вас паршивая публика.

— А ты? Ты тоже бываешь у нас. Мне нужен ты. Что глаза-то опустил? Вот сейчас повисну у тебя на шее. Интересно, что ты будешь делать? Просто вырвешься или вырвешься как-нибудь иначе... и правильно сделаешь. Что я тебе... Вот я дважды спрашивала, о чем вы с Виктором разговаривали, а ты дважды отмахнулся, как от мухи. И ты прав. Я это сама чувствую.

Лена мгновенно оказалась около Сережи, обняла его.

— Сереженька, милый... — взволнованно шептала она. Она всем телом прижалась к нему. Ее трясло как в лихорадке.

— Леночка, не надо, милая, ну что ты?

Сережа быстро опустил на пол, взял ее за плечи и прижался щекой к ее волосам, но она повернула голову, и ее горячие губы коснулись его щеки. Машинально он отстранился, потом, как бы опомнившись, снова прижался щекой к ее головке. Она сразу же как-то обмякла, ее тело сделалось тяжелым, она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Леночка, что ты... не надо... Лена встань...

— Оставь...

— Встань, Лена, милая, пожалуйста...

— Иди к черту... зачем ты сюда пришел? Пусть я этого хотела. А ты? Ты тоже хотел, я все видела... пусть я — баба, а ты?.. Ты хороший, милый... Все это ложь! Лучше прямо...

Она неожиданно быстро сняла платье и стала рвать на себе нижнее белье, потом бросилась на тахту и закрылась пледом.

— Уйди, — сквозь слезы попросила она.

Сережа ушел. Он был сам себе противен. Он чувствовал себя уставшим, потрепанным и грязным. Ему хотелось поскорее прийти домой, сбросить с себя вместе с бельем всю эту скомканность и потрепанность чувств и вымыться чисто-чисто.

— Извини, приятель, у тебя спичечки не будет?

Сережа достал спички. Прохожий прикурил.

— Спасибо.

Сережа что-то хрюкнул в ответ и, сгорбившись, быстро пошел дальше.

Она, может быть, душу хотела отогреть около меня. Она действовала по-женски, истерично, с надрывом, но не в этом главное. Главное-то в том, что ей человечность моя нужна была. Но там, где должен был быть человек, оказался предатель, мошенник, дрянь... Ведь предал же я Марину. В удовольствии себе не смог отказать, флиртануть изволил, а ведь завтра, как будто бы ничего не случилось, будто бы я и не предал вовсе, приду к Марине, буду хорошим и даже нежным. Ну, а что, если как раз в тот момент, когда я предал ее, Марина, в споре с кем-нибудь, голову дала на отсечение в подтверждение того, что я никогда и ни при каких обстоятельствах ее

не предам. Проспорила бы она голову-то! Вот ведь в чем дело... Но, может быть, верить-то никому не нужно и даже нельзя. Может быть, наоборот, нужно не доверять? Может быть, любовь другой стороны, на всякий случай, иметь. Игра-то ведь стоит свеч. Ведь голову иногда можно проспорить. Или еще хуже, скажут: „Вот видишь, никому нельзя верить, известное дело, но мы-то, мол, разбираемся что к чему, нас-то голыми руками не возьмешь, мы всегда готовы и обманывать и быть обманутыми”. Скажут ведь вот так — и возразить будет нечего, и даже может показаться, что правильно люди говорят, а это уж совсем плохо.

Начала болеть печень, а может быть, и не печень. Сережа совсем сторбился, прошел несколько шагов и прислонился к дереву. Раздирающая боль все сильнее вонзала свои когти. На мгновение боль затихла, потом когти вонзились с новой силой, раздирая внутренности. Все существо его напряглось, он съежился. Боль скрутила его как веревку. Когда она немного утихла, он пошел дальше, неся в себе этот раздирающий тело кошмар. Ему хотелось взять большой нож, распороть себе живот, вырезать и выбросить вместе с болью всю гадость внутренностей. Сережа тихо стонал. Он сдерживал себя.

Идти оставалось немного. Сережа шел все быстрее и быстрее. Он хотел поскорее прийти домой. Он почти вбежал в подъезд, дрожащими руками открыл дверь, прошел в комнату, зажег настольную лампу и рухнул на тахту. Не сдерживая себя более, он стонал громко и даже преувеличенно громко, и от этого ему было легче.

Примерно через полчаса Сережа вышел на кухню, чтобы согреть воды для грелки. Он зажег все четыре

газовые конфорки. Четыре синеватых цветка зашумели и заволновались своими маленькими лепестками. Сережа расстегнул рубашку и, потирая живот, приблизился к плите. Успокоительное тепло растеклось по всему телу. Боль утихала. Наконец закипел чайник, но грелка была уже не нужна.

Он пошел в комнату и сел за письменный стол. Перед ним лежала папка с рукописью, но он даже не открыл ее. Он убрал рукопись в ящик письменного стола и взял книгу, но и книгу отложил в сторону.

Обыкновенно читал и писал Сережа ночью. И когда случалось, что он приходил вечером пьяный, садился за письменный стол и начинал писать, но писать не мог, пробовал читать, но и читать не мог, он очень злился на себя.

Он старался не пить, он отказывался пить, особенно к вечеру, ибо знал, что ночью, в пьяном дурмане, он не услышит фиолетового звона лесного колокольчика, а утром... разольется вдоль улиц стремительный первый поток прохожих, и люди устремятся куда-то, наступая друг другу на пятки. Сильные будут бить по морде слабых, хитрые будут обманывать глупых, кто-то зарежет кого-то, кто-то умрет от голода, кто-то умрет от ожорства: мир будет паразитировать, как отвратительный клубок пиявок, сосущих друг друга, где выигрывает тот, у кого наиболее натренированы сосательные способности.

И некому будет задать людям простой и ясный вопрос: стоит ли быть мерзавцем ради того, чтобы за утренним чаем вместо обыкновенного куса хлеба съедать обыкновенную булочку с кремом?

1959-60 гг.

Статьи и заявления

*„Вы можете выиграть этот бой,
но вы все равно проиграете эту войну.
Войну за демократию и Россию.
Войну, которая уже началась и в которой
справедливость победит неотвратимо...”*

*Юрий Галансков
„Феникс-66, 1966 г.*



В начале 60-х годов

ПИСЬМО В КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

КГБ ведет следствие по делу арестованных: ИВАНОВА Анатолия, ОСИПОВА Владимира, КУЗНЕЦОВА Эдуарда.

Насколько я понимаю, в настоящее время следственные органы пытаются выяснить подробные обстоятельства дела и установить степень виновности лиц, имеющих к нему то или иное отношение.

Ни на минуту не сомневаясь в том, что следствие совершенно объективно подойдет к рассмотрению всех вопросов, так или иначе связанных с этим делом, я считаю необходимым изложить Вам следующие соображения.

Почти всегда предварительное следствие в своих действиях руководствуется одной очень примитивной юридической формулой: установить виновность, передать дело в суд и наказать.

Если в данном деле Орган будет руководствоваться этой, подчеркиваю, очень примитивной юридической формулой, то конечный эффект не принесет ничего, кроме вреда.

Представим на мгновение, что материалы следствия направлены в суд, суд юридически зафиксировал установочный срок, виновные получили по 5-7 лет. Вот и все. Но представив на мгновение все это, давайте представим себе и все последствия, из этого вытекающие:

1. Буржуи будут кричать о „террористах” и „репрессиях” накануне съезда (и уж, конечно, „массо-

вых”), о том, что революция в России начинается и т.д. и т.п.

2. Подонки времен культа воспрянут духом и будут рассуждать: „Вы нас обвиняете в массовых репрессиях и напрасно обвиняете... сами видите... террор... долиберальничались... мы вас предупреждали... так нечего валять дурака – верните нам наши кресла, звездочки, ордена и оклады”...

3. Осужденные будут гордиться своим положением. Где-нибудь в Мордовии они значительно расширят свой политический кругозор, у них прибавится злости и желания действовать. И кто знает, может быть, из них действительно получатся террористы.

4. О „террористах”, „схваченных” Органом и „брошенных” за решетку, полетят слухи. А террор – вещь заразительная, и обязательно найдутся решительные и энергичные люди, которые к нему прибегнут. К тому же нужно добавить, что современное террористское движение – явление международное и, в силу своей крайней радикальности, все более популярное. Возьмите, например, Германию, Францию, Японию, Испанию, Италию – и вы в этом убедитесь.

5. Для многих Орган по-прежнему будет чем-то ужасным, где пытаются и расстреливают борцов – ленинцев и не ленинцев, – где проливают кровь честных людей, и т.д. и т.п.

Есть и другой путь, который, если его проводить последовательно, поможет обществу избавиться от массы предрассудков.

В чем заключается этот другой путь?

Я ни на минуту не сомневаюсь в том, что вы отлично понимаете, что к решению вопросов, связан-

ных с политическим правонарушением, необходимо подходить не только с точки зрения законности, но и с точки зрения политической целесообразности с учетом достижения наивысшего и всестороннего политического эффекта.

Массовые репрессии и вопиющие факты беззакония нанесли вред не только в сфере политической жизни и народного хозяйства. Это лишь одна сторона дела. Другая сторона заключается в том, что страшные проявления культа личности совершенно изменили психологию общества.

Людей слишком много насильствовали — ответной реакцией было сопротивление. Людей слишком много обманывали — и они привыкли ничему не верить.

Самые благородные идеи потеряли всякую привлекательность, потому что эти идеи исходили из лживых уст плеяды мерзавцев и убийц.

Чтобы правильно понять характер всякого нелегального, в том числе и террористского, движения, необходимо правильно определить причины, породившие его.

Представим на мгновение, что какие-то люди, захватив власть и устранив всякий контроль над своей „деятельностью”, самым свинским образом нарушают конституционные свободы, допускают грубейшие ошибки как в области внутренней, так и внешней политики. Вполне естественно, что другие люди вступают с ними в борьбу. Их репрессируют. Постепенно люди убеждаются в том, что легальные формы борьбы — невозможны. Начинается фаза нелегального движения.

Но широкое нелегальное движение невозможно, а отдельные, не связанные между собой организован-

ные группы не могут достигнуть необходимого эффекта. Тогда людьми овладевает отчаянье, и они прибегают к последнему средству — террору. И действительно, если кто-то, из года в год, совершенно безнаказанно, грубо нарушает конституционные свободы, то почему бы и не стать террористом, почему бы и не покарать тех, кого нужно покарать. Во всяком случае, формально, личность чувствует, что она имеет на это полное моральное право.

На XX съезде КПСС были вскрыты и осуждены вредные проявления культа личности. Но это еще не означает того, что были устранены все причины, породившие культ личности. Это еще не означает того, что все явления, сложившиеся и утвердившиеся как следствия, непосредственно вытекающие из самого культа личности, были обезврежены и отброшены в сторону. И тем более, это еще не означает того, что таким образом была изменена общественная психология, люди все еще продолжали находиться в плену (уже почти не существующих реально) фактов минувшей действительности. Иначе говоря, люди продолжали мыслить настоящее как прошедшее, т. е. люди продолжали находиться в плену предрассудков.

Я не раз предлагал Иванову А.М. помочь мне в создании Союза сторонников полного и всеобщего разоружения, но он постоянно отклонял эту идею, считая, что сейчас этого сделать не дадут. С другой стороны, Кузнецов Эдик и Осипов Володя считали эту идею правильной и поддерживали меня. Я отлично понимал, что если резко выступить против Иванова, то можно оказаться в изоляции.

Поэтому, споря с Ивановым и формально не отрываясь от него, фактически я пытался разубедить его и ребят, которые находились под его влиянием, и таким образом пресечь возню вокруг „мероприятий”, о которых в настоящее время вы имеете полное представление. Все предпринятые мною действия (о которых вам частично известно из показаний свидетелей) в общем-то достигли цели. У „Плевны” Иванов снял все свои „мероприятия”, правда, после „Плевны” я подумал, не пытается ли он меня изолировать. Поэтому я неоднократно встречался с Кузнецовым и Осиповым и пытался узнать, действительно ли все „мероприятия” сняты. Осипов и Кузнецов убеждали меня в том, что это действительно так. Но я все же рассчитывал на худшее и с этой целью было решено предпринять „сеанс гипноза” и, если в этом будет необходимость, акт физической изоляции Иванова на время съезда. Далее, в пятницу (6 октября) у меня в комнате должна была состояться встреча, где должны были быть разрублены все узлы. Но в пятницу (6 октября) — это сделал Орган.

У вас, естественно, возникнет вопрос, почему я сам не обратился в Орган? Отвечаю, и это очень важно.

До самого последнего времени об Органе у меня были представления, если и не такие, что там бьют и расстреливают борцов, то во всяком случае, что там не очень-то станут разбираться, а будут сажать всех подряд. Вам может показаться странным, но это действительно так. Это говорит о том, что у меня на этот счет еще сохранялся предрассудок. И это лишний раз подтверждает то, что психология людей изменяется очень медленно, и что производить ка-

кие-либо действия в этом направлении нужно правильно и крайне осторожно.

Теперь, когда XXII съезд КПСС не только осудил вредные последствия культа личности, не только вынес все эти вопросы на обсуждение внутри партии, но и всенародно нанес удар за ударом по фракционерам, которые пытались захватить власть и реставрировать режим политической олигархии, необходимо последовательно и совершенно новыми методами проводить работу по воздействию на общественную психологию. Я не говорю здесь ничего нового, потому что то же самое в своем выступлении сказал Шелепин. Я лишь подчеркиваю, что, моему, и в данном деле нужно руководствоваться этими соображениями.

Мне вспоминается небольшая брошюрка, где Шейнин пишет о том, как гуманно обошлись работники КГБ со студентами какой-то организации, о том, что, мол, студенты раскаялись и расплакались и т.д. и т.п. Какой ужасный примитив! Создается впечатление, что автор умышленно добивался того, чтобы ему не поверили. При чтении такой низкопробной стряпни даже правда звучит как ложь. Лично на меня эта глупейшая брошюрка произвела диаметрально противоположное воздействие.

Но вернемся к арестованным.

Что они сейчас говорят на допросах — не знаю. Что они сейчас думают — я не знаю. Что с ними будет — я не знаю.

Но я знаю одно, что они должны не только признать свои ошибки, но и самое главное — осознать их.

В этом Орган должен им всячески помочь. Но мало того, что они должны осознать свои ошибки, они должны сообщить об этом широкой обществен-

ности. Здесь им может помочь Орган и только Орган.

Почему бы всем лицам, имеющим к этому делу какое-либо отношение, не выступить в печати, по телевидению и радио.

Все это можно и нужно. Но только данный шаг не должен носить характер раскаяния, слезного бие-ния себя в грудь, моления о прощении и т.п. вещей, которым никто не поверит. Этот шаг должен быть естественным, как естественна их ошибка и как естественно их признание и осознание этой ошибки.

1. Этот шаг должен разбить предрассудок о „тиранах из КГБ”.

2. Этот шаг должен нанести неотвратимый удар по терроризму.

3. Этот шаг должен показать, что в стране действительно восстановлены конституционные свободы.

4. Этот шаг должен показать, что в стране действительно уважается человеческое достоинство, даже в таких тяжелых случаях.

5. Этот шаг должен показать головоотяпам в от-ставке, что их „историческая миссия” окончена.

6. Этот шаг должен положить конец рассуждени-ям о свободном мире Запада и „тирании” комму-нистов.

И такие шаги нужно делать один за другим са-мым решительным образом. Нужно, ... но некото-рые факты дают основание полагать, что люди и органы, от которых целиком и полностью зависит правильное решение данных вопросов, не имеют на этот счет своего твердого и принципиального убеж-дения.

Например, сейчас среди молодежи появились слухи, что КГБ и какой-то орган при ЦК КПСС

считают площадь Маяковского „рассадником антисоветчины”, и что в связи с этим будут приняты „суровые меры”.

1. Выселение из Москвы. 2. Отправка в армию. 3. Исключение из институтов. 4. Исключение из комсомола.

Такие действия, в случае если они будут предприняты, принесут только вред. Всякие, даже самые незначительные, репрессии вызовут только озлобление, понижение политической активности, нелегальщину и пессимизм.

Предположим, что все это только слухи, но согласитесь, что кто-то виновен в том, что такие слухи есть, и что было бы лучше, если бы их не было вообще. Почему на площади Маяковского создается ненормальная атмосфера? Причина всех ненормальностей кроется в неправильных действиях со стороны работников горкома ВЛКСМ и дружины. С их молчаливого согласия и по прямым указаниям зав. отделом пропаганды и агитации Харламова, а также начальника отряда Агаджанова, дружинники постоянно, без каких-либо на то оснований, задерживают людей, выкручивают руки, подвергают унижительным допросам, производят личные обыски, избивают. Притащив свою жертву в штаб, дружинники с педантичностью садистов смакуют комплекс унижительных „процессуальных процедур”. Создается впечатление, что все это делается специально, чтобы оскорбить и озлобить людей, и Харламов еще имеет наглость считать свою „деятельность” воспитанием. Позволительно спросить, что таким образом воспитывает в людях Харламов? Ненависть. Озлобленность. Или под воспитанием он понимает сознательное и планомерное насаждение

актов беззакония, озлобление молодежи и дискредитацию новой политики партии?

Как Вы знаете, лично мне не раз приходилось „сталкиваться” с новыми формами работы КГБ. Поэтому я могу сравнивать. И вот когда я сравниваю, я прихожу к выводу, что наверху, например в КГБ, полностью восстановлена законность, а на местах — бардак, что Хрущев восстанавливает законность, а какой-нибудь Харламов насаждает беззаконие. Но я не просто констатирую факты, я задаю себе вопрос: „Что делать?”. „Бороться”, — отвечаю себе я, и не только я. И нас никто не останавливает. Организованно и планомерно мы нанесем удар за ударом не только по Харламовым, но и по всем, кто их будет поддерживать.

Я обращаюсь к вам, ибо считаю, что именно вы (как человек умный и энергичный, если меня не обманывает моя интуиция) должны взять на себя инициативу такой постановки вопроса.

Буду очень рад, если эти соображения будут хоть сколько-нибудь вам полезны.

Галансков

Москва, 27 октября 1961 г.

К ПРОЕКТУ ПРОГРАММЫ ВССВР

I

7 июля 1961 года в „Правде” была напечатана статья, в которой излагались высказывания генерала армии США Дугласа Макартура. Мы считаем, что ряд соображений, высказанных им, а также его лозунг (объявить мировую войну вне закона) заслуживают самого пристального внимания. Это тем более интересно, если учитывать то обстоятельство, что подобного рода высказывания не часто приходится слышать от людей, которые по специфике своих занятий, казалось бы, должны думать в диаметрально противоположном направлении.

Макартур заявил:

„Последняя война, даже с ее устаревшим оружием, ясно показала, что победителю приходится в значительной мере страдать от тех самых ран, которые он причинил своему врагу... Глобальная война стала своего рода Франкенштейном, который уничтожает обе стороны. Она перестала быть орудием авантюристов, кратчайшим путем к власти в международных масштабах. Если вы проиграете, то будете уничтожены, если вы выиграете, вас все равно ждет поражение... Было время, когда победа на войне давала экономические богатства, процветание и место под международным солнцем. Она была решающим оружием государственной власти, апофеозом политической демократии”.

Далее Макартур утверждает, что в прошлом отмена войны отстаивалась главным образом на базе духовных и моральных принципов и всегда безуспешно.

„Но сейчас гигантское развитие ядерного и другого уничтожающего потенциала неожиданно превратило эту проблему из моральной и духовной в проблему, имею-

щую прямое отношение к научному реализму. Это уже не этический вопрос, которым занимаются только ученые-философы и духовенство, а вопрос, который должны решать широкие массы, жизнь которых ставится на карту”.

Страны мира на Востоке и Западе, сказал Макартур, могут договориться об отмене мировой войны, потому что

„...это единственная проблема, где интересы обеих сторон полностью совпадают. Это единственная проблема, которая, если она будет решена, вполне может привести к решению остальных”.

Макартур заявил, что нынешняя напряженность в мире усиливается из-за двух серьезных заблуждений:

„Первое заблуждение – это твердая уверенность Советского мира в том, что капиталистические страны готовят нападение на него, что рано или поздно они намерены нанести удар.

Второе заблуждение – твердая уверенность капиталистических стран в том, что русские готовят нападение на нас, – что рано или поздно они намерены нанести удар”.

„Обе стороны неправы, – заявил Макартур. – Каждая сторона, постольку, поскольку речь идет о широких массах, хочет мира. Обе боятся войны, но непрерывная подготовка к войне без конкретного намерения в конечном счете вызовет стихийный взрыв”.

II

Прежде всего мы должны признать, что, действительно, с изобретением ядерных средств уничтожения акт глобальной войны сам по себе абсурден. Победителей не будет: единственным победителем будет смерть...

Закон, объявляющий мировую войну вне закона, имеет смысл только в том случае, если за ним незамедлительно последует полное и всеобщее разору-

жение. В противном случае этот закон превратится в пустую юридическую формальность, которая несколько не устраняет возможности ядерной катастрофы, ибо, как и всякий закон, он может быть роковым образом нарушен.

Далее, мы должны заметить, что было бы неправильным объяснять нынешнюю напряженность в мире какими-то заблуждениями, якобы основанными на твердой уверенности враждебных блоков в том, что они рано или поздно захотят нанести удар друг другу. Слова „заблуждение” и „твердая уверенность” ничего не объясняют и поэтому сами подлежат объяснению, а это уже дело грядущих исследователей.

Мы считаем, что не может быть дальнейшего развития цивилизации, пока мировая война не будет отменена. Запрещение ядерной войны и последующее незамедлительное полное и всеобщее разоружение приведут к коренным изменениям в структуре современного общества. Поэтому мы считаем, что военный вопрос является узловым моментом современной международной политики, в силу чего он должен стать предметом исследования первостепенной важности.

.....

III

Существует мнение, что мировая война, собственно говоря, уже идет. Подразумевается, что мир, разделенный на два враждебных блока, сдерживаемый от глобальной войны наличием огромного уничтожающего потенциала, как на одном, так и на другом полюсе, постепенно ведет локальные войны то на

одном, то на другом участке мира. Таким образом, каждая из враждующих сторон пытается расширить сферу своего влияния. Но даже если это и так, кто может утверждать, что такой ход событий не приведет в конечном счете к глобальной войне?

Современные политики много говорят об угрозе возможной термоядерной войны. Но вряд ли менее мучителен для человечества сам процесс наращивания уничтожающего потенциала. В течение пяти лет последняя война требовала от воюющих сторон максимального напряжения. Все человеческие и материальные ресурсы были подчинены нуждам войны — и это вполне объяснимо. В настоящее время все человеческие и материальные ресурсы, в конечном счете, подчинены и направлены в сторону наращивания военного потенциала. Почему и зачем? Чем объяснить и как направить столь ненормальный ход событий, неестественность которого очевидна. Этот процесс противоречит интересам человеческого общества и, в конечном своем моменте, доведенный до абсурда, он должен ликвидировать сам себя. Мы не объективисты и поэтому утверждаем, что исключительно от самих людей зависит, будет ли этот конечный момент увенчан смертоносными цветами водородных взрывов или же пальмовой ветвью торжествующего человеческого разума.

IV

В настоящее время стремление к максимальному наращиванию уничтожающего потенциала переплетается с тенденцией его концентрации на враждебно противоположных полюсах. Возникают блоки. Блоки и тенденции к максимальной концентрации, а

следовательно, и тенденция к максимальному расширению сферы своего влияния. Объектами, на которые предполагается распространить сферу влияния, являются страны нейтральные и страны, находящиеся в контрблоке или в сфере влияния контрблока. Блок имеет свое ядро, вокруг которого группируются элементы, составляющие как бы его оболочку. В настоящее время элементы оболочки относительно постоянны и, следовательно, сама оболочка относительно устойчива. Но важно заметить, что непрерывно происходят какие-то выпадения одних элементов из оболочки и какие-то входы новых элементов.

В связи с этим нам кажется своевременной постановка вопроса о создании нейтрального блока, военный потенциал которого был бы полностью ликвидирован или доведен до величины, мало отличной от нуля. Назначение нейтрального блока состоит в создании условий, способствующих более интенсивному выпадению элементов из оболочки и в удержании их в сфере своего влияния. Таким образом нейтральный блок будет фактически клином, все более разъединяющим враждебные блоки или, точнее говоря, ослабляющим их в количественном и качественном отношениях.

.....

Имеются ли в настоящее время возможности для создания нейтрального блока? Да, имеются.

Стремление афро-азиатского континента к независимости несет в себе тенденцию к нейтралитету и консолидации.

Наличие нейтральных стран в Европе и Америке (Латинской).

Наличие стран, в силу каких-то обстоятельств во-

шедших в блоки, но имеющих тенденцию к нейтралитету.

Абсурдность концепции глобальной войны.

Наличие пацифистских сил внутри блоков.

Элементы стихийного движения за разоружение.

Разумеется, этот вопрос требует строго научного исследования, но даже если говорить о Белградской конференции, которая фактически отвергла идею создания третьего блока — нейтралистов, — то сама Белградская конференция фактически является слабо осознанной попыткой консолидации нейтралистских сил.

V

Максимальное наращивание военного потенциала на враждебно-противоположных полюсах есть, само по себе, — следствие. Чтобы устранить это следствие, мы должны прежде всего определить, исследовать и устранить причину. К сожалению, в данный момент сделать мы это не в состоянии. Поэтому мы призываем исследователей работать. Убежденные в том, что все вопросы, имеющие к этому какое-либо отношение, будут изучены и таким образом станут всеобщим достоянием, мы приступаем к практической деятельности. Мы считаем, что наша поспешность вполне оправданна, ибо в любой момент, например, в силу роковой случайности, это следствие может перейти в причину, следствием которой будет уничтожение современной цивилизации. Но мы не должны этого допустить, мы должны способствовать формированию новейших общественных сил, которые навсегда покончат с войной. Наша деятельность должна послужить началом международному институту разоружения.

VI

Все чаще и чаще печатью ставится вопрос о „чистой бомбе”. Имеется в виду создание такой бомбы, которая поражала бы исключительно живую силу противника, но не природные и материальные ценности.

Возможно, что в недалеком будущем такая бомба будет сделана. Но не будем гадать, насколько реалистично это предложение, а обратимся к вещам не менее важным.

В распоряжении современных вооруженных сил имеется химическое и бактериологическое оружие колоссальной мощности. Некоторые стратеги считают, что именно химическая бомба и будет той „чистой бомбой”, о которой так много говорят и на которую возлагают столь большие надежды.

Сейчас каждый здравый политик понимает, насколько бессмысленно само по себе и мучительно для национальной экономики непрерывное и все более интенсивное наращивание военного потенциала.

Но в мире есть еще силы, которые, если и не заинтересованы непосредственно в развязывании термоядерной войны, все же стремятся держать мир в постоянном напряжении. И эти силы прекрасно понимают, что термоядерное оружие и ракетная техника сделали войну бессмысленным инструментом. Но они судорожно цепляются за эту бессмыслицу. Они пытаются придать бессмыслице хоть какой-то смысл. И поэтому они говорят о чистой бомбе. Но напрасно они мутят воду, все равно никто не поверит, что их лужа слишком глубокая. Все объясняется просто. *Современное средство доставки и контроля настолько совершенно, что невозможно на-*

нести удар противнику и не получить ответного удара, равного по мощности.

А если это так, то мы должны признать, что глобальная война будет бессмысленным уничтожением, независимо от того, будет ли в ходе ее применяться обыкновенное термоядерное оружие или же „чистая бомба”.

VII

Война возникла вместе с возникновением государства. Государство прибегало к войне как к средству достижения экономических, политических и других целей.

В прошлом отмена войны отстаивалась на базе духовных и моральных принципов. И теперь отмена войны отстаивается на базе этих же принципов. Только теперь мы знаем, что война есть инструмент государства, и поэтому мы говорим, что она исчезнет вместе с исчезновением самого государства или точнее — с исчезновением некоторых паразитических сторон его. Государство вообще никогда не исчезнет. Скорее всего, характер государства будет изменяться в строгом соответствии с изменением социально-экономической структуры общества.

На первый взгляд может показаться, что борьба за полное и всеобщее разоружение совершенно бессмысленная вещь. Объективист будет прыгать от радости, рассуждая по логической схеме: мол, произойдут определенные изменения в структуре общественных отношений, в соответствии с которыми изменится характер государства, отомрут его паразитические стороны и отомрет война. Объективист рассуждает по логической схеме, но он не понимает

реальной действительности. А реальная действительность показывает, что военный вопрос — это узловой момент современной политики. В этом узле сходятся нити всех международных противоречий. С другой стороны, военный вопрос — самое уязвимое и поэтому самое слабое место в системе международных отношений. В силу чего именно в это самое уязвимое и самое слабое место мы должны нанести удар.

Сотни лет государство совершенствовало инструмент войны, но с изобретением ядерных средств уничтожения этот инструмент потерял всякий смысл. Теперь наше дело превратить его в гильотину для государства, ударами которой будут отсечены его самые паразитические щупальцы.

VIII

Мы — интернационалисты, поэтому мы отстаиваем свободу и равенство всех народов, сотрудничество и дружбу между народами и добровольное объединение наций.

Всегда и везде мы будем бороться против шовинизма и расизма, против сил империалистической агрессии и всяких форм национального угнетения, за оказание помощи и малым народам в борьбе за мир, свободу и справедливость.

Мы считаем, что уже сейчас необходимо закладывать основы будущих институтов интернационализма. Поэтому мы обращаемся с призывом ко всем народам и правительствам — повысить престиж ООН и Международного суда.

С этой целью необходимо произвести реорганизацию ООН. Необходимо превратить ООН в надгосу-

дарственный орган, который действовал бы в строгом соответствии с нормами международного права и располагал бы всеми средствами, необходимыми для проведения своей политики. Этот орган должен иметь свой самый совершенный аппарат насилия, в несколько раз превосходящий самый мощный аппарат насилия любого государства. Для этого ООН должна выйти за рамки искусственно созданного международного парламента. ООН должна стать органом, способным заставить любое государство уважать нормы международного права. ООН должна создать свои институты во всех слоях населения всех государств.

Только такая организация будет способна объявить мировую войну вне закона, немедленно провести полное и всеобщее разоружение и постоянно поддерживать в мире порядок и законность.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДВИЖЕНИЯ ЗА ПОЛНОЕ И ВСЕОБЩЕЕ РАЗОРУЖЕНИЕ И МИР ВО ВСЕМ МИРЕ

Статья Ю.Галанскова „Организационные проблемы движения за полное и всеобщее разоружение и мир во всем мире” была написана автором с целью распространения ее среди сторонников движения, главным образом, путем рассылки по почте в штаб-квартиры и центры движения, а также в целях персонального обращения к виднейшим представителям этого движения.

Однако по ряду технических и юридических трудностей сделать этого не удалось. И редакция будет признательна всякому, кто найдет нужным проделать эту, на наш взгляд, важную работу.

Разумеется, и автор и редакция готовы выслушать любую позитивную и негативную критику в свой адрес по существу затронутой проблемы, от кого бы эта критика ни исходила. Для нас это важно еще и по той причине, что наше отечественное движение в настоящее время, по меткому выражению автора, носит „бюрократически-официозный” характер и, являясь по своей сущности вульгарно-академическим институтом, нацелено на выполнение узко специфической функции в общем пропагандистском механизме государства, что, естественно, обрекает это движение на бесплодность.

Автор будет благодарен всякому, кто сможет прислать ему (или присылать систематически) любые материалы документационного, политическо-

го, этического и религиозного характера, имеющие прямое или косвенное отношение к затронутому вопросу. Ибо в недалеком будущем автор намерен начать выпуск социал-пацифистского журнала и одновременно создать в России „Союз сторонников полного и всеобщего разоружения”, разумеется, при условии, если он прежде не будет подвергнут юридической и административной расправе. А такая опасность для автора всегда существует. Дело в том, что создание такого „Союза” в условиях тоталитарного государства равносильно прорыву в системе глобальной монополии на право организации и объективно ведет к повышению политической и идеологической активности, и следовательно, к ослаблению политической и идеологической монополии.

Но система глобальной монополии допустима и оправданна (а следовательно, и жизнеспособна) только на каком-то историческом промежутке времени. Выполнив свою историческую роль, система глобальной монополии теряет всякий смысл, превращается в систему глобального торможения и в силу этого, в зависимости от комбинаций общественных отношений, подлежит постоянной или ускоренной ликвидации.

Так что создание свободных организаций в России — это процесс сложный, но исторически неизбежный. В этой (дай Бог бескровной) войне за свободу сторонники демонополизации всегда могут проиграть бой, но они неотвратимо выиграют войну, если термоядерная война не опрокинет вообще всю нашу подлую цивилизацию.

Редакция журнала „Феникс-66”

Тот, кто верит в возможность достижения разоружения и мира в результате нескончаемых переговоров и разговоров о разоружении и мире, кто думает, что различные соглашения и частичные уступки хоть сколько-нибудь приближают человечество к разоружению и миру, тот не понимает самой сущности дела и, поддавшись прекраснодушию сентиментальных болтунов, проявляет непростительную наивность.

Можно, разумеется, вести бесконечные переговоры, печатать декларации, заключать соглашения, создавать комитеты и подкомитеты по вопросам разоружения, можно даже на какое-то время приостановить испытания ядерного оружия, можно, в зависимости от обстоятельств, сокращать или увеличивать численность войск и размеры ассигнований на военные расходы, но от этого милитаризм не перестанет быть милитаризмом, от этого не исчезнет международная напряженность и постоянная угроза ядерной катастрофы.

Сторонники всеобщего и полного разоружения должны ясно понимать, что разоружение и мир во всем мире не могут быть достигнуты в результате только политических усилий правительств, что всякие переговоры, соглашения и частичные уступки в вопросах мира и разоружения создают только иллюзию деятельности в направлении обеспечения разоружения и мира, дезориентируя, таким образом, общественное сознание, и что действительное, полное и всеобщее разоружение и мир во всем мире мыслимы и возможны только как социально-психологический продукт экономического и нравственного развития человечества в направлении осуществления экономической справедливости и нрав-

ственного совершенства. Так что, в некотором смысле, каждый, кто хочет мира, обязан готовиться к войне с противниками утверждения на земле этой социальной справедливости и этого нравственного совершенства. Мы обязаны готовиться к этой войне против социально-психологической базы всякой войны, и мы эту войну обязаны организовано начать. И пусть не напоминают нам непротивленцы, что благими намерениями вымошен ад, ибо мы вовсе не собираемся шагать через трупы ближних. Мы только призовем каждого перешагнуть через труп собственной глупости и порочности. Мы призовем каждого вырваться из ямы взаимной вражды на простор взаимопомощи.

На сегодняшний день жизнь человеческая слишком греховна, чтобы рай на земле мог быть утвержден в результате каких-либо переговоров и соглашений между прекраснодушными болтунами. Может быть, прекраснодушные политики и рады бы в рай — да грехи не пускают, поэтому все их демагогические призывы оказываются на деле всего лишь сентиментальной болтовней. И не случайно вся официальная и неофициальная политика ходит вокруг проблемы мира и разоружения, как кот вокруг горячего молока.

Обычно говорят, что разоружение — гарантия мира, но это пустая фраза. Ибо только в международном масштабе организованная работа ради мира и крайнее напряжение всех миролюбивых сил являются единственной гарантией разоружения и мира. В мире современных противоречий разоружение просто не может быть достигнуто без соответствующей, выработанной для этой цели, *ценой постоянной самоотверженной работы*, готовности жить в разоруженном мире.

Яблоко должно созреть, но оно должно и может созреть только в потоке солнечного тепла и жизненной влаги.

Яблоко должно и может созреть, но яблоко может и не созреть, если червь вражды и паразитизма будет пожирать его сердцевину, если глупые свиньи будут подрывать корни дерева, и если человечество будет забавлять себя в это время пустяками. Много, очень много проблем в человеческой голове, но где-то в арсенале лежит бомба, которая однажды разожжет эту легкомысленную голову. Поэтому именно немедленно — сегодня — нужно оказать самое решительное сопротивление милитаризму и начать самую серьезную работу ради разоружения и мира.

Организация движения за полное и всеобщее разоружение и мир является одной из основных задач ООН. Поэтому организационные проблемы этого движения неразрывно связаны с организационными проблемами самой Организации Объединенных Наций.

В настоящее время ООН существует как добровольное объединение государств. Следовательно, в известном смысле, Организация Объединенных Наций могла бы быть названа Организацией Объединенной Власти. В силу различных объективных причин между интересами государственной власти и интересами народа в рамках одного государства всегда существуют известные противоречия. За то, что интересы всякой государственной власти и интересы народа всегда взаимно противоречивы, говорит, например, факт постоянной смены власти и порой даже в форме насильственного свержения ее. Например, интересы гитлеровской власти и

интересы немецкого народа, несмотря на кажущееся совпадение, в действительности не совпадали. Гитлеризм только фальсифицировал это совпадение. В итоге гитлеризм принес немцам колоссальные бедствия.

Итак, через ООН, являющуюся в действительности международной организацией объединенной государственной власти, эта государственная власть через своих представителей осуществляет свою международную деятельность с позиций государственной власти и в интересах государственной власти, но не всегда с позиций народа и в интересах народа, так как интересы государственной власти и подлинные интересы народа в той или иной мере всегда взаимно противоречивы. Из этого следует, что в ООН, наряду с интересами государственной власти, должны быть представлены интересы народа. Но интересы народа в ООН могут быть представлены в форме персонального представительства только при условии создания массовых организаций, осуществляющих свою деятельность под организационным руководством ООН внутри государств-членов ООН. Через посредство этих организаций ООН могла бы распространить свое влияние на все слои населения всех государств. Эти массовые организации ООН должны способствовать проведению в жизнь решений ООН, вести работу в направлении защиты прав человека, международной охраны труда, охраны здоровья, движения за полное и всеобщее разоружение и мир во всем мире и т.д. Вполне возможно, что для целей деятельности этих массовых организаций государства-члены ООН могли бы выделить в распоряжение ООН незначительные терри-

ториальные участки в столицах и крупнейших городах для размещения на этих суверенных территориях соответствующих административно-издательских центров. Только таким образом организм ООН может получить жизненную силу миллионов своих работников. Для этого ООН должна преодолеть ограничивающие ее деятельность рамки международного парламентаризма и пустить жизненные корни во все слои населения всех государств. Только в таком смысле реорганизация ООН сможет наиболее эффективным образом осуществлять свою международную деятельность. Только таким образом организованная деятельность ООН сможет вовлечь широкие слои населения в сферу международной жизни. Вот о чем должны подумать теоретики ООН и юристы-международники. Вот чего должна потребовать мировая общественность от своих правительств. Вот ради чего правительство любого государства могло бы поставить этот вопрос перед ООН, продемонстрировав всему миру свое истинное понимание задач международной жизни.

Полное и всеобщее разоружение и мир во всем мире — основной вопрос современности. Поэтому в сфере международной деятельности ООН организационные и теоретические проблемы, связанные с этим вопросом, необходимо выделить особо.

В настоящее время работа ради мира организована совершенно неудовлетворительно и носит, в основном, или бюрократически-официозный, или стихийный и часто случайный характер.

Организационный примитивизм сковывает возможности движения, не позволяет организовать связь и информацию, мешает разработке стратегических и тактических вопросов этого движения.

В этом смысле, прежде всего, необходимо четко определить исходный принцип организации движения.

Движение за полное разоружение и мир во всем мире может быть организовано в форме единой массовой организации, непосредственно подчиненной Генеральной Ассамблее ООН или какому-либо другому главному органу ООН и, в силу этого, обладающей специфической организационной автономией и специфическим организационным иммунитетом и распространяющей эту организационную автономию и этот организационный иммунитет на свои массовые организации, пронизывающие все слои населения всех государств.

Почему наиболее целесообразен такой организационный принцип? Именно потому, что, объединяя на взаимоприемлемой основе все антивоенные и антимилитаристские силы различных наций в единую, специфически автономную и обладающую специфическим иммунитетом структуру, он в то же время позволяет антивоенным и антимилитаристским силам каждой отдельной нации вырваться идейно и организационно из-под влияния узконациональной ограниченности. Ибо, по естественным причинам, всякое государство, исходя из своих узконациональных интересов, стремится узаконить всякие антивоенные и антимилитаристские тенденции, возникающие внутри нации, в форме академических институтов, допустимых с точки зрения официально-государственного гуманизма, или же в форме организаций-придатков, выполняющих специфическую функцию в общем пропагандистском механизме. Последнее особенно характерно для государств тоталитарного типа.

Такая опека антивоенных и антимилитаристских организаций со стороны государства опутывает эти организации сетью национальных предрассудков, убивает творческую инициативу и обрекает их на бесплодность.

Ноябрьский номер „Курьера” ЮНЕСКО за 1964 год полностью посвящен вопросам разоружения и мира.

В статье „Ядерное оружие и будущие поколения” двукратный лауреат Нобелевской премии Лайнус Полинг пишет:

„Мы вынуждены теперь изгнать войну из мира так, как это предвидел Альфред Нобель. Но это трудная и сложная проблема. И все же я считаю, что каждый должен согласиться с этим выводом. Долг каждого – любыми доступными ему путями способствовать созданию мира, из которого будет изгнана война”.

Здесь мы сразу же должны возразить Полингу в том смысле, что „изгнать войну из мира... любыми... доступными путями” нельзя. Полинг призывает человека в борьбе за мир и разоружение встать на „любые” доступные ему пути только потому, что не видит наиболее эффективных путей, по которым могло бы развиваться движение. Тем самым Полинг как бы признает, что пути, по которым в настоящее время развивается движение, не являются достаточно эффективными.

Далее, цитируя из заявления норвежского стортинга,

„Война все больше и больше предстает в глазах общест-венности „как пережиток доисторического варварства”, „бич рода человеческого”, Полинг пишет:

„Мы подошли теперь к такому периоду мировой истории, когда мы должны уничтожить этот пережиток до-исторического варварства. этот бич человечества”.

Но если мы серьезно намерены „уничтожить” войну, „этот пережиток доисторического варварства, этот бич человечества”, мы должны серьезно подумать о том, как это сделать.

Обеспечить разоружение и мир, создать общество разоруженных государств и умов — задача чрезвычайно сложная. Для этого необходима работа, организованная в соответствии с масштабом и важностью поставленной задачи.

В статье „Курьера” „Экономические последствия разоружения” высказывается явно ошибочное, на мой взгляд, положение:

„В наш век быстрых перемен мы вполне можем стать свидетелями переговоров о заключении многостороннего соглашения о разоружении.”

Однако „в наш век быстрых перемен” мы являемся „свидетелями” бесконечно долгих и бесплодных разговоров о разоружении. Более того, если мы позволим себе быть всего лишь „свидетелями” бесплодных разговоров о разоружении, то „в наш век быстрых перемен” мы вполне будем свидетелями, участниками и жертвами дальнейшей милитаризации мира и вполне можем стать участниками и жертвами всеуничтожающей термоядерной войны.

Непонимание важности именно организационных проблем движения за полное и всеобщее разоружение и мир во всем мире, а также непосредственно связанная с этим неразвитость стратегических и тактических концепций этого движения, сказывается всюду.

Профессор истории международных отношений Эдинбургского университета Ричи Колдер, отмечая, что

„При всеобщем разоружении проблема переустройства рабочей силы и реконверсии промышленности не сложнее, чем была проблема сокращения вооружений и свертывания военной промышленности по окончании Второй мировой войны”, здесь же пишет:

„Все, что нам нужно – это решимость пойти на всеобщее разоружение”.

Но вот о том, где взять эту необходимую нам „решимость,” эдинбургский профессор, к сожалению, ничего не пишет.

Вместе с тем, нужно отметить, что „Курьер” ЮНЕСКО сообщает читателю ценные объективные данные, связанные с проблемой разоружения и мира. Например, Л. Полинг пишет:

„Взрыв 20-мегатонной бомбы над любым городом приведет к его полному разрушению и к гибели большей части его населения. При взрыве образуется воронка диаметром в 20 км; в радиусе 50-100 км возникнут пожары, которые превратятся в гигантский огненный шквал; люди подвергнутся пагубному воздействию мгновенного излучения высокой энергии и последующих радиоактивных выпадений. Будут убиты даже находящиеся на расстоянии 300 км от места взрыва. По моим подсчетам мировые запасы составляют около 16 тысяч таких 20-мегатонных бомб или их эквивалент. Во всем мире нет 16 тысяч крупных городов...”

В заключение мне хотелось бы особо подчеркнуть ошибочность мысли о том, что *разоружение является гарантией мира*. На мой взгляд, это пустая фраза. Пора бы и понять, что только в международном масштабе организованная работа ради разоружения и мира является *единственной гарантией* разоружения и мира, и что организация этой работы должна идти в направлении *создания массовых организаций, действующих во всех слоях населения всех государств и обладающих в какой-то мере организационной автономией и организационным иммунитетом*.

том в целях обеспечения необходимой для работы этих организаций свободы рук. Поэтому, на мой взгляд, в настоящее время наиболее необходимо сосредоточить внимание всех сил, работающих ради мира и разоружения, на организационных вопросах этого движения.

Москва, 1966 год

МОЖЕТЕ НАЧИНАТЬ...

(Редакционная статья из сборника „Феникс-66”)

В одном из „Гражданских обращений” „Движение 5 декабря”^{*} писало:

Долго ли еще Россия будет жить по сталинской Конституции? И будет ли новая Конституция чем-либо отличаться от сталинской?

Требуем принятия новой, демократической, Конституции после предварительного референдума!

Пока трудно что-либо сказать по существу поставленных вопросов. Однако уже теперь, после принятия Верховным советом РСФСР Указа Президиума Верховного совета РСФСР от 16 сентября 1966 года^{**}, становится ясно, что власть упорно стремится создать правовую базу для обуздания „стихийно развивающегося демократизма”.

Еще в 1964 году в своей предсмертной „Записке” Пальмиро Тольятти писал:

„Проблемой, привлекающей наибольшее внимание, — это относится и к Советскому Союзу, и к другим социалистическим странам, — является, однако, проблема преодоления режима ограничения и подавления демократических и личных свобод, который был введен Сталиным...”

* Группа московской молодежи, распространявшая листовки в защиту конституционных прав. — Р е д.

** Дополнение к ст. 190 Уголовного Кодекса РСФСР, облегчившее властям юридическое преследование самиздатчиков и демонстрантов. — Р е д.

„Создается общее впечатление медлительности и противодействия в деле возвращения к ленинским нормам, которые обеспечивали, как внутри партии, так и вне ее, большую свободу высказываний и дискуссий по всем вопросам культуры, искусства, а также и политики. Нам трудно объяснить эту медлительность и это противодействие...”

В декабре 1966 года ряд деятелей науки и культуры обратились к сессии Верховного совета РСФСР с письмом, в котором говорилось, что в настоящее время нет необходимости принятия Указа от 16 сентября 1966 года. В письме отмечалось также, что данный Указ может стать орудием произвола и насилия. В числе подписавших письмо — имена крупнейших физиков М. Леонтовича, А. Сахарова, Тамма, композитора Д.Шостаковича, кинорежиссера М.Ромма, писателя В.Некрасова, историка П.Якира.

Однако, несмотря на негативное отношение общественности, Указ был принят. Власть сделала еще один преступный шаг в направлении сохранения „режима ограничения и подавления демократических и личных свобод”. Теперь остается ждать этих „ограничений” и „подавлений”.

Например, в номере нашего журнала помещена криминальная статья недавно осужденного писателя А.Синявского „Что такое социалистический реализм?” Здесь же можно найти и ряд других нежелательных для власти материалов. Да и сам факт издания настоящего журнала уж, конечно, — достаточный повод для применения какого-нибудь антидемократического закона или указа.

Можете начинать...

Вы можете выиграть этот бой, но все равно вы проиграете эту войну.

Войну за демократию и Россию.

Войну, которая уже началась и в которой справедливость победит неотвратимо, и никакие заведомо ложные измышления законов и указов не спасут предателей и мошенников.

1966

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
ДЕПУТАТУ XXIII СЪЕЗДА КПСС М. ШОЛОХОВУ

*Копии: в Союз советских писателей
в редакцию журнала „Новый мир”
в редакцию „Литературной газеты”*

В своей речи на XXIII съезде КПСС делегат М. Шолохов сказал:

„Хотелось бы сказать несколько слов о месте писателя в общественной жизни...”

„Сегодня с прежней актуальностью звучит для художников всего мира вопрос Максима Горького: „С кем вы, мастера культуры?”

На вопрос „С кем вы, мастера культуры?” Сталин ответил: „Кто не с нами, тот против нас”, а сам Горький, как пишет автор „Письма к старому другу”^{*}

„оставил позорный след в истории России тридцатых годов своим людоедским лозунгом: „Если враг не сдается — его уничтожают”. Море человеческой крови было пролито на советской земле, а Горький освятил массовые убийства”.

Еще в начале XX века В.И. Ленин весьма произвольно разделил человеческую культуру на пролетарскую и буржуазную, выдвинул принцип партийности литературы и установил зависимость литератора от „денежного мешка”. Данная теоретическая конституция является просто логическим следствием классовой теории марксизма, но не объясняет, однако, самой сущности дела. Классовый анализ человеческой культуры мог бы иметь место только в той мере, в которой он установил бы, во-первых, историческую роль того или иного класса в форми-

^{*} См. „Белая книга по делу А.Синявского и Ю.Даниэля” под редакцией А. Гинзбурга. Изд. „Посев”, 1967 г.



В середине 60-х годов

ровании человеческой культуры, во-вторых, форму и степень потребления тех или иных культурных ценностей различными классами и, в-третьих, форму и степень эксплуатации этих ценностей господствующим классом в ущерб классам и социальным группам, находящимся в угнетенном положении; это для марксиста, вероятно, было бы наиболее важно.

Разумеется, литератор зависит от „денежного мешка” в той же мере, как и всякий человек, но весь парадокс заключается в том, что литература от „денежного мешка” не зависит совершенно. Поставить литературу в зависимость от „денежного мешка” значит убить ее, что и случилось, например, с советской литературой. Поэтому литературу можно иногда убить, но поставить в зависимость от „денежного мешка” — невозможно.

К счастью для человечества „денежный мешок” не всемогущ, а в сфере духовной и материальной культуры он всемогущ наименее всего. Более того, „денежный мешок”, как правило, покорно подчиняется литературному всемогуществу. Вся серьезная литература XIX и XX вв. главным образом занималась анализом и критикой денежно-мешочных отношений. Но именно эта литература, которая подвергла наиболее серьезной критике этические и политические позиции господствующего класса и которая нанесла ему наиболее мощные удары, не погибла, а, наоборот, расцвела в недрах его господства. И это вполне естественно. Посмотрите, например, на современную литературу России и вы увидите, что наибольшей популярностью пользуется литература и литераторы, которые находятся в оппозиции по отношению к режиму и власти.

В связи с разговорами о зависимости литератора

от „денежного мешка”, не могу удержаться, чтобы не обратить внимание читателя на следующий факт. Ведь вот, к примеру, до какой степени капитулянтства, классовой бесхарактерности и предательства классовых интересов (как сказал бы В. Ленин) мог опуститься „денежный мешок”, чтобы довести дело до присуждения Нобелевской премии писателю М. Шолохову, который с такой убедительностью доказал всем, что он уже не способен ни на что более серьезное, чем вздорные ругательства в адрес буржуазного искусства.

Иллюстрируя это утверждение, я приведу странную цитату из выступления М. Шолохова на XXIII съезде КПСС, где он хвастливо заявил:

„В частности, это заняло немалое место в моей речи в Стокгольмской ратуше во время нобелевских торжеств прошлого года. Аудитория там значительно отличалась от сегодняшней (оживление в зале). И форма изложения моих мыслей была совершенно иной. Форма! Не содержание (бурные продолжительные аплодисменты).

Где бы, на каком бы языке ни выступали коммунисты, мы говорим как коммунисты. Кому-то это может прийтись не по вкусу, но с этим уже привыкли считаться, более того, именно это и уважают всюду (бурные аплодисменты). Где бы ни выступал советский человек, он должен выступать как советский патриот. Место писателя в общественной жизни мы, советские литераторы, определяем как коммунисты, как сыновья нашей великой Родины, как граждане страны, строящей коммунистическое общество, как выразители революционно-гуманистических взглядов партии, народа, советского человека (бурные аплодисменты)”.

Это нужно понимать, видимо, в том смысле, что „денежный мешок” готов даже присваивать нобелевские премии за хамство и безответственную болтовню, и что именно это хамство и эту безответственную болтовню „уважают всюду”, и — извольте, читатель, полюбоваться — с этим привыкли

уже „считаться”, даже если „кому-то это может прийти не по вкусу”. Извольте, читатель, видеть сами: хамов покорно выслушивают в Стокгольмской ратуше во время нобелевских торжеств!

Интересно, чем так покорило Нобелевское общество наш лауреат? Разве что формой. Аудитория там, видите ли, значительно отличалась от сегодняшней, и „форма изложения (sic!) его мыслей была соответственно несколько иной”. Обратите внимание, читатель, „Форма! Не содержание”. Вы видели, читатель, как „собака бьющую руку лижет”, вот так же, с особой любовью, Нобелевское общество выслушивало Шолоховскую болтовню. Вы только полюбуйтесь на этого *enfant terrible*, смущающего Нобелевское общество своей бестактной непосредственностью. Эдакая, видите ли, безобидная *licentia poetica*.

На мой взгляд, это прямое оскорбление в адрес западной культуры. И Комитет по нобелевским премиям поступит очень плохо, если не найдет в себе мужества выразить официальное и публичное сожаление по поводу присуждения нобелевской премии по литературе за 1965 год писателю М. Шолохову, который ни перед русской, ни перед мировой культурой соответствующих тому заслуг не имеет, и который, более того, является в настоящее время выразителем антикультурных и антилитературных устремлений существующего в России антидемократического режима. В противном случае, престиж международных нобелевских премий по литературе во мнении современной русской интеллигенции будет подорван.

В самом деле, русская интеллигенция, в столь большой мере подвергшаяся физической расправе и политическому угнетению во время сталинской

диктатуры, интеллигенция, которая и в настоящее время ведет самоотверженную борьбу с военно-полицейским режимом, борьбу за минимальное обеспечение творческой свободы, эта интеллигенция никогда не простит западной культуре присуждения нобелевской премии Шолохову, который, используя свой чрезмерно преувеличенный авторитет, встал на позиции, враждебные культуре и творческой свободе. К тому же этот нобелевский лауреат совершенно всерьез может делать заявления вроде того, что „гуманизм — это отнюдь не слунтяйство”. Вполне достойно нобелевского лауреата.

Лидия Чуковская в своем письме по поводу выступления Шолохова на XXIII съезде КПСС писала:

„Литература уголовному суду неподсудна. Идеям следует противопоставить идеи, а не лагеря и тюрьмы. Вот это Вы и должны были заявить своим слушателям, если бы Вы в самом деле поднялись на трибуну как представитель советской литературы.

Но Вы держали речь как отступник ее. Ваша позорная речь не будет забыта историей.

А литература сама отомстит за себя, как мстит она всем, кто отступает от налагаемого ею трудного долга. Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника — к творческому бесплодию. И никакие почести, деньги, отечественные и международные премии не отвратят приговора от Вашей головы”.

Литература отомстит за себя. Ибо продавший душу дьяволу не может служить богам. А литература требует от писателя божественного откровения, искренности, истинности. И в какую бы бравую позу ни становился Шолохов, как бы ни изощрялся он в своих многократных попытках симулировать откровение — он никуда не уйдет от самого себя. В этом смысле — отмщение неотвратимо.

Выступая на съезде М. Шолохов высказался в связи с делом Синявского и Даниэля следующим образом:

„Иные, прикрываясь словами о гуманизме, стенают о суровости приговора. Здесь я вижу делегатов от парторганизации родной Советской Армии. Как бы они поступили, если бы в каком-либо из подразделений появились предатели?! Им-го, нашим воинам, хорошо известно, что гуманизм – это отнюдь не сляктяйство (продолжительные аплодисменты).

И еще я думаю об одном: попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а „руководствуясь революционным правосознанием“ (аплодисменты). ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни (аплодисменты). А тут, видите ли, еще рассуждают о „суровости приговора“.

И все это – обратите внимание, читатель, – с восклицательными знаками и под сплошные аплодисменты. Не правда ли, весело.

Я надеюсь, что вместе с позорной речью Шолохова историей не будут забыты и эти позорные аплодисменты. Я очень на это надюсь.

Очень может быть, что законы военного трибунала жестки, и, положим, что „нашим воинам“ о гуманизме известно не больше, чем то, что „гуманизм – это отнюдь не сляктяйство“. Пусть так. Но что тем самым хотел сказать оратор? Может быть, М. Шолохов не может представить себе советское государство иначе как в виде военной казармы, а Синявского и Даниэля он хотел бы, в свою очередь, выставить как предателей, вдруг появившихся в одном из подразделений этого государства-казармы, а именно – в Союзе советских писателей. Тогда все ясно. Тогда „нашим воинам“, знающим о гуманизме только то, что „гуманизм – это отнюдь не сляктяйство“, и поступить вполне мыслимо соответст-

венно, руководствуясь не нормами какого-то там кодекса, пригодными разве что только в условиях демократического государства, а нормами военного законодательства, специально для казарм и писанными.

То ли дело в „памятные двадцатые годы“! Расстреляли бы, „руководствуясь революционным правосознанием“, и весь разговор! А тут и судил-то не военный трибунал, а обыкновенный гражданский суд, и ведь даже не расстреляли (как это было в памятные двадцатые и в еще более памятные тридцатые годы), а получили-то всего лишь семь и пять лет лишения свободы за проявление творческой самостоятельности в литературной работе и за попытку напечатать свои произведения за границей, ибо в сегодняшней России свобода творчества и свобода печати гарантированы только на словах, а на деле гарантировано только административно-полицейское издевательство над всякой свободой.

Михаил Шолохов отнюдь не случайно сползает на административно-полицейские аналогии, ярко обнаруживая при этом свое административно-полицейское мышление, несколько взрыхленное эксцентричной болтовней, впрочем, естественной для неумного беллетриста и вполне допустимой в устах обласканного властью самоуверенного карьериста, столь продолжительное время спекулировавшего на революционно-гуманистических взглядах партии, народа, советского человека, в то время как „революционно-гуманистические взгляды партии“ перестали быть гуманистическими, народ был низведен до скотского состояния, а мифический советский человек не удался в той же мере, в которой не удалась и сама советская власть.

Шолохов не хочет видеть действительности там, где это ему крайне невыгодно. Там, где истина не в его пользу, он стремится обрядить позорную действительность в красивые одежды. Но так как и одежды-то красивой под руками у него не имеется, то он просто стремится перекричать всех:

„Все (так уж прямо и все – Ю.Г.), что мы строим, создаем, над чем работают наши рабочие, крестьяне, ученые, художники, на что вдохновляет нас наша партия, все это строится и создается для мира на земле, для торжества свободного труда (а что это такое? – Ю.Г.), во имя идеалов демократии, социализма, братской дружбы и сотрудничества народов. Для человека. Для человечества”.

Скажите, пожалуйста, как все прекрасно! Когда-то Генри Дэвид Торо писал:

„Сколько бы камня ни обтесывала нация, он идет большей частью на ее гробницу. Под ним она хоронит себя заживо”.

Вы же, гражданин делегат, хотите нас уверить, что теперь дело обстоит совсем иначе. Но позвольте с вами не согласиться. И, пожалуйста, не сползайте на сталинский афоризм: кто не с нами – тот против нас. Позвольте опять же ответить вам словами Генри Торо:

„Все эти башни и монументы напоминают мне одного здешнего сумасшедшего, который задумал дорыться до Китая и так глубоко ушел в землю, что уверял, будто уже слышит звон китайских горшков и кастрюль. Но я вовсе не склонен идти любоваться выкопанной ямой”.

Сползая на военно-казарменные аналогии, М. Шолохов выдает себя с головой, обнаруживая психологию литературного кантониста. Между прочим, некоторые словари дают такое толкование слову „кантонист”:

„Солдатские сыновья в крепостной России, с самого рождения принадлежавшие военному ведомству на основе крепостного права”.

По-моему, комментарии излишни.

То, что Шолохов мыслит Россию как единый всеобщий кантон, где люди с самого рождения принадлежат военному ведомству на основе крепостного права, и то, что, в представлении Шолохова, Союз советских писателей является одним из подразделений этого кантона, еще можно как-то понять. Однако совершенно непонятным является обвинение Синявского и Даниэля в предательстве, выдвинутое Шолоховым в его речи. Ведь Синявский и Даниэль в Шолоховские кантоны никогда не записывались и никогда не давали присяги на верность военно-казарменным законам. Они никогда не клялись в верности военно-полицейской машине, которая по сей день занимается удушением свободы в России.

Но истина не интересует Шолохова. Ему просто нужно обвинить Синявского и Даниэля в предательстве. Почему? Вероятно, потому, что у государственного обвинителя не хватило для этого морального авторитета. И вот, бросив на чашу весов всю массу своего авторитета, нобелевский лауреат произносит свою позорную прокурорскую речь.

Сначала он скромно объявляет себя „частицей народа великого и благородного“, потом „сыном могучей и прекрасной Родины“ — матери. Далее частица активизируется: нападает прежде всего на „омерзительных уродов“ и, встав в позу потрясенного до глубины души благородства, патетически восклицает:

„Мне стыдно за тех, кто оболгал Родину и облил грязью самое святое для нас. Они аморальны“.

Дальше — больше. „Частица“ стыдит всю передовую интеллигенцию, которая пытается „брать их под защиту“. „Частица“ стыдит „вдвойне“ либеральных литераторов, предложивших „свои услуги“ и обратившихся „с просьбой отдать им на пору-

ки осужденных отщепенцев”.

Видите ли, „слишком дорогой ценой досталось нам то, что мы завоевали, слишком дорога нам советская власть, чтобы мы позволили безнаказанно клеветать на нее и порочить ее”. Да, да — именно так! Миллионы замученных и убитых людей в сталинских лагерях уничтожения — это слишком дорогая цена за Шолоховские казармы, в которых свободно можно только пальцем в ботинке пошевелить, потому что этого-то уж фельдфебель не заметит. О чем, кстати, Синявский с Даниэлем и писали.

По Шолохову, Синявский с Даниэлем клеветники, которые оболгали Родину и облили грязью все святое для нас. Но вот что пишет один из русских писателей в своем „Письме старому другу”:

„Подумай, старый товарищ! В мужестве Синявского и Даниэля, в их благородстве, в их победе есть капля и нашей с тобой крови, наших страданий, нашей борьбы против унижений, лжи, против убийц и предателей всех мастей.

Ибо что такое клевета? И ты и я, — мы знаем оба сталинское время — лагеря уничтожения небывалого сверхгитлеровского размаха, Освенцим без печей, где погибли миллионы людей. Знаем растление, кровавое растление власти, которая, покаявшись, до сих пор не хочет сказать правду, хотя бы о деле Кирова. До каких пор! Может ли быть в правде прошлой нашей жизни граница, рубеж, после которого начинается клевета? Я утверждаю, что такой границы нет, утверждаю, что для сталинского времени *понятие клеветы не может быть* применено. Человеческий мозг не в силах вообразить тех преступлений, которые совершались...

...Повесть Аржака-Даниэля „Говорит Москва”, с его исключительно удачным гоголевским сюжетом „дня открытых убийств”, вряд ли в чисто реалистическом плане может быть поставлена рядом со стенограммами XXII съезда партии, с тем, что было рассказано там. Тут уже не „день открытых убийств”, а двадцать лет открытых убийств”.

Не правда ли, читатель, сильно сказано?! Но к этому надо бы добавить, что понятие клеветы не

может быть применено также к политическому режиму, при котором полностью подавлены основные демократические и личные свободы.

Бессовестно оклеветав мужественных и благородных людей, пристыдив всех смелых и честных людей, которые встали на защиту справедливости, Шолохов на этом не успокоился. Чувствуя, вероятно, свою ничтожность в безнадежной борьбе с истиной, он обратился за помощью к делегатам от „парторганизаций родной Советской Армии”, объявляя расправу с предателями по законам военного трибунала образцом, достойным подражания в случае расправы над литераторами. Но и этого оказалось мало, и „частица великого и благородного народа” восклицает: „Ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни”, „эти молодчики с черной совестью”, если бы их судил не суд, а скажем, ревком, „руководствуясь революционным правосознанием”.

Вот уж поистине патологическое мышление! И я бы сказал, социально-опасное.

Итак, военный трибунал не судил.

Ревком, „руководствуясь революционным правосознанием”, не расстрелял. „А тут, видите ли, еще рассуждают о суровости приговора”.

Видите ли, еще рассуждают! Смееют рассуждать! Ну не мракобесие ли это, читатель?

„Я, — заявляет Шолохов, — принадлежу к тем писателям, которые как и все советские люди гордятся, что они малая частица народа великого и благородного”.

Вы, гражданин Шолохов, уже не писатель, вы были когда-то посредственным беллетристом, но вы уже давно и таковым не являетесь. Теперь вы самый обыкновенный политический демагог и при этом дурно воспитанный и не очень умный. Теперь вы

просто медалист, прикрывающий своим сомнительным авторитетом кучку обанкротившихся политиков. И не примазывайтесь к величию и благородству русского народа. Вы позорите и его величие и его благородство. К сожалению, таких писателей, присоавшихся к изможденному телу России, еще много.

Ведь уже невозможно всерьез принимать ваше писательство, когда вы говорите:

„Совсем другая картина получается, когда объявляется некий сочинитель, который у нас пишет об одном, а за рубежом издает совершенно иное. Пользуется он одним и тем же русским языком, но для того, чтобы в одном случае замаскироваться, а в другом – осквернить этот язык бешеной злобой, ненавистью ко всему советскому, ко всему, что нам дорого, что для нас свято”.

Вот уж поистине грязь из лужи!

Ну можно ли придумать большее издевательство над русским языком, можно ли более осквернить его! Можно ли более утратить чувство этого языка! Когда подобное несчастье (в смысле чувства языка) случилось с В. Маяковским, так он перестал говорить. Вы же можете еще попытаться. Для вас, быть может, не все еще потеряно. Только очень не советую вам пользоваться таким русским языком и говорить столь вздорные вещи. Иначе от вас отвернутся не только читатели, но и ваши хозяева – обладатели „денежного мешка”. Ведь они покупают только то, что имеет хоть какой-то спрос на международном и внутреннем рынке. А в том, что на ваших сомнительных достоинствах спекулируете и вы и ваши хозяева, ни у кого нет никаких сомнений.

Ваша позорная речь на XXIII съезде КПСС не будет забыта историей. Это безусловно. Но эта ваша прокурорская речь не будет оставлена без внимания и современниками. Если бы вы просто говорили вздор, то об этом можно было бы только сожалеть.

Однако ваша прокурорская речь не может быть оставлена без внимания современниками потому, что в ней вы как бы санкционировали расправу над двумя литераторами, выразителями стремительно развивающейся в настоящее время в России тенденции к творческой свободе и возрождению национальной культуры.

Процесс над Синявским и Даниэлем показал, что русская культурная интеллигенция разделилась на два лагеря, и что в лагере сторонников свободы творчества оказалось абсолютное большинство интеллигенции. Если бы не гиря государственного насилия, то чаша весов перевесила бы мгновенно, и Синявского с Даниэлем просто на руках вынесли бы из зала суда.

События показали, что никакие клеветнические статейки в официозной прессе (между прочим, полностью зависимой от „денежного мешка“) не в состоянии были дискредитировать обвиняемых. Письма в защиту Синявского и Даниэля непрерывно поступали в официальные организации и редакции газет. Каждый честный литератор и ученый считал своим долгом высказаться в защиту обвиняемых. Дело дошло до открытой студенческой демонстрации на площади Пушкина 5 декабря. А знаете ли вы, что все это означает? Это означает, прежде всего, то, что у людей, вроде вас, нет под ногами никакой социальной почвы, кроме аппарата насилия. Это означает также и то, что из-под ног аппарата насилия уплывает почва. Это означает, в свою очередь, что ни вам, ни аппарату насилия не на чем будет стоять, как только в России будут восстановлены свободы. Это означает, что аппарат насилия будет лишен силы и „денежного мешка“, а вы – денег, почестей, меда-

лей отечественных и международных тоже. Вот что все это означает. Вот в каком смысле ваша позорная речь не останется без внимания современников и не будет забыта историей.

Если в сфере социальной процесс над Синявским и Даниэлем способствовал поляризации сил, в результате чего на одном полюсе оказались ценности, а на другом — практически близкое к нулю их отсутствие, то в сфере литературной процесс создал фокусирующий момент. Этот процесс мертвым узлом связал и сконцентрировал в одной точке натянутые нити противоречий нашей литературной жизни. И пусть никто не думает, что о деле Синявского и Даниэля поговорят-поговорят и забудут. Этот узел придется развязывать или разрубать. Это придется сделать, потому что придется или обеспечить в России свободу творчества, или Россия эту свободу творчества сама себе обеспечит. Это случится, потому что без свободы вообще и без свободы творчества в частности дальнейшее успешное развитие России невозможно. Это придется сделать или это сделается само, какие бы препятствия тому ни чинили, закатывая время от времени социальные истерики, те, у кого почва уходит из-под ног. Этот гордиев узел придется развязать или найдется Александр Македонский, который его разрубит.

Вы в своей речи на XXIII съезде КПСС сказали, что вам

„Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев”.

Мне тоже стыдно. Пусть просьба о поруках всего лишь тактический шаг некоторой части либеральных литераторов. Пусть. Но как только язык мог повернуться просить взять на поруки людей, чест-

ность и благородство которых не подлежит никакому сомнению, творчество которых сделало бы честь отечественной литературе. Просить взять на поруки Синявского с Даниэлем — это все равно что просить взять на поруки справедливость и талант. Да ведь это же такое нищенство духа, такая затурканность и такая плебейская робость, мыслимая разве что для страны, в которой почти начисто умерщвлено человеческое достоинство. Вот уж поистине волосы встают дыбом от стыда! Во всякой другой стране, где на деле, а не на словах, были бы обеспечены элементарные демократические свободы, люди бы просто требовали освобождения обвиняемых и протестовали против произвола властей. Если бы дело происходило в демократическом государстве, известная часть литераторов в знак протеста просто вышла бы из „Союза советских писателей” и образовала другой Союз, скажем, „Союз российских писателей”. А у нас, видите ли, пишут жалостливые письма и спрашивают разрешения у насильников взять на поруки свободу и справедливость, как каких-нибудь мошенниц.

Это протест пока еще рабов, но уже протест. Это пока еще рабье, но уже движение защитить свободу и справедливость.

Правда, члены ССП — это далеко не показатель действительных возможностей русской творческой интеллигенции. ССП — это всего-навсего только Шолоховское подразделение-казарма, посредством которой „денежный мешок” покупает и умерщвляет таланты прямо на корню. Таким образом, за несколько десятков лет удалось умертвить русскую литературу полностью. Только некоторых непокоренных пришлось затравить или физически уничто-

жить в двадцатые, тридцатые и пятидесятые годы.

Всякому понятно, что значит уничтожить литератора физически, но далеко не всякий понимает, как протекал в России процесс умерщвления литературы. Россия в этом отношении оказалась оригинальной страной. Своеобразие заключалось в следующем. Писатель находится под гипнозом всеобщего обаяния коммунистическими идеалами, с одной стороны, а с другой стороны, он совершенно не может принять отвратительную коммунистическую действительность с ее сталинскими концлагерями и всеобщей вздорностью. Коммунистические концлагеря мешают ему воспевать коммунистические идеалы, а коммунистические идеалы мешают критиковать коммунистические концлагеря. Наступает или состояние творческого паралича, или писатель начинает мошенничать; в том и другом случае он умирает как литератор. Все очень даже просто. И если, например, М. Шолохов сделает небольшой экскурс в собственное прошлое, то ему придется признать, что этот творческий паралич и его не миновал, чем, вероятно, и объясняется столь длительное писание второй части „Поднятой целины” со всеми ее мошенническими недостатками.

К сожалению, на Западе находятся люди, которые склонны думать, как например, всеми уважаемый секретарь „Европейского сообщества писателей” Вигорелли, что в СССР подпольная литература, если она и существует в виде случайных рукописей, листовок и т. д., никакого значения не имеет, что главное — это произведения, которые опубликованы, „литература, действующая при свете дня, с ее победами и поражениями”.

Вигорелли должен знать и понимать предмет, о

котором он говорит. Союз советских писателей и официальная публикация произведений в современной России умерщвляют литераторов и литературу, портят вкусы и оглуляют читателей.

Литература — это в конце концов специфический и, кстати, самый доступный и самый эффективный способ познания мира, способ воспитания чувств и формирования психологии. К счастью для России, современная Россия почти не читает современной отечественной политической и художественной литературы, или, если и читает, то с большой осторожностью. Иначе оглушение и притупление чувств было бы всеобщим. В России читается, в основном, классика, отечественная и зарубежная, переводная современная зарубежная литература, и только с начала шестидесятых годов мы массово начали читать Пастернака, Ахматову, Цветаеву, Хлебникова, Мандельштама, Булгакова, Платонова и т.д., но не благодаря, а наоборот, вопреки ССР и официальным публикациям, почти нелегально, почти под страхом административного и морального осуждения и часто даже под страхом прямой судебной расправы. Ведь и до сих пор большинство произведений этих писателей официально не опубликовано.

Если хотите знать, в России шестидесятых годов машинописная перепечатка лучших образцов современной отечественной литературы достигла, вероятно, беспрецедентных масштабов. Как раз подпольная литература, т. е. официально неопубликованная, начиная от неопубликованных писателей двадцатых годов и кончая произведениями А.Синявского и Ю. Даниэля, имеет для нашей национальной культуры первостепенное и единственное значение.

И, наоборот, вся опубликованная советская литература (исключая случайную публикацию некоторых единичных произведений) для пробуждения национального самосознания и национальной культуры никакого положительного значения не имеет. И если кто-то на Западе думает, что творчество литераторов, вроде Евтушенко и ему подобных, имеет хоть какое-то влияние на развитие новейшей русской литературы, то он глубоко ошибается. Все это настолько незначительные и настолько сомнительные ценности, что вполне допустимо поставить вопрос: а есть ли здесь ценности вообще и можно ли надеяться на их появление хотя бы в будущем? Я лично думаю, что настоящие литературные ценности будут возникать, минуя организации вроде ССП и официальные публикации до тех пор, пока не будет восстановлена свобода творчества, свобода печати и организаций.

Процесс над Синявским и Даниэлем лишний раз убедительно доказывает это. Хотя бы уже потому Вигорелли неправ. Но всякому, кто думает так же, как Вигорелли, необходимо объяснить, что до тех пор, пока в России не будет обеспечена на деле свобода творчества, свобода слова и свобода печати, литература может развиваться, только минуя душегубки вроде ССП и официальные публикации, т. е. подпольно, ибо других возможностей у нее нет. А „при свете дня” в сегодняшней России может развиваться только мошенническая литература, начиная от примитивизма Михалкова (между прочим, он заявил: „Хорошо, что у нас есть органы госбезопасности, которые могут оградить нас от людей вроде Синявского и Даниэля”) и кончая болсе утонченными, модными псевдописателями и псевдопостами,

получившими наконец-то возможность говорить полуправду и, таким образом, более утонченно симулировать истину. Такая литература, которая во главе с Михалковым просит органы КГБ „оградить ее” от всяких проявлений творческой свободы, если она даже и имеет значение, то разве что только отрицательное.

Но если С. Михалкову перед натиском возвращающегося национального самосознания достаточно укрыться за спиной КГБ, то, например, С. В. Смирнову для этого непременно нужна диктатура. И вот он, с графоманской неуклюжестью, поспешно придумывает несколько строчек:

„Я могу сказать определенно,
это стало видного видней,
что понятие „пятая колонна”
не сошло
с повестки наших дней...
И когда смердят сии натуры
и зовут на помощь вражью рать,
дорогая наша диктатура,
не спеши слабеть
и отмирать!”

Для насильственного утверждения своей идеологической состоятельности фашизм непременно нуждается в фашистской диктатуре. Идеология марксизма (да будет вам известно, господин С.В. Смирнов) показала свою жизнеспособность даже в странах с антикоммунистическим режимом, а в условиях, например, итальянской, французской или японской демократий она даже пользуется широкой популярностью. Но по Смирнову, для торжества марксистской идеологии, видите ли, непременно нужна диктаторская дубинка именно в стране, где

эта идеология является официальной и единственной. Как странно все это, не правда ли?

Логика данного противоречия приводит нас к выводу, что С.В. Смирнову диктатура нужна не для того, чтобы защитить марксистскую идеологию, а чтобы средствами диктатуры защитить интересы людей, эксплуатирующих ценности этой идеологии, опошляющих и дискредитирующих ее, к числу которых безусловно принадлежит и он сам. Здесь, разумеется, без диктатуры никак нельзя, здесь „или пан или пропал”. Да это же просто страх за собственную шкуру. Это же визг литературной проститутки, насмерть перепуганной угрозой закрытия публичного дома. Это желудочный страх откормленного бобра, в хрюканьи которого никто более не нуждается. Это в конце концов страх уважаемой литературной шлюхи перед наступлением всеобщего торжества нравственности.

Дайте этим жуликам рычаги диктатуры и она будет подлее сталинской. Они зарежут и задушат все живое. Они обесценят и вытравят последние крупинки марксистской мысли. Да будет известно С. В. Смирнову, что диктатура пролетариата (а не диктатура Сталина или Смирнова) имеет целью создание равных возможностей для всех и является средством принуждения к нравственности и справедливости в отношениях между людьми и коллективами людей, а не наоборот. Такая диктатура пролетариата была бы смертельна для Смирнова, а проблема „пятой колонны” была бы просто невозможна в условиях такой диктатуры. Так что не придумывайте „пятых колонн”, господин С.В. Смирнов, и не требуйте диктатуры на собственную голову, а то смотрите, вы ее получите, к тому же она мо-

жет оказаться действительно смертельной для вас.

Сегодняшняя литературная Россия похожа на спящую красавицу, которая только-только очнулась от идеологического гипноза и даже не успела как следует протереть глаза, а секретарь „Европейского сообщества писателей” заявляет: не обращайтесь на нее никакого внимания, главное — это литературные мошенники и спекулянты с их пирровыми победами. Но сама жизнь опровергла Вигорелли. Подпольное творчество Синявского и Даниэля заставило его приехать в Москву защищать это подпольное творчество.

Да, у нас правая рука еще в кандалах, а на левой еще не зажили кандалные раны! Творчество Синявского и Даниэля — это пока еще творчество одной левой руки. У России еще будет возможность с изумлением прочитать настоящие произведения литературы, включая будущие произведения Синявского и Даниэля, если их талант выживет в лагерях уже несталинского типа.

В России так явно идет процесс становления настоящей литературы, а в это время западная культура лебезит перед М. Шолоховым, присуждая ему Нобелевскую премию. И получается, что секретарь „Европейского сообщества писателей” со своей колокольни, а наш Нобелевский лауреат со своей звонят во все колокола, что подпольная литература в России никакого значения не имеет.

Сейчас западная культура сожалеет о присуждении Нобелевской премии М. Шолохову. Но о чем западная культура думала раньше? Ведь разве не ясно было, что Шолохов, возможно, создал в сущности одно серьезное произведение — „Тихий Дон”? И разве не было ясно, что его творчество всегда явля-

лось лишь литературным отростком той идеологии, которая убивала литературу в двадцатые, тридцатые и пятидесятые годы, и которая пытается душиТЬ ее сейчас. И вот, пожалуйста, литературный отросток идеологии, умертвившей отечественную литературу, увенчанный Нобелевской премией, с удвоенной энергией принимается за дальнейшее ее умерщвление, посмеиваясь над наивными представителями западной культуры, мол, „с этим уже привыкли считаться”, „именно это и уважают всюду”. Разве это не так? Разве позорная прокурорская речь Шолохова на XXIII съезде КПСС – это не посягательство на свободу творчества?

В самом деле, нельзя же всерьез считать представителями современной русской литературы людей типа С. В. Смирнова и С. Михалкова, когда один из них тянется к диктаторской дубинке, а другой выкрикивает проклятья, спрятавшись за спиной КГБ. И дико вообразить себе, что весь „Союз советских писателей”, как гнилой гриб, набит подобными червяками. Да тот же Комитет государственной безопасности представляет собой в настоящее время несравненно более серьезную организацию в деловом и даже нравственном отношении. В настоящее время КГБ как орган государства выполняет возложенные на него определенные специфические функции по охране государственной безопасности и по поддержанию объективно существующего в стране правопорядка, независимо от того, насколько это государство и этот правопорядок соответствует нормам нравственности и справедливости. А то, насколько идеально это соответствие, казалось бы, должен выявлять и показывать обществу именно „Союз советских писателей” как организация, по своей со-

циальной, этической и эстетической сущности для этого и предназначенная. Но, ей-Богу, для отечественной литературы было бы гораздо безопаснее переместиться из Союза советских писателей прямо в КГБ, в архивах которого она, на мой взгляд, только и существует. Это, по крайней мере, имело бы еще и то драгоценное преимущество, что государство было бы избавлено от мучительной необходимости расходовать колоссальные народные средства на издание никому не нужной макулатуры. Ведь докатиться до такого нищенства, когда Ленинскую премию (высшую отечественную премию по литературе) просто некому дать — это уже слишком большой позор для великой России.

Очень хорошо, что секретарь „Европейского сообщества писателей” приехал в Москву защитить свободу творчества в России. Но чтобы способствовать развитию творческих возможностей современной молодой литературы, совсем не нужно ждать случая, когда обнаглевший жандарм потащит в тюрьму очередную жертву. Современной молодой русской литературе необходимо систематически оказывать организационную, техническую, моральную и материальную поддержку. Западная культура не должна оставлять без внимания даже самые незначительные проявления произвола и насилия по отношению к представителям русской литературной интеллигенции. Западная культура должна помнить, что в современной России литератор обречен на безграничный произвол властей. За 40 лет *несоветского* режима было достаточно много прецедентов, чтобы на этот счет ни у кого не оставалось никаких сомнений. Я надеюсь, что в этом вопросе никого не повергнет в сомнение грозный окрик нобелевского

лауреата с трибуны съезда:

„Мне бы хотелось сказать и буржуазным защитникам пасквильянтов: не беспокойтесь за сохранность у нас критики. Критику мы поддерживаем и развиваем, она остро звучит и на нынешнем съезде”.

Творческая интеллигенция Запада уже достаточно твердо заявила Шолохову свое категорическое *non possumus*. Я же хочу напомнить нобелевскому лауреату знаменитые слова Эзопа: „*Hic Rhodus, hic salta*”, а не морочьте нам голову чудесами на острове Родосе.

Никак не можем верить, гражданин Шолохов, мужики сумлеваются. Вот ежели землицы дадут и пшеничку не будут отымать, тогда може ишо как... Не правда ли, гражданин Шолохов, кулацкая философия? Только в смысле удара кулаком по хребту обнаглевшего жандарма.

Да, да, Михаил Александрович, всем известно, что вы не можете не поддерживать критики. Только кто эти всемогущие „мы”, которые сначала эту критику измордовали, а теперь поддерживают ее, чтобы она не упала замертво?

Я иногда думаю, гражданин Шолохов, откуда такое хамство в ваших многочисленных высказываниях? Мне думается, что ваша самоуверенность исходит из ложной уверенности в правоте своего дела. Вы все еще считаете себя „выразителем революционно-гуманистических взглядов партии”, вместе с которой вы якобы являетесь единственными ортодоксальными защитниками идеи социальной справедливости. Вы, вероятно, чувствуете себя хоть и бесцеремонным, но все же защитником справедливости. Только вы защищаете людей, которые эту социальную справедливость предали, или, по крайней мере, служат ей настолько отвратительно, что их

давно уже пора гнать вместе с их кровавым прошлым и обескровленным настоящим. В самом деле, до каких пор будет сохраняться положение, когда целая нация должна плясать под дудку одного тирана или нескольких дураков, унаследовавших почти все его повадки.

Вы в свое время не вели борьбу против тирана и сейчас вы защищаете его наследников, а я всегда защищал справедливых борцов против тирании и против тиранов, эту тиранию унаследовавших. И если вы, действительно, на деле, а не на словах „поддерживаете и развиваете” до полусмерти затираненную критику, то я смею рассчитывать на вашу помощь, когда мой скромный вклад в дело развития этой критики встретит не поддержку, а административно-полицейскую дубинку, как это, например, случилось с А. Синявским, написавшим превосходную статью о социалистическом реализме. Я надеюсь исключительно на ваш авторитет великого медалиста, ибо больше мне не на что надеяться. Ведь в сегодняшней России нет ни свободной прессы, ни свободных организаций, ни свободного суда — в сегодняшней России все подчинено произволу власти.

Я, конечно, надеюсь на вас, но сам себе думаю, что очень уж надеяться на вас не следует. Поэтому я, на всякий случай, поставлю под этой статьей не свое подлинное имя, а псевдоним. Только вот какой бы мне псевдоним выбрать? Никогда раньше не думал об этом. Ну да вот поставлю хотя бы

Ю.ГАЛАНСКОВ

Ищи свищи меня после этого. Оно, знаете ли, так спокойнее. Я, видите ли, по слабости здоровья должен стараться избегать всякой судебной и адми-

нистративной расправы, да и здоровье моей матери для этого слишком слабое. А потом ведь еще что — пугают неприятности по службе и по месту учебы, хотя, конечно, каждый гражданин моей Родины имеет конституционное право на труд и на образование. В том же, что я честный гражданин Великой России, надеюсь, лично у вас нет никаких сомнений.

Потом опять же, в лагерях Мордовии, где сейчас, между прочим, находится А. Синявский, при всем его уме и огромном таланте литературного критика и художника, нет никакой возможности заниматься ни литературной критикой, ни художественной литературой. Знаете ли, в лагерях Мордовии литератору, как какому-нибудь уголовному преступнику, приходится выполнять изнурительную физическую работу, есть впроголодь, иметь право только после половины срока (но не раньше) два раза в год (но не чаще) получать продуктовые посылки, каждая из которых должна весить 5 кг (но не более). Не правда ли, это очень умно и гуманно, особенно если о гуманизме знать только то, что „гуманизм — это отнюдь не слюнтяйство”. И представьте себе, в лагерях Мордовии, впрочем, как и во всех тюрьмах и лагерях, где находятся именно политические заключенные, нет никакой возможности заниматься проблемами национальной культуры и политики, вьетнамской войны, реваншизма, разоружения и мира, а я, знаете ли, убежденный социал-пацифист и, сами понимаете, не нуждаюсь ни в каком насилии.

И еще, между прочим, я подпольный литератор в смысле человеческого подполья, как оно выявлено в произведениях Ф. М. Достоевского. Очень советую прочитать. Начать можно с какой-нибудь крити-

ческой литературы по этому вопросу. Судя по вашему выступлению на съезде, сразу Достоевского вам не осилить. А знаете ли вы, опять же между прочим, что такое подпольный литератор? Подпольный литератор, да еще социал-пацифист, это вам не подпольный миллионер. Он даже собственной пишущей машинки не имеет, я уж не говорю о деньгах. Подпольный литератор — он работает то обыкновенным рабочим ради куска хлеба, то обыкновенным литератором, подпольно, т. е. с оглядкой, вроде бы как боится, что ему вдруг могут помешать. Да и действительно, черт ее знает, эту власть: то ли она в самом деле думает исправлять свои ошибки, то ли она того и гляди завернет такое, что даже стыдно за нее. Сами понимаете, очень трудно подпольному литератору, а здесь еще сочиняй какую-нибудь статью по поводу выступления какого-нибудь всеми уважаемого медалиста, угрожающего затормозить расцвет национальной культуры и отбросить развитие России на несколько десятков лет назад. В конце концов подпольный литератор — обязательно гражданин Родины и человек чести, поэтому он никак не может пройти мимо издевательства над своей Родиной и над ее лучшими сынами.

Между прочим, могу сообщить вам и адрес своего псевдонима:

*Москва Ж-180, 3-й Голутвинский пер., д. 7/9, кв. 4
Галансков Юрий Тимофеевич*

1966

МЫСЛИ ОБ НТС

Из писем Ю.Т. Галанскова 1966–1967 гг.

1

В России Союз воспринимают как какое-то подозрительно-темное пятно. Предполагают, начиная с либерала и кончая бывшим политическим заключенным, что Союз является специализированным по русским делам идеологическим ответвлением в общем диверсионно-пропагандистском механизме буржуазного Запада. Предполагают, что Союз существует на средства, выделяемые западной буржуазией для подрывной антисоветской деятельности. Печатные призывы „Жертвуйте!“ расценивают как средство маскировки своей финансовой зависимости от диверсионно-пропагандистской машины Запада.

Считается, что Союз сотрудничал с фашизмом, и объяснение этого факта тем, что Союз якобы стремился использовать фашистские органы в собственных целях кажется неубедительным и маловероятным. Тем более это так, что в статье о Бруке („Наши дни“) говорится о членах Союза, погибших в гитлеровских концлагерях, но, однако, не называется ни одной фамилии. Считается, что кадры Союза — это какие-то сомнительные личности.

Союз пишет о себе, что будто бы он вступает в соглашение с иностранными государствами только в той мере, в какой это соответствует его целям, и что Союз ликвидирует эти отношения, если это не соответствует его целевым и моральным устремлениям.

Каждый хотел бы поверить этому, и каждый в этом сомневается. Таков психологический комплекс восприятия Союза современным русским человеком. В силу этого, всякая связь с Союзом считается бессмысленной и вредной. Всякая политическая группировка, вступившая в отношения с Союзом, рискует оказаться в положении западной агентуры. Связь или принадлежность к Союзу делает организацию морально легко уязвимой, таит в себе постоянную угрозу уничтожения политического эффекта проделанной работы.

С другой стороны, объективный психологический анализ литературы и документов Союза приводит к более оптимистическим выводам. Например, действительно, организация, которая руководствовалась бы в своей деятельности интересами личной наживы и злобы, как об этом пишет коммунистическая пресса, казалось бы, не могла быть столь жизнеспособной. Однако отрицательное восприятие доминирует над положительным, и крупица желания видеть в Союзе серьезную организованную, действительно существующую оппозицию (а каждый серьезный русский человек этого хотел бы) тонет в океане подозрительности и сомнения.

Эта подозрительность и эти сомнения являются основным решающим фактором, препятствующим росту структуры Союза в России. Поэтому Союз должен любой ценой прорвать этот психологический барьер. Если Союз окажется в состоянии справиться с этой задачей, то налаживание системы Союза в России будет очень несложным делом.

Тогда Союз легко может стать единственной мощной организованной оппозицией. Тогда дело создания второго полюса не будет представлять ни-

какой сложности, ибо, идея второго полюса в тоталитарной России — это желанный ребенок, которого все подсознательно или сознательно ждут и который, к сожалению, никак не может родиться.

В целях восстановления и поддержания доверия к Союзу, в целях поднятия морального престижа Союза необходимо проделать серьезную работу и систематически вести ее в будущем.

1. Союз должен любой ценой добиться хотя бы самых минимальных контактов с различными писателями, художниками, религиозными деятелями, философами, политиками, учеными Запада — не антикоммунистами. И эти контакты должны обязательно, самым заботливым образом фиксироваться в печатных органах и изданиях Союза. Здесь маленькое интервью, беседа, ответы на вопросы и, вообще, сам факт контакта, например, с каким-нибудь лауреатом Нобелевской премии (с представителем чистой науки или культуры Запада) будет в тысячу раз полезней, чем самое любопытное антисоветское произведение... ибо всякий нормальный русский человек будет рассуждать так: „Если Полинг или Белль находят возможным разговаривать, пусть даже очень коротко, с Союзом, то следовательно, и он, русский человек, может позволить себе это”.

Именно здесь-то с позиций подозрительности и недоверия человек перейдет на позиции контактного состояния.

А это именно то, что нужно.

Попробовать надо, например, разослать анкеты с вопросами по поводу какой-нибудь животрепещущей проблемы писателям или ученым Запада от имени Союза с последующей публикацией ответов...

2. Союз должен добиваться хотя бы самых мини-

мальных гласных (с публикацией) контактов с различными международными организациями.

3. Союз мог бы (разумеется, там, где это позволяет правовой статус) вести работу среди сторонников движения за мир и разоружение с принципиально новых позиций солидаризма. Это позволило бы НТС завоевать популярность у мировой общественности Запада и доверие среди русской интеллигенции (психологически)...

Эту работу можно назвать накоплением морального потенциала. Овладев этим моральным капиталом, нужно буквально разбить Москву и Ленинград на квадраты и в каждый квадрат направить необходимую литературу, используя для этой чрезвычайно важной задачи все имеющиеся в вашем распоряжении рычаги...

2

...Оперативная группа менее всего нуждается в лирических объяснениях. Являясь сторонниками строгой дисциплины и конспирации, мы требуем этой дисциплины и конспирации и от нашего руководства. Нам нужна всесторонняя и объективная информация, точно поставленные задачи, обязательные к исполнению после взаимного согласования.

Оперативная группа имеет вполне определенные цели:

1. Создание собственной высокодисциплинированной оперативной структуры.

2. Оснащение оперативной структуры самой необходимой техникой.

3. Перед оперативной группой поставлены две чрезвычайные важные и сложные задачи:

а) изыскивать и направлять в систему НТС необходимые литературные произведения, документацию социально-политического характера и различного рода информацию;

б) получение средств для цели создания отечественных типографских баз...

В одной из статей „Наши дни” пишут, что у нас нет других интересов, кроме интересов нашей революционной молодежи. Так вот эта финансовая проблема представляет для революционной молодежи самый острый интерес, и мы не верим в то, что не существует путей для ее положительного решения. А без решения этой проблемы невозможно говорить серьезно о революционном движении...

Обладая наличным человеческим потенциалом и создав хорошую материально-техническую базу, можно издавать и распространять издания НТС по всей России. Тогда вопрос о создании „второго полюса” не был бы пустой фразой...

Необходимо сообщить объективные сведения о всевозможных затруднениях, испытываемых Союзом (как можно шире и правдивее). Имеется ли кризис кадров, правовое положение в разных странах, испытывается ли недостаток в литературных материалах...

3

О зауженности задач: Мы бы с радостью расширили их до любых размеров. Повторяем, горстка людей делает гигантскую работу. Необходимо время, чтобы отстроить систему и обладать достаточно серьезной материальной базой. Впрочем, мы делаем все возможное и даже невозможное. Почему речь

идет о ...? Потому что нужно организовать все оппозиционные (в смысле – партийные) силы и постоянно вклиниваться во все группы и организации, создавая (внутри этих групп и организаций) свои кадры.

Своеобразие сегодняшнего момента состоит в том, что все слои населения России находятся в состоянии стихийной, бесструктурной оппозиции к режиму. Поэтому Союз как наиболее дееспособный революционный элемент должен заняться созданием этих структур, одновременно вклиниваясь в них и давая необходимое направление развитию. Но первым и основным шагом к созданию этих структур (партий, союзов, групп) является создание газеты (пусть даже если она будет выходить 5 раз в год. Не в количестве и даже не в тираже дело), которая должна выбросить знамя и призвать к объединению (в партии, союзы, группы), призвать к созданию партийных типографий и партийных органов печати. И совершенно неважно, кто это знамя выбросит и кто обратится с призывами. Пусть это будут социал-демократы. Важно только одно – чтобы это случилось... С другой стороны, Союз должен отстроить свою типографскую базу здесь...

4

О сокращенной программе. Я считаю это чрезвычайно важным делом. Нам хотелось бы это сделать как можно скорее. К сожалению, практические дела почти полностью занимают наше время. Если ситуация не очень будет сковывать наши движения, то я займусь этим делом теоретически, а ... практически (с последующей популяризацией)...

Просим вас обратить внимание на разработку вопроса о трудовых формациях.

Может быть имеет смысл начать выпускать небольшую газету на тонкой бумаге, посвященную организационным проблемам политического движения, с учетом разработки идеи создания свободных профсоюзов и свободных сельско-хозяйственных объединений...

5

...Оценка (союзной.— Ред.) литературы: для этого просто нет времени, хотя это важно и нужно...

...N. заслуживает полного доверия. К проблемам N. нужно отнестись со всей серьезностью. N. из среды деловых и опытных людей. Из текста вы сами можете составить представление о характере дела...

... Как уже ранее указывалось, проблема „накопления морального капитала” и проблема прорыва „психологического барьера” являются очень важными ...

... Кольцо вокруг начнет сужаться и поэтому, вероятно, буду вынужден делать различные запутывающие маневры, если вообще не буду на некоторое время выключен. Но это не повредит делу...

*

Публикуемые выше отрывки из писем Ю.Т. Галанскова в зарубежный центр НТС достаточны для характеристики его отношения к делу Союза. Публикация писем полностью еще не своевременна. — Р е д.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ

Авторы пишут: *„Волна политического интереса 1956–57 гг... уже в 1960 году ... спала, оставив в центре внимания проблему свободы творчества”.*

Здесь не место для публицистических упражнений, но необходимо заметить, что это не так. *„Волна”*, может быть, и *„спала”*, но это ни в коей мере не повлияло на течение политического процесса, протекание которого обусловлено сложнейшими обстоятельствами внешней и внутренней политики (китайский вопрос, раскол коммунистического лагеря, трудности в промышленности и сельском хозяйстве, кризис в партии и т.д.). Не давая себе труда понять суть сегодняшних проблем, авторы просто выдумывают *„центр внимания”*. Проблема свободы творчества всегда была лишь составной частью политической жизни, и совершенно неважно то обстоятельство, что на определенном, коротком промежутке времени, эта проблема кому-то представляется *„центром внимания”*.

Авторы пишут: *„Общество, прерванное в своем развитии, возвращается к тому этапу, на котором его прервали, как только это возвращение становится возможным”.*

Какая красивая и какая пустая фраза! В действительности, очевидно, все гораздо прозаичнее. Просто в обществе были нарушены законы товарного производства. Это потребовало применения

Настоящий текст представляет собой комментарий Ю.Т. Галанскова к письму, адресованному НТС двумя участниками зарождавшегося тогда открытого движения. Первая часть письма была посвящена оценке положения в стране, вторая часть – критике программы НТС. – Р с д .

волевых методов при решении экономических и политических проблем. Применение волевых методов в экономике и политике логически ведет к диктатуре и созданию тоталитарной системы, с характерным для нее монопольным правом на власть во всех сферах человеческой жизни. Такая ситуация, очевидно, не случайна. Вероятно, она исторически — закономерна. Эту историческую закономерность необходимо выявить, не полагаясь на историков и социологов далекого будущего, как это любят делать всякие интеллектуальные бездельники. Эта ситуация, вероятно, обусловлена общим кризисом товарного общества, с его циничным индустриализмом, социальным и экономическим неравенством, с его коммерческой идеологией, с его этическим и эстетическим развратом. Россия поставила (а не что-то „прервала” и куда-то „возвращается”) грандиозный эксперимент, совершенно изменив лицо мира, выявив и обострив всю международную жизнь. В этом нет ничего ужасного. В настоящей ситуации умный политик (а равно и умный философ, экономист, историк, литератор, а то политиков-то у нас всякие экзальтированные интеллектуальные дураки очень любят презирать) должен суметь уловить наиболее значительные симптомы современной жизни, исследовать их, установить закономерности, выработать необходимый идейный потенциал и дать его обществу. (Кстати сказать, наше безыдейное общество идеи-то больше всего презирает, отмахиваясь от них. Это, вероятно, потому, что оно чувствует свою неспособность выдвинуть достаточно мощные идейные ценности. Что же касается России, то она сейчас находится в состоянии идейного вакуума, и если идущий с Запада поток

вульгаризованного позитивизма и прагматизма нас не затопит и не убьет в нас на некоторое время жажду идей, то от России можно ожидать глубоких поисков и серьезных решений.)

Итак. Авторы произвольно погасили в России „волну политического интереса”, нашли „центр внимания” в проблеме свободы творчества, придумали концепцию „прерванности и возвращения” и установили, что все политические проблемы „вертятся вокруг свободы творчества”. А не кажется ли им, что не политические проблемы (кстати, хорошо бы знать, что это за проблемы!), а они сами „вертятся” вокруг да около проблемы свободы творчества? Если это так, то нельзя ли попробовать как следует подумать и сказать хоть что-нибудь, не лишнее смысла. Нельзя ли, например, прямо и ясно сказать, что мы „вертимся” вокруг свободы творчества и не хотим и не умеем „вертеться” вокруг политических проблем, одной из которых является именно свобода творчества, поэтому в действительности мы вертимся, сами не знаем где, и поэтому никакой свободы творчества мы реально не завоевываем, и что все это оттого, что мы есть бездельники и болтуны.

Болтовня бездельников, конечно, имеет свою логику и аргументацию. Совершенно не касаясь вздорных аналогий с Лениным, с ситуацией „Герцена и Белинского”, болтовни о „налаженных каналах” (ибо бездельники никогда налаживанием каналов не занимались, потому что это есть дело), мы коснемся прежде всего вопроса о работе с рабочими и колхозниками. Авторы пишут, что „творческая интеллигенция немногочисленна и оторвана от основной массы населения”, что „нет связующего

звена между творческой интеллигенцией и народом”, что у рабочих *„сознание зависимости своего экономического положения от правовых норм еще не оформилось”*, что политическая литература для рабочих не найдет *„потребителя”* среди рабочих.

Странно, что из факта оторванности интеллигенции *„от основной массы населения”*, из факта отсутствия *„связующего звена между творческой интеллигенцией и народом”* не делается прямого вывода о необходимости преодоления этой оторванности и создания *„связующего звена”*. Может быть, этот вывод не делается потому, что для преодоления этой *„оторванности”* и для создания этого *„связующего звена”* нужно со всей серьезностью взяться за дело. Например, создавать типографии, выпускать политические газеты и политическую литературу сначала для интеллигенции (чтобы она осознала необходимость формирования у рабочих сознания зависимости их экономического положения от правовых норм), а потом (почти одновременно) и для рабочих, чтобы они, наконец-то, оформили *„сознание зависимости своего экономического положения от правовых норм”*, чтобы наконец-то они добились реального обеспечения правовых гарантий на экономическую и политическую свободу и, таким образом, обеспечили себе в конце концов экономическое и политическое положение, создав свои, независимые от посягательства государства и политических авантюристов, рабочие организации, способные противопоставить свою организованную структуру всякой диктатуре всяких проходимцев, что, в свою очередь, приведет к естественному демократизму и многопартийности, а следовательно, и к обеспечению гарантий творческих свобод во-

круг которых беспомощно „вертятся” наши авторы, вместо того, чтобы делать дело.

Говорить о том, что политические газеты и политическая литература ставят нас „перед проблемой отсутствия потребителя” — значит говорить глупость. Говорить о том, что рабочий класс и колхозники в такой литературе не нуждаются — равноценно полному непониманию социально-психологических процессов современности. Рабочим и колхозникам такая литература нужна, и они ее будут читать, потому что только она укажет им правильный выход из безвыходного положения, в котором они находятся теперь, ибо в рамках ныне существующих общественных отношений решение народных проблем невозможно. Такому пониманию теперешней ситуации авторы-бездельники противопоставляют понимание ее как „ситуации Герцена и Белинского”. Вместо серьезной политической работы они предлагают нам заниматься выпуском машинописных журналов (которых, кстати сказать, они никогда не выпускали и выпускать не смогут). Конечно, выпуск машинописных журналов дело хорошее и это дело нужно поощрять, но только не ради того, чтобы забавлять этими журналами салоны обеспеченных технократов. Технократию нужно вовлекать в серьезный идейный процесс именно серьезной политической, экономической и художественной литературой.

Нужно меньше заниматься разговорами о „налаживании каналов” и больше заниматься их налаживанием — это во-первых. А во-вторых, налаживать каналы могут только политические организации, которые можно создать только организовав выпуск политической литературы, для чего

необходима материально-техническая база.

В разделе *„Почему мы не можем использовать вашу марку?“* авторы пишут:

„Наше движение получит совершенно иную оценку в глазах общества“; „Это дискредитирует нас” и т. д.; *„Подобная акция безусловно необходима для поднятия своего престижа...”*

Критикуя позитивную идею, авторы выдают вообще нечто невразумительное:

Нелепо проповедовать — пишут они — *„какую-то новую, крайне нечеткую идею, которая, кроме того, своими сомнительными обещаниями всеобщего счастья слишком напоминает социал-демагогию”*.

Подозрительно хотя бы то, что, высказываясь столь резко, авторы не дают себе труда показать, в чем заключается нечеткость идеи, где они нашли *„сомнительные обещания всеобщего счастья”*. Было бы гораздо полезнее, если бы вместо социал-демагогических выпадов по поводу совершенно недоказанной социал-демагогии авторы дали конкретный анализ конкретной части Программы. И если бы авторы (как они пишут в конце, *„руководствуясь интересами общего дела”*) действительно руководствовались интересами общего дела, то они могли бы понять, что общее дело можно делать, не допуская возможности никакой *„иной оценки”* кроме той, которая необходима в интересах *„общего дела”*. Но для этого нужно, чтобы дело было, и чтобы оно было общим, а у авторов никаких дел нет.

Авторы пишут: *„В стране активно развивается „подпольный капитализм”, о котором можно написать целые тома исследований”*. Вот взяли бы да и написали, хотя бы одну десятую часть тома, раз уж *„подпольный капитализм”* так активно развивается

в стране. Только советуем не перепутать понятие „подпольного капитализма” с понятием подпольной инициативы, а то она может оказаться совсем не капиталистической, даже при условии товарного производства и свободного рынка. Что же касается замечания о характере литературы, которая (по мнению авторов) *„была бы способна вызвать интерес”*, то здесь, вероятно, подразумевается журнал „Америка” — и спокойно, и rispetабельно.

1966

ЗАЯВЛЕНИЕ

*В Отдел по надзору за местами заключения
Прокуратуры СССР*

В декабре 1966 года Гинзбург А.И. и его фактическая жена Жолковская И.С. одновременно со мною подавали заявление о регистрации брака в ЗАГС Кировского р-на города Москвы, о чем имеются соответствующие записи в книге регистраций. Гинзбург не успел оформить бракосочетания, т. к. был арестован.

Мне известно, что в ходе следствия, после следствия и после суда Гинзбург и его фактическая жена неоднократно обращались во множество различных компетентных инстанций с просьбой разрешить им зарегистрировать фактическое супружество, о чем в деле имеется большое количество заявлений от Гинзбурга и его фактической жены.

В Москве, во время нахождения в изоляторе КГБ, Гинзбургу оформить бракосочетание не дали, хотя закон не запрещает этого и в практике содержания под следствием имели место случаи оформления бракосочетания.

В настоящее время Гинзбург лишен возможности оформить фактическое супружество, т.к. в местах заключения это почему-то запрещено. Однако, такое положение дела не может быть причиной отказа в свидании ему и его фактической жене (я не буду апеллировать к тому обстоятельству, что из близких родственников у Гинзбурга есть только старушка-мать, жизнь которой постоянно под угрозой, т. к. у нее большое сердце, о чем мне лично известно, ибо лично мне неоднократно приходилось вызывать врачей и бегать за лекарствами).

Я прямо заявляю, что лишение Гинзбурга возможности видеться с женой является мерзким издевательством над правом каждого человека иметь и созидать свою семью. Такое положение не может быть оправдано никакими соображениями, противоречит духу и букве всякого закона. Более того, существуют все законные возможности, обеспечивающие право на свидание лицам, находившимся до заключения в состоянии фактического супружества. И на основании этих законных возможностей Гинзбургу А. И. и Жолковской И. С. предоставлялось личное свидание (на одни сутки) в сентябре 1968 года и общее свидание (на 3 часа) в декабре 1968 года.

Но в апреле 1969 года им было отказано в общем свидании и заявлено, что в дальнейшем им свидания предоставляться не будут.

Параллельно (в Москве) с работы была уволена жена Гинзбурга Жолковская И. С., формально — за неправильное отношение к решению советского суда, а фактически потому, что по характеру своей работы она имеет возможность видеться с иностранными студентами.

Вся эта ситуация в совокупности с точки зрения любого бюрократически-полицействующего ума, кажется логической и естественной, но эта логика и это естество существуют только в извращенных бюрократически-полицействующих мозгах, готовых играть человеческими судьбами на основе только своих вымыслов и догадок. Тот, кто находит мои слова резкими, пусть приведет хотя бы одно доказательство, опровергающее их. А поскольку я знаю, что этих доказательств не существует, то я утверждаю, что в данном случае совершаются ошибочные

действия против семьи, личности и человеческого достоинства.

Что же касается вопроса о решении суда по делу Гинзбурга, то не только мне, но еще в большей мере КГБ, Прокуратуре РСФСР и суду РСФСР известно, что Гинзбург незаконно арестован и бездоказательно осужден. Но сейчас не об этом речь. Речь идет о том, что только на основе вымыслов и предположений совершается покушение на человеческое право.

Наши возможности видеться с семьями и без того сведены до минимума, поэтому всякое покушение на них есть гипертрофия чувства, реальности и меры. Например, мой отец целый год гнет спину за станком, ждет, чтобы увидеть сына. Моя мать пишет мне: „Юра, сынок, не знаю — дождусь я тебя или не дождусь, я думаю о тебе и плачу”. Я разлучен на годы с женой. Они едут к нам на свидания, тратят последние деньги на дорогу, каждый раз натыкаются на всевозможные препятствия и ограничения. Чтобы получить лишний день на дорогу, они идут и сдают кровь. И находятся люди, которые изыскивают различные оправдания этому издевательствам над чувствами людей. Обыкновенно, подобные издевательства пытаются представить как способ воспитания. Но что таким образом хотят воспитать в людях? Злобу и ненависть?

Надзиратели у меня прямо из рук вырвали бутерброд, который мне сунула мать, когда я выходил с личного свидания. Существует представление, что нас здесь кормят. В действительности же, на 50% нашего заработка мы кормим МВД, а из заработанных денег оплачиваем голодный паек, на котором нас держат. Годами нас подвергают явному и скрытому белковому, витаминному и минеральному голода-

нию. При этом нас систематически обворовывают: мы получаем недоброкачественные продукты, и часто продукты гнилые и тухлые.

Мы имеем право покупать в ларьке продукты питания только на 5 рублей в месяц. При этом различными подзаконными актами нам умышленно не продают в ларьке такие продукты, как сахар, мясо, молочные изделия, лук, чеснок и всякие другие полноценные продукты, имеющиеся в достаточном количестве в местных торговых организациях. Эти подзаконные запреты могут иметь только двойное происхождение. Или они издаются безответственными лицами, которые персонально виноваты в этом, или они санкционированы властью, и тогда это прямая политика, направленная на подрыв нашего здоровья. (Или запрещение продавать в ларьке, например, лук может быть оправдано какими-нибудь соображениями воспитательного, идеологического или экономического порядка?)

После половины срока заключения мы имеем право получать посылки, 3 раза в год весом по 5 кг, но и это символическое право нарушается какими-то подзаконными актами МВД. Фактически, если администрация захочет, то она всегда имеет возможность запретить эти посылки. Она это и делает. Фактически Ю. М. Даниэль не получил ни одной посылки. Виктор Калныньш находится в заключении уже восьмой год и не получает посылок. Валерий Ронкин уже отбыл больше половины срока и посылок не получает. Сергей Мошков освобождается в июне месяце этого года и за весь срок заключения он не получил ни одной посылки. Леониду Бородину мать пишет: „Я могу понять, что тебя посадили, но я не понимаю, почему тебе нельзя прислать банку

меда, ведь у тебя же язва. Люди у вас там или нет”. У меня на глазах у Гинзбурга началось заболевание желудочно-кишечного тракта. У меня самого язва двенадцатиперстной кишки, и я пытался советами и другими мерами остановить болезнь своего друга, но при таком питании сделать это невозможно.

Недавно наши лагеря стали официально называть учреждениями, но от этого они не перестали быть концлагерями, режим которых направлен на подрыв здоровья и в которых воспитывается ненависть к власти и ее правопорядку.

В такой ситуации нас просто ставят перед необходимостью изыскивать средства самозащиты и защиты своих прав и своего человеческого достоинства.

16 мая с. г. Гинзбург объявил голодовку, а что ему еще остается делать? Бросаться на запретку под автоматическую очередь? Как это было в 1964 году, когда заключенный Романов бросился на запретку и был убит. Как это было в 1967 году, когда заключенный, пожилой литовец Житкевичус бросился на запретку и был убит. У каждого из нас могут не выдержать нервы и каждый из нас может быть застрелен. Ибо мы живем за колючей проволокой под дулом автоматов. Знает ли об этом власть, знает ли об этом общественность, знают ли об этом наши родственники? Не так давно газета „Известия” поместила статью „Еще раз о деятельности Йозефа Павела”, в которой с целью дискредитировать личность Павела написано: „В документе о режиме в лагерях принудительных работ от 3 апреля 1950 года говорится следующее: „В лагерях необходимо ввести твердые бескомпромиссные и последовательные методы воспитания, которые од-

новременно должны усилить порядок и дисциплину и исключить современное направление гуманного воспитания, которое подрывает порядок и дисциплину. Кто же, следовательно, несет ответственность за деятельность органов безопасности...”

Таким образом, и Павел был ответственным, например, за цензуру писем, направлявшихся в лагерь и из лагерей, за порядок разбора жалоб заключенных, за систему наказаний и т.д.

„Те наши граждане, которые читали „Отечественный фронт” и которые слышали об обвинениях, выдвинутых против Павела, хотели бы знать, занимается кто-либо в ЧССР расследованием его деятельности...”

А мы, заключенные, хотели бы спросить газету „Известия” и хотели бы знать, чем объясняется положение, в котором мы находимся сегодня, в 1969 году. Мы хотели бы знать, какая есть необходимость держать под дулами атоматов, например, писателя Ю. Даниэля или одного из немногих эфиопистов, преподавателя восточного факультета ЛГУ В. Платонова; бывшего директора школы Леонида Бородина; историка и филолога В. Калныньша, инженера Валерия Ронкина, студентов С. Мошкова, А. Гинзбурга, Ю. Галанскова и других. Силой обстоятельств каждый из нас был поставлен перед необходимостью выразить свое политическое отношение к положению в стране в форме, которая сегодня рассматривается как противозаконная, но из этого еще не следует, что над нами можно издеваться, подрывать наше здоровье, усугублять горе наших родственников.

Если руководство страны находит, что наши действия для него нежелательны, как, например, дей-

ствии марксистской группы „Колокол”, то после вмешательства органов КГБ оно могло бы осуществить функции надзора по месту жительства, а не бросать нас за колючую проволоку.

Если газета „Известия” осуждает режим лагерей в Чехословакии, то почему мы можем писать только два письма в месяц через цензуру? Кто несет за это ответственность?

Мы воспитаны в духе человеколюбия и уважения к человеческому достоинству. Я вот сейчас сижу и читаю статью тетки моей жены кинокритика И. Соловьевой „Время под обстрелом”. В этой статье о концлагерях сказано: „В лагерях происходило двойное истребление: истребление физическое и истребление человека — меры вещей, истребление святости и неповторимости всякого человеческого существа”.

О немецких концлагерях она пишет: „После того, как установлена полная однотипность, разрешаются и даже поощряются достопримечательности: в одном лагере жил медвежонок, в другом, расположенном близ Веймара, сохранился дуб Гете”.

А нам в 1969 году запрещают зимой одевать и вообще носить что-либо, кроме спецодежды, в которой мы работаем. Нам запрещено получать газеты западных компартий и орган ЮНЕСКО журнал „Курьер”. Интересно почему?

Я не буду ставить в этом заявлении вопроса, как это делает газета „Известия”, требуя расследования о лагерях принудительных работ в Чехословакии. Я ограничусь лишь цитатой из статьи И. Соловьевой: „Освобождение от памяти физически необходимо, в ее власти просто нельзя жить. Но это стирание прошлого, эта новая застройка на неотмытых пусты-

рях имеет в картинах Алена Рене свой полный тревоги смысл. Прошлое, преданное забвению как прошлое, смешивается с настоящим, просачивается в него, подменяет его собой. Воспоминание, вытесненное как воспоминание, становится предчувствием; ужас перед этим стертым прошлым становится страхом перед настоящим и перед будущим”.

Когда меня судили, Брежнев говорил, что тем самым преследуются воспитательные цели. Мой отец рабочий, моя мать уборщица, и только безумец мог протянуть между нами колючую проволоку и поставить солдат с автоматами. Мы не преступники. Мы — проявление существующей в стране оппозиции.

Политическая оппозиция — естественное состояние всякого общества, необходимое состояние всякого социального развития, но когда инакомыслящих и политическую оппозицию вынуждают вставать на путь неофициальных и полуправильных действий, а потом, пользуясь трагизмом ее положения, репрессируют — это уже противоестественно. Если бы Запад подавлял всех инакомыслящих и всякую политическую оппозицию и тем самым вынуждал ее встать на путь неофициальных, полуправильных и нелегальных действий, то вся коммунистическая оппозиция оказалась бы за колючей проволокой под дулами автоматов. Компартии Италии, Англии, Франции, Австралии и скандинавских стран отлично понимают это. Поэтому не случайно они все настоятельнее ставят вопрос о демократизации жизни в России. Анализ показывает, что в настоящее время компартии стран Западной Европы фактически являются свободной оппозицией в системе международных коммунистических отношений. И как положительный нужно рассматривать тот факт, что все

большее количество коммунистов западных компартий начинают понимать, что от их принципиальности и бескомпромиссности их позиции в целом и в каждом конкретном случае в значительной мере зависит характер эволюции правящей партии в России. Ибо от характера эволюции этой партии в значительной мере зависит судьба России, а от судьбы России сейчас решающим образом зависят судьбы мира.

Ю. Галансков

Лагерь 17 А, пос. Озерный, 31 мая 1969 года

О ПЕРЕСМОТРЕ КАРАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

7 июля 1969 года из учреждения ЖХ-385-17-а в этапном порядке вывезены в неизвестном направлении заключенные Юлий Даниэль и Валерий Ронкин. Я лично знаком и с Даниэлем и с Ронкиным, и мне известно, что сами они предстоящее этапирование рассматривали просто как очередной перевод в другой лагерь.

Позднее стало известно, что Даниэль и Ронкин находятся во Владимирской тюрьме, куда они помещены до конца отбывания своего срока заключения (т. е. Даниэль — более чем на год, а Ронкин — на срок около трех лет).

Общеизвестно, что перевод во Владимирскую тюрьму в административном порядке рассматривается как вид жестокого наказания, применяемого в исключительных случаях в связи с систематическим нарушением заключенным правил режима, когда считается, что все другие механизмы дисциплинарного воздействия исчерпаны.

Как правило, этот перевод производится по ходатайству администрации мест заключения через суд. При этом судопроизводство и судебное разбирательство осуществляются таким образом, что объективное исследование виновности заключенного ничем не гарантируется. Отсутствие представителей защиты в ходе судебного разбирательства лишает заключенного квалифицированной юридической помощи и фактически ставит его в положение, когда он лишен права на защиту. Определение суда обжалованию не подлежит.

В беседе с заключенным В. Калныньшем администрация лагеря заявила, что с ее стороны ходатайства о переводе Даниэля и Ронкина во Владимирскую тюрьму не было. Это заявление администрации является убедительным, ибо ни Даниэль, ни Ронкин, как мне лично известно, правил режима не нарушали, что относительно Ронкина фактически было неоднократно подтверждено администрацией лагеря в марте 1969 г., когда возник вопрос об *отмене* постановления о лишении Ронкина личного свидания. Даниэль и Ронкин нормально работали, что подтверждается показателями графика производственного процесса за 1968-69 гг.

Совокупность всех вышеизложенных обстоятельств исключает какую-либо возможность перевода Даниэля и Ронкина во Владимирскую тюрьму по режимно-дисциплинарным мотивам. Все эти обстоятельства в совокупности заставляют меня думать, что перевод их обусловлен *иными причинами*.

В феврале 1968 года несколько заключенных объявили голодовку, выдвинув требования, направленные на нормализацию положения в местах заключения лиц, осужденных по политическим и религиозным мотивам. В этой голодовке активно участвовали Юлий Даниэль и Валерий Ронкин.

В апреле 1969 года Даниэль и Ронкин подписали Письмо шести к депутатам ВС СССР по вопросу предстоящего принятия Верховным Советом „Основ ИТЗ”.

В мае 1969 года Александр Гинзбург, исчерпав все правовые возможности, объявил голодовку, добиваясь регистрации брака со своей фактической женой Жолковской И. С. К голодовке Гинзбурга одним из первых присоединился Ронкин, под-

держав тем самым законное требование товарища. Даниэль, который не принимал непосредственного участия в голодовке, предпринял, однако, различные шаги, направленные на скорейшее достижение положительного решения вопроса.

В промежутках между этими событиями Даниэль и Ронкин *систематически* выявляли недостатки и извращения административной практики в местах лишения свободы — посредством или прямого обращения к различным должностным лицам, или письменных заявлений в государственные органы и органы прокурорского надзора. Тем самым они причиняли *постоянное* беспокойство различным должностным лицам, ставили *под угрозу* их служебное *благополучие* и *карьеру*. Таким образом Даниэль и Ронкин восстанавливали *против себя* должностных лиц в разных инстанциях. На почве этого они *наживали себе* прямых *врагов* и *недоброжелателей снизу вверх* по тройной цепочке МВД, КГБ и Прокуратуры. Но не только. Вскоре они нажили и *недоброжелателей сверху вниз* по той же тройной цепочке. И вот как это произошло.

*

По счастливому стечению обстоятельств такие события, как голодовка в феврале 1968 года, „Письмо шести” и коллективная голодовка в поддержку Александра Гинзбурга, рано или поздно становились достоянием гласности как внутри страны, так и за рубежом. Последнее обстоятельство является наиболее важным и ценным с точки зрения наших национальных интересов. Западная пресса и, в особенности, западное радио на русском языке

факты служебного произвола и административных извращений предают широкой гласности, выявляют их социальную природу и ставят государственные органы и должностных лиц перед *необходимостью* принятия срочных мер. Тем самым преодолевается естественная инертность и консерватизм бюрократии, по своей природе тяготеющей к служебному формализму, волоките и консервации проблематики. В таком качестве пресса и радио Запада выполняют задачи отсутствующей в настоящее время в России организованной оппозиции и тем самым стимулируют наше национальное развитие. К сожалению, Запад часто ограничивается соображениями сенсации и идеологической конъюнктуры и не проявляет необходимого упорства в постановке жизненно важных для нас вопросов.

В годы сталинской диктатуры западная интеллигенция больше *удивлялась*, чем *противостояла*. Она была потрясена жестокостью зла и громадностью нашей трагедии. У нее самой не хватало духовной цельности и нравственной силы, чтобы действительно противостоять взрыву дьявольских сил. Она оказалась беспринципной, пошла на сделку с совестью и на политические компромиссы. За сенсационными сообщениями о русских концлагерях западная интеллигенция уже не слышала стога из-за колючей проволоки. И никакие сенсации не помогли уберечь нам нашу интеллигенцию от физического уничтожения. Никакие сенсации не помогли нам остановить процесс истощения человеческих ресурсов нации. (Так же, как никакие сенсационные сообщения о событиях в Китае не смягчают национальную трагедию Китая, которая угрожает вовлечь мир в международную катастрофу. И пусть Запад не очень-то

успокаивает себя предположениями о *вероятности* китайско-русской схватки.)

Ошибается тот, кто думает, что Россия стремится избежать диалога с Западом. Это заблуждение основано на идеологических предрассудках. Правильнее будет сказать, что политика диалога, которую Россия решительно проводит (и не может не проводить), постоянно наталкивается на различные трудности. Основная трудность этой политики заключается в том, что Россия *сегодня* — это страна единой государственной идеологии. А единая государственная идеология тяготеет к декларативности, к доктринерству, стремится монополизировать внутреннюю политику, но при этом она решительно не может избежать своей антитезы, иначе было бы невозможно развитие. В этом ее *внутренняя противоречивость*.

*

Рассматривая конкретное политическое положение в России не сегодняшним днем, нельзя не заметить, что после событий в Чехословакии на поверхность политической жизни России временно всплыли и начали доминировать наиболее догматические элементы.

Что же произошло в Чехословакии?

Коммунистическая партия Чехословакии, — почувствовав, что она теряет социальные корни и выпадает из национальных связей, — чтобы укрепить свое положение, встала на путь демократизации экономической и политической жизни, не только не имея четкой позитивной программы, но и будучи не в состоянии ее быстро выработать. (От имени пар-

тии Дубчек неоднократно заявлял, что никаких поспешных решений принято не будет.) Национальные силы также не имели ясной позитивной программы. В условиях наступившей демократии столкнулись две тенденции: социалистическая и национальная. Произошел процесс политической диффузии, который не завершился взаимной ассимиляцией (т.к. еще не были найдены социально-политические механизмы ассимиляции), и дело застряло в негативной фазе. Для стабилизации положения необходимо было время, и Чехословакия могла стать авангардом социализма. Но процесс прерван вмешательством извне.

Извращая природу и смысл событий в Чехословакии, некоторые политики пытаются представить дело так, будто бы демократизация жизни сама по себе ведет к подрыву позиций партии и угрожает государственности, хотя Россия только что оправилась от кровавой диктатуры Сталина, которая поставила партию на грань физического уничтожения и политического вырождения. Спекулируя на чешских событиях, демагоги стараются набить себе цену и нажать политический капитал. В демагогической суматохе они пролезают к рычагам власти и общественной жизни на всех уровнях бюрократической пирамиды. Своими интригами они взвинчивают партийно-государственный аппарат и побуждают его к бессмысленным и крайне вредным действиям. Они пытаются вновь загнать в психологическое подполье процесс легализации нравственно-эстетического потенциала нации. Усилилась какая-то смехотворная мышьяная возня вокруг журнала „Новый мир“. Начались какие-то бессмысленные аресты. В общественной жизни возникло состояние нер-

возности и неуверенности. И за всем этим скрываются всего лишь глубоко шкурнические интересы и политический идиотизм демагогов. Конечно, нельзя слишком переоценивать случившегося, ибо всякое шкурничество только на то и надеется, что в обстановке неуверенности и нервозности люди запугают сами себя и не сразу сумеют разглядеть за демагогической оркестровкой мышиную возню шкурников. Нужно понимать, что случившееся имеет временное, обстоятельственное значение.

К сожалению, на сегодня положение складывается таким образом, что власть не только недооценивает важности и даже жизненной необходимости для России диалога с Западом, но и прямо стремится монополизировать внутреннюю и внешнюю политику в ущерб национальному развитию, подменяя концепцию борьбы идеологий *идеологией административной борьбы с идеями*.

Поэтому естественно, что как только голодовки в феврале 1968 года, мартовское „заявление шести“, голодовка в мае-июне 1969 года получили международную огласку, — эти события попали в поле зрения должностных лиц *сверху вниз* по той же тройной цепочке КГБ, МВД, Прокуратуры. Это поставило руководящих лиц КГБ, МВД и Прокуратуры перед *необходимостью* выяснения событий и принятия мер. Но вместо того, чтобы установить справедливость и правомерность требований политических заключенных, руководство КГБ, МВД и Прокуратуры встало на путь карательных мер. *Сверху вниз* просто спросили: „В чем дело?“ А враги и недоброжелатели Юлия Даниэля и Валерия Ронкина ответили *снизу вверх*, соответственно отрекомендовав и охарактеризовав Даниэля и Ронкина как ини-

циаторов событий. Концы сомкнулись, интересы верхов и низов совпали, ибо всякое должностное лицо кровно заинтересовано прежде всего в спокойствии и руководствуется прежде всего соображениями служебного благополучия и карьеры, а не национальными интересами; ибо с точки зрения национальных, а не государственных, интересов они должны были не сажать Даниэля и Ронкина в каменный мешок во Владимире, а благодарить их за то, что усилиями нескольких человек в лагерях для лиц, заключенных по политическим и религиозным мотивам, была значительно *нормализована* обстановка. Ведь принципиально Даниэль и Ронкин добивались того, чтобы во шах было не по одной, а по две карточки, чтобы заключенных не обворовывали, чтобы над заключенными не издевались, Если, например, учесть, что для того, чтобы добиться регистрации брака Гинзбурга с его фактической женой, недостаточно только хлопотать об этом, а нужно, по крайней мере, исчерпав все правовые возможности, объявить коллективную голодовку, то можно легко представить себе, сколько нервотрепки нужно вынести заключенному в каждом конкретном случае, преодолевая служебную инертность бюрократов, из которых каждый и не хочет, и боится взять на себя какую-либо ответственность.

При данных обстоятельствах посадить во Владимир Юлия Даниэля — это прямое хамство и, как всякое хамство, — прямая бессмыслица, и больше нет необходимости об этом рассуждать. Другое дело — Ронкин. Об этом есть что сказать, и об этом сказать нужно.

*

Кто такой Валерий Ронкин?

В 1963 (или в 1964) году в Ленинграде вышла брошюра „Комсомолия технологического”. В этой брошюре писали о В. Ронкине, С. Хахаеве и о других студентах, которые в студенческом патруле вели упорную борьбу с хулиганством. Ронкин и Хахаев не раз ставили себя под нож и под удар кастета. Это известно всему Ленинградскому технологическому институту. Я хочу этим сказать, что и Ронкин, и Хахаев — это люди с хорошо развитым социальным инстинктом и рано пробудившимся интересом к общественной жизни.

После частичной деконсервации проблематики на XX съезде КПСС стало ясно, что основная масса исторической и социально-политической проблематики осталась законсервированной. Процесс деконсервации шел сверху и снизу. Сверху стремились держать в узде интерес, который прорезался снизу, но полная деконсервация проблематики была для России жизненно необходимой. И это чувствовали все. И особенно остро чувствовали это такие люди, как В. Ронкин и С. Хахаев. Будучи марксистами по мировоззрению и по методу мышления, они с марксистских позиций выступили за *правильный марксизм против его извращений*, развернув критику в нескольких направлениях. Естественно, что острой критике подвергалось персонально руководство партии и сама партия как непосредственно ответственная за трагедию в годы сталинской диктатуры.

Изложив свои мысли в нескольких статьях, Ронкин и Хахаев объединили вокруг себя несколько человек, *назвали* себя „Союзом коммунаров” и

выпустили два номера машинописного журнала под названием „Колокол”.

Был ли „Союз коммунаров” организацией? Нет.

У них не было ни Программы, ни Устава, ни дисциплины, ни конспирации — все это исключает организацию.

Был ли „Союз коммунаров” законспирирован? Нет.

Конспирация подразумевает определенную *технику* конспирации, соотнесенную с угрозой возможной деконспирации.

Это был круг друзей по комсомольскому патрону, вставших на путь неофициальных действий и предпринявших элементарные меры предосторожности с целью самосохранения. И ничего более. В любой из стран Западной Европы, где марксисты могут спокойно критиковать и власть, и существующий строй, и любую партию, и друг друга, „Союзу коммунаров” не было бы никакой нужды осторожничать. Они могли бы открыто излагать свои взгляды и никому бы и в голову не пришло арестовывать их. А вот у нас их поставили перед необходимостью принятия мер предосторожности, а потом марксисты арестовали группу комсомольцев-марксистов. А была ли в этом необходимость? Нет. Не было такой необходимости. Если бы КГБ после деконспирации „Союза коммунаров” ограничился запретом и мерами надзора, то работал бы сейчас Валерий Ронкин, кормил бы жену и дочь. Но Ронкина и Хахаева ухитрились осудить на 7 лет (и три года ссылки) каждого.

Если бы КГБ осуществлял *политику надзора за мыслями*, то это по сегодняшним временам можно было бы как-то понять, но когда политика надзора

за мыслями становится *карательной политикой*, когда кучку дружинников—комсомольцев-марксистов сажают за колючую проволоку *на семь лет* в лагерь со строгим режимом, рассчитанным на военных преступников (на проклятой мордовской земле, которая утыкана костями заключенных и в которой даже можно найти простреленные женские черепа и волосы монахинь), где люди фактически сидят на нормированном пайке и не получают ни посылок, ни передач (а теперь даже бандероли с книгами можно будет получать только два раза в год), что, естественно, подрывает их здоровье, когда от матери отрывают сына, от жены — мужа, от дочери — отца, то это по сегодняшним временам не очень-то понятно, это тревожно и прямо преступно.

Санкционировала ли власть арест и меру наказаний Ронкина и Хахаева? Да, санкционировала. Но почему? Ведь в этом не было особой необходимости, а по идеологическим соображениям это было даже невыгодно. Очевидно, власть была дезинформирована естественной деформацией оперативно-следственных материалов, представленных ей на рассмотрение.

Естественная деформация оперативно-следственных материалов имеет следующую природу:

1) После XX съезда КПСС, когда выяснилось, что преувеличение значимости КГБ во внутренних делах ведет к социальной гипертрофии (т. е. перерождению) самого КГБ и таит в себе социальную опасность, авторитет КГБ заметно снизился, а сам КГБ был значительно ослаблен. Поэтому в последующие годы КГБ в каждом конкретном случае стремился несколько преувеличить в глазах власти опасность дел по политическим мотивам, чтобы

припугнуть власть, повысить в ее глазах авторитетность органов и их значимость в вопросах безопасности и политической стабилизации. И это вполне понятно. В зависимости от этого уменьшалась вероятность сокращения штатов КГБ, можно было рассчитывать на усиление государственного финансирования, и вообще от этого зависели все прочие привилегии сотрудников КГБ.

2) Другая причина естественной деформации оперативно-следственных материалов, представленных на рассмотрение власти для санкционирования, заключается в следующем.

Арестовав человека, следствие обязано доказать его виновность и оформить состав преступления адекватно формуле закона. В процессе этого оформления *живое событие* утрачивает свой первичный смысл и, подчиняясь логике следствия, *нагружается смыслом*, которого это живое событие первоначально в себе не имело. Во-первых, следствие отсекает основную массу признаков живого события, которые противоречат задаче следствия – доказать виновность. Во-вторых, следствие создает свои материалы (даже если и со слов обвиняемого) все равно *избирательно*, в направлении обвинения. В-третьих, следствие живое событие стремится оформить на юридическом языке, адекватном формуле закона. За счет этой юридической специфики языка живое событие дополнительно нагружается *смыслом*, который несет в себе юридическая терминология. В результате обвинение может иметь не только искаженный смысл, но смысл диаметрально противоположный живому событию. Обвинения по статье 70 в основной своей массе вот таким образом и созданы. Именно таким образом группа дружинников-

комсомольцев-марксистов становится антисоветской организацией „Союз коммунаров”. И власть санкционирует им меру наказания – семь лет строгого режима и три года ссылки. „Союз коммунаров” – группа комсомольцев-дружинников-марксистов становится группой опасных государственных преступников.

Если объективно рассматривать дело группы „Союз коммунаров”, то будет совершенно очевидно, что ни одно слово, ни одна фраза, ни один поступок Ронкина и Хахаева не имеют смысла и цели подрыва и ослабления советской власти, или государства, или же смысла агитации против советской власти. Сама идея „Союза коммунаров” исключает такой смысл и такую цель. И уж, если угодно, само марксистское мировоззрение и сам метод мышления Ронкина делает это невозможным. (Лично я с Хахаевым не знаком, но слышал самые лестные отзывы о нем, о его исключительной честности, скромности и теоретической основательности).

Совокупность всех вышеизложенных соображений заставляет меня думать, что если перевод Ронкина в тюрьму есть *недоразумение*, то сам арест группы „Союза коммунаров”, их осуждение и дальнейшее пребывание Ронкина и Хахаева в заключении есть результат безответственной карательной политики. Поэтому дело группы „Союз коммунаров” должно быть пересмотрено, а Ронкин и Хахаев должны быть освобождены (остальные осужденные по делу „Союза коммунаров” уже отбыли срок заключения и находятся по ту сторону колючей проволоки).

Казалось бы, все обстоятельства делают пересмотр дела „Союза коммунаров” возможным. Кро-

ме одного: КГБ, Суд и Прокуратура, которые занимались делом „Союза коммунаров”, будут препятствовать этому. Ни у КГБ, ни у Суда, ни у Прокуратуры (и персонально, и институционально) не найдется необходимой для этого нравственной решительности и интеллектуальной смелости. Никто из них не сможет поставить человеческие и национальные интересы выше соображений служебного благополучия. Положим, что мир не без хороших людей, и они найдутся и в КГБ, и в Суде, и в Прокуратуре. Они с необходимостью должны там быть, и они, конечно, там есть. Но сама острота проблемы ставит должностных лиц в положение, когда они не могут взять на себя такой инициативы. Поэтому КГБ, Суд и Прокуратура будут препятствовать рассмотрению этого вопроса. Кроме того, чтобы пересмотреть дело группы „Союза коммунаров”, кто-то должен будет признать свои ошибки, хотя дело совсем не в ошибках, а в ошибочной природе самой карательной политики по политическим и религиозным мотивам, запускающей карательные механизмы, которые автоматически срабатывают по нормативам принятой правовой технологии.

И все же всякий конкретный пересмотр судебного дела сопряжен с выявлением судебной ошибочности. Нежелание признать ошибочность ставит людей на путь демагогических рассуждений. Демагоги сразу же начинают кричать, что будто бы кто-то хочет дискредитировать советский суд. Но вряд ли есть необходимость дискредитировать его, он сам себя достаточно дискредитировал в делах по политическим мотивам.

Я убедился в этом на собственном опыте. Я не могу касаться здесь всего своего дела в целом.

Позволю себе показать только один узел дела. Вот он.

При обыске у Добровольского изъяли 2 000 рублей. При помощи этих денег Добровольский создал версию о том, что он получил эти деньги от Ю. Галанскова для использования в политических целях. Версия А. Добровольского ставила Ю. Галанскова в крайне сложное положение. Но у Добровольского положение было еще более трудное. На очной ставке Добровольский растерялся.

А. Добровольский: „Ему (т. е. Ю. Галанскову) будет непонятно, откуда я эти деньги взял”... — начал он.

Ю. Галансков: „Да как же мне будет непонятно, если ты говоришь, что я их тебе дал?”

Добровольский осознал положение и замолчал.

Из этого признания Добровольского прямо следует, что Ю. Галанскову будет непонятно, откуда у Добровольского эти деньги. Добровольский опасался, что Ю. Галансков будет строить какие-то невыгодные для Добровольского предположения относительно происхождения этих денег, а Ю. Галансков его остановил... Следствие сделало вид, что не заметило этого (а может быть, оно действительно не заметило), но оно пошло по пути искусственного создания дела. Этот эпизод записан на магнитофонной ленте, и искаженная машинописная запись этого эпизода имеется в деле. Я поднимал этот вопрос в своей кассации. Дело прошло сквозь все вышестоящие судебные и прокурорские инстанции, и ни одна из этих инстанций не дала мне ответа, хотя они обязаны были мне этот ответ дать. Суды и судьи молчат, ибо в данном случае признание судебной ошибки равносильно отмене приговора.

Суды и судьи молчат. Но нужно думать, что когда-нибудь в России перестанут болтать о строгом соблюдении законности и начнут законы соблюдать. Кстати, этот узел с деньгами – уникальный случай, как и все наше дело. В свое время оно потрясет юристов.

Итак, совершенно очевидно, что бессмысленно ставить вопрос о пересмотре каждого конкретного дела. Такая постановка вопроса увязнет в служебных и ведомственных интригах. Но из всего этого еще не следует, что вопрос не имеет решения. Вопрос должен быть поставлен, *именно* перед властью, о пересмотре самой карательной политики по политическим мотивам. И если я говорю о пересмотре дела группы „Союз коммунаров”, то я тем самым хочу показать, насколько очевидна необходимость пересмотра карательной политики. Ведь если ошибочность в деле с „Союзом коммунаров” становится очевидной, то очевидной становится и ошибочность самой карательной политики по политическим мотивам.

*

В 1964 году генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти в своей „Памятной записке”, опубликованной в „Правде”, решительно поставил вопрос о том, что итальянским коммунистам непонятно, почему в России до сих пор сохраняется режим подавления и ограничения демократических и личных свобод, введенный еще Сталиным. Вопрос остался открытым...

Но если у коммунистов Запада этот вопрос вы-

зывает недоумение и, в лучшем случае, досаду, то для нас это — вопрос жизни. Для нас режим подавления и ограничения демократических и личных свобод означает подавление политической и экономической активности национальных сил, он давит и душит всякую творческую инициативу, убивает в человеке веру, лишает его надежд.

Растерянность человека, потерявшего веру, его задавленность под обломками рухнувших надежд есть распад магического кристалла мировоззрения и растрепанность души. Вот опасность, которая угрожает России изнутри.

Иногда говорят, что Запад разлагается от свободы. Вряд ли это так. Я бы сказал, что даже свобода не является достаточным средством, чтобы преодолеть те трудности, перед которыми оказался Запад сегодня.

Нам нужна свобода, чтобы развернуть национальную самобилизацию.

Нам нужна свобода, чтобы привести в движение все необходимые механизмы, обслуживающие выполнение этой задачи.

Нам нужна свобода, чтобы выполнить свои обязанности перед Россией и жизнью.

Есть просто Земля и есть Русская земля, на которой ты стоишь и которая кормит тебя. И если сегодня на твоей земле за колючей проволокой сидят люди, которые однажды подчинились зову своей совести и были верны ей, — ты должен помнить об этом, ибо ты отвечаешь за эту землю и за жизнь на этой земле.

Позиция П. Тольятти и критика представителями западных компартий внутренней и внешней политики КПСС — это не случайное явление. Между харак-

тером внутренней и внешней политики КПСС и фактом существования западных компартий есть прямая зависимость. Вот она.

Итальянцы, французы, англичане, американцы, австрийцы, японцы и т. д. спрашивают коммунистов Италии, Франции, Англии, Америки, Австрии, Японии: это вы такой нам социальный строй предлагаете, в котором будут ликвидированы все политические свободы, в котором оппозиционную мысль будут загонять на путь неофициальных и нелегальных действий, а потом репрессировать и бросать за колючую проволоку под дула автоматов? Вы нам такой социальный строй предлагаете, в котором не только невозможны будут оппозиционные партии, но даже „Союз коммунаров” будет сидеть за колючей проволокой? Вы нам предлагаете общественный строй, в котором будут отрывать мать от ребенка (дело Л. Богораз-Брухман), отца от детей (К. Бабицкий), мужа от жены (П. Литвинов) и отправлять в ссылку за обыкновенную демонстрацию протеста?

„Ни в коем случае!” – вынуждены будут сказать западные коммунисты. Мы осуждаем такую политику и отмежевываемся от нее. Наш коммунизм будет не таким, мы обеспечим все политические и творческие свободы, мы будем терпимы к инакомыслящим. Тогда коммунистов Запада спросят:

„А почему мы должны вам верить? Вы сами утверждаете, что критерием истинности всякого учения является практика, а практика показала, что две крупнейшие коммунистические державы (СССР и Китай) проводили и проводят политику, которую вы сами же осуждали и осуждаете. Более того, практика показала, что две крупнейшие ком-

мунистические державы находятся на грани войны, которая может привести к уничтожению русского и китайского народов. Вы нам говорите о трудностях и ошибках, а чем вы можете доказать, что в самой природе коммунизма не заложены такие явления, как сталинизм и маоизм? Чем вы можете доказать, что ваш итальянский, французский или английский коммунизм не станет национальной трагедией для итальянского, французского и английского народа?

Вы хотите уверить нас, что коммунизм способен обеспечить демократические и личные свободы более полно, чем их обеспечивает западный мир? Вот вам, коммунистам, западная система, на ликвидацию которой направлена ваша деятельность, предоставляет все организационные и технические возможности осуществлять эту самую деятельность. Вы имеете свои партии, свои газеты, свои издательства, свои книжные магазины и пользуетесь всеми политическими свободами, а в России группа молодых марксистов „Союз коммунаров” сидит в лагере. Ну, ладно бы, если бы коммунисты по тем или иным причинам ограничивались политикой надзора за мыслями, т. е. запретили бы официально „Союз коммунаров” и взяли бы под надзор по месту жительства членов этой группы, но ведь дело обстоит гораздо хуже.

Вы осуждаете такую политику, вы отмежевываетесь от нее. Вы уверяете нас, что режим подавления и ограничения демократических и личных свобод не лежит в самой природе марксизма. Вы уверяете нас, что этот режим всего лишь результат трудностей и ошибок. Вы уверяете нас, что КПСС способна преодолеть свои ошибки и изжить режим

подавления и ограничения демократических и личных свобод. Вы нас в этом уверяете. В таком случае поставьте перед КПСС вопрос:

1) о проведении полной и всеобщей амнистии для лиц, осужденных по политическим и религиозным мотивам и

2) о пересмотре карательной политики по политическим и религиозным мотивам.

Ведь за все это вы, как единомышленники КПСС, несете морально-политическую ответственность. А если вы будете уклоняться от этой ответственности, если вы будете покрывать карательную политику КПСС рассуждениями о том, что вы не можете вмешиваться во внутренние дела братской компартии, то мы выдвинем против вас обвинение в безответственности и политической беспринципности. И мы прямо скажем избирателям, что режим подавления и ограничения демократических и личных свобод лежит в самой природе марксизма и с необходимостью вытекает из политической практики коммунистов. Мы объявим вас вне закона, загоним в подполье и будем держать за колючей проволокой под дулами автоматов до тех пор, пока КПСС будет держать за колючей проволокой всех инакомыслящих.

Таким образом, не только политическая популярность, но и сам факт существования западных компартий находится в прямой зависимости от характера внутренней и внешней политики СССР. Все извращения во внутренней политике КПСС с необходимостью ведут к обострению противоречий, к теоретическому разномыслию и политической раздробленности внутри международного коммунистического движения.

Внутриидеологический диалог между КПСС и

компартиями Запада становится неотвратимым. Отвлекаясь от различных сторон этого сложного процесса, мы выделим только непосредственно необходимую нам грань. Вот она.

Все чаще и настойчивее представители и органы различных западных компартий выступают по отношению к политике КПСС как свободная оппозиция внутри коммунистического движения. Это обстоятельство приобретает чрезвычайную ценность ввиду того, что оно делает возможным диалог внутри коммунистического движения, обеспечивающий развитие.

Сколько бы ни говорилось о самостоятельной природе законов национального развития, все же невозможно отрицать, что судьба России во многом зависит от характера эволюции КПСС как правящей партии. А характер эволюции КПСС находится в прямой зависимости не только от диалога с Западом, но и, прежде всего, от внутриидеологического диалога в системе международных коммунистических отношений. Руководство западных компартий должно ясно понимать, что КПСС сохраняет режим подавления и ограничения демократических и личных свобод не потому, что КПСС *не хочет*, а потому, что КПСС *не может* от него отказаться, и *не знает*, что делать.

Например, прошло уже более десяти лет как образована конституционная комиссия по выработке новой конституции, а Россия все еще живет по так называемой сталинской конституции, в которой одни статьи провозглашают самые широкие свободы, а другие начисто отменяют свободы, провозглашенные в первых статьях, или вверяют эту отмену административным органам. Практически это равно-

сильно отсутствию конституции. Этот потрясающий пример правового бесплодия заставляет задуматься о многом.

Другой пример. На XXI съезде КПСС была принята Программа партии, в ней написано, что через 20 лет будет создана материально-техническая база коммунизма, есть еще подобные фантастические вещи, которые прямо заставляют думать о теоретической сомнительности самой Программы.

Эти два примера настораживают и делают серьезность положения очевидной. Потому очевидной становится и та чрезвычайная ответственность, которая ложится на компартии Запада как свободную оппозицию в системе международного коммунистического движения. От их инициативы, от их принципиальности и бескомпромиссности зависит эволюция политики КПСС и, соответственно, судьба России, а от судьбы России решающим образом будет зависеть политическая картина мира.

Поэтому безынициативность, беспринципность, компромиссы с совестью в данной ситуации равносильны предательству дела мира.

Лагерь 17 А, пос. Озерный

1969

Письма из лагеря

*„Не я корчусь от боли – нация больна,
а я лишь мгновенное ее выражение”.*

*| Юрий Галансков
Из письма, 1971 г.*



1967 год

РОДНЫМ:

Здравствуйте все!

Всех целую, обнимаю, жму руки – кого как. Милая мама и драгоценный папа мой Тимофей Сергеевич, две мои Аленки*, одна из которых Лена, я постоянно думаю о всех вас и всех своих друзьях и знакомых.

Когда я ложусь спать, я говорю: „Спокойной ночи, мама, спокойной ночи, папа, спокойной ночи, Оленька, спокойной ночи, Леночка, и далее я говорю спокойной ночи всем, кого уважаю и люблю. Так что многие даже не подозревают, что ежедневно несу их в сердце своем. Ну, ладно...

Мама и папа, живите дружно. (...)

Да, Оленька, не понимаю я, о какой работе ты все время мне пишешь. Да вы что там, все очумели от жары, что ли? Какая работа, какой Красноярск? Да в своем ли ты уме! Послушай-ка ты, женщина, жена и личностная персональность. Да ты что? Да не давала ли ты каких-нибудь там подписок всяким административным дуракам? Напиши-ка мне, кто и что тебе сказал, откуда вообще идет весь этот бред собачий. Да ты что, не знаешь разве, как в таких случаях нужно поступать? Во-первых, нужно

* „Аленка”, „Оленька” – жена Ю. Галанскова – О. Тимофеева; „Лена”, „Леночка” – его родная сестра.

просто посылать к е. м., а если это не поможет, посылать со всей силой, на которую способен человеческий голос в горах. (...)

Между пр., Аленка, я писал тебе в письме из изолятора, что в изоляторе мне снился сон: я нарвал много-много цветов, всяких ромашек, васильков, колокольчиков, и в эти цветы бросил тебя, и ты великолепно в них барахталась. Потом я сплел из ромашек и васильков (и еще из листьев) красивый и гордый венок тебе на голову (белые ромашки на темных волосах.) Еще я сделал тебе юбочку из листьев, травы и цветов. А еще из листьев и травы кусок широкой ленты на грудь, которую мы завязали у тебя на спине и получился большой красивый узел между лопаток, который как-то украсился (сам собой) алым цветком. И еще в этих цветах мы ели землянику с молоком и грызли орехи (обыкновенные, наши лесные). (...)

Кстати, Оленька, „Науку логики” Гегеля мне нужно прислать в лагерь. (...) Аленка, когда у тебя будут деньги (их можно взять у моего отца в день получки, когда он часть денег прячет от матери куда-нибудь в дырку), купи всего Канта (кажется, выходит 10-томник, точно не знаю) и всего Гегеля... (...)

Аленка, скажи Минне, чтобы она по возможности присылала мне новинки скандинавской литературы, библиографию выходящей на русском и не русском языке скандинавской литературы, можно кое-что (дешевое) присылать на шведском языке. (...)

Мой день рождения прошел здесь хорошо. Мы сделали салат из крапивы, одуванчиков, петрушки, укропа, ромашки. В эту зелень мы положили рыб-

ные консервы в томате и залили всю эту прелесть подсолнечным маслом. Было очень вкусно. (...) Мне сделали подарки. Леша подарил мне банку сгущенного молока еще из лефортовских запасов и кисет табаку тоже из тех же запасов. (...)

Оленька, чувствую себя также. Лечусь. (...) Пришли, пожалуйста, конверты хорошие для писем тебе и обыкновенные для писем разным бюрократам. (...)

Чудаки вы, что вы там скромничаете и мало пишете. Пишите о жизни. Можно подумать, что люди живут где-то в воздухе, вне семьи, вне города, вне друзей, без осязаемых форм и связей личного бытия. Пишите о здоровье, о работе, об отдыхе, о радостях и бедах, о любви, о винах, о кино, о погоде, о природе, о детях, о науке, о литературе, о религиозной философии, о театре. Можно подумать, что у нас здесь сидят не цензоры, а тигры, которые того и гляди вцепятся вам в руку, если вы будете писать мне о любви, о кино, о своих детях, о своих выпивках. Да вы что, живете в лохматом веке !? Цензуру не интересуют человеческие вещи. Цензура, она для того, чтобы люди не писали ничего противозаконного. А ничего противозаконного я и слышать не хочу! Меня интересует жизнь во всем своем многообразии. Я хочу знать, кто кому морду набил и кто когда какое стекло разбил. Кто женился, кто развелся, кто пишет стихи, а кто пьет водку, кто сволочь, а кто хороший человек, кто живет в этой жизни и мимо кого эта жизнь проходит.

Я люблю созидание. Когда люди создают свое утро, свой день, свою семью, свою радость, свои трудности, свое человеческое Я и движутся в процессе созидания своего человеческого достоинства.

Вся наша жизнь – суть движение в дебрях социальных форм и социальных связей. Наши чувства и наши реакции всегда преломлены сквозь удивительную социальную призму бытия. Наша жизнь многообразна. Многообразны специализации человеческого чувства и разума. В жизни есть логика и жизнь удивительно алогична. Опыт мало чему учит людей, и в то же время опыт обогащает наше подсознание и сознание, жизнь развивает или развращает наши чувства и наоборот – воспитывает культуру наших чувств, подавляет наши природные инстинкты и замещает их комплексом социальных связей инстинктов. Теряются наши связи с природой и в то же время мы рвем вперед к природе. Мы много говорим о разуме и знаниях и на 99,9% живем инстинктами, поэтому наша жизнь сумбурна, и если кажется, что кто-то живет четкой размеренной жизнью, то это иллюзия, это только кажется. Жизнь всегда продолжается (если взять личностный аспект), меняются только ее формы: жизнь на севере или на юге, дома или не дома, рядом с любимой или вдали от нее. Жизнь – это вдруг переходы из одной плоскости в другую и движение дальше. Упал, нужно встать. Остановился, отдохни и иди дальше. Движение в движении, движение в покое, движение в себе и движение вокруг, удар, падение, полет, полет кувырок, ударился – лечись, больно – кричи, весело – смейся.

Иногда обыкновенную головную боль или обыкновенный кувырок в полете принимают за трагедию жизни. Глупцы. Жизнь сама по себе трагична и комична. Жизнь – то, что она с нами делает и то, что мы делаем из нее. Поэтому я люблю человеческое созидание, созидание строительства и разруше-

ния. Да, да, есть созидание разрушения. Есть созидание счастья через радость и одинаково — через трудности. Только не нужно опускаться до пошлости, а пошлость многообразна. То там, то здесь она ловит человека в свои сети, разлагает его чувства и его разум, превращает в живой труп, неспособный восхищаться зеленью и солнцем, противостоять подлости и глупости. В каждом из нас есть компас совести, он почти всегда говорит нам правду и нужно руководствоваться этой совестью и будет счастье, даже если будет трудно, и будет легко, даже если будет тяжело. Каждый очевидно замечал, как легко можно носить тяжести и как трудно порой нести самую легкую ношу. Нужно думать: думая, человек вращается в жизнь, как дерево корнями в почву, и только крепость ствола и сочность кроны обнаруживает эффект чувства и мысли. Разговорился я. Кончаю.

Теперь просьба, Оленька, пусть-ка эти Батшев, Губанов, Делонэ напишут мне. Я хочу прочитать их письма. Я хочу видеть то, что они мне напишут и тогда я прочту то все, что они скрывают от меня. (...)

Аленка, меня интересуют вопросы социальной психологии, медицинской психологии (правда, такой науки еще нет, а психиатрию как таковую я не имею в виду), психология труда, инженерная психология, психология искусства, социальные неврозы. Пусть кто-нибудь напишет мне о состоянии в этих областях. Собственно в отечественной психологии у нас, очевидно, ничего нового нет. Если будут какие-либо переводы по психологии, покупай и пиши мне, я напишу: прислать или не прислать. Покупай книги по биологии, генетике, особенно по демографии. У нас эта литература должна вот-вот

быть и ее нужно покупать. Но тот, кто интересуется этими вещами, мог бы написать и писать об основных тенденциях в деле развития этих научных специальностей. Вот еще важное дело — логика. У нас она совершенно не развивалась и сейчас в этом деле наблюдается прогресс. Известно, что в мировой логике существует несколько тенденций, т. е. диалектическая логика, чистая логика, психологическая логика и т. д. Если кто-нибудь сможет достать книги современных западных логиков (сейчас их должны начать переводить), то это было бы большое дело. Очень интересны западные логики, начиная с двадцатых годов. Иначе говоря, и в науке логике было несколько школ, и все они развиваются по сей день. Разумеется, никакие учебники логики и психологии мне не нужны, меня не интересуют. Не представляют для меня никакого интереса все работы наших логиков за период с 29 по 64 год. В отечественном процессе развития этих наук интересно иметь представление о *тенденции* их предполагаемого развития. Но, Оленька, конечно, это не сразу. Постепенно, при случае, не напрягайся. У тебя и так забот полон рот. Будь умницей, думай серьезно. Суета и интрига, конечно, противны, но умей находить в каждом человеке его человеческое достоинство. Умей выделить в человеке положительное и на уровне этого положительного разговаривать с человеком. Конечно, иногда, наоборот, бывает нужно выделить в человеке отрицательное и показать это отрицательное или исключительно этому человеку или всем. Это все сложно и все же это очень просто, если не быть злым, глупым, усталым, если самому при этом быть человеком хорошим и умным.

Оленька, не сердись на меня за нравоучения, но жить с людьми — это дело очень трудное. В то же время и жить без людей человек не может. Обычно ведь люди очень примитивно смотрят, живут среди людей и поэтому бывают *самы несчастны и делают несчастными других*. Примитивно в смысле глупости, астероидности, наглости, хамства, крайней слабости или крайнего цинизма. Уважай людей и требуй от них уважения к тебе, принуждай людей к самоуважению своим человеческим отношением к ним. Аленка, все это сложные, *очень не простые истины* (как это может показаться). В виду их сложности в мире и творится столько глупости и зла, начиная от семейных драм и кончая войнами. (...)

16 июня 1968 года

РОДНЫМ:

С Новым Годом!

Папа, мама, Лена и Юрочка.

Я только что пришел с работы. Когда сосчитают всех, мы вернемся в барак, возьмем хлеб и пойдем ужинать в столовую. Сегодня после ужина будет кино (кино нам показывают... (вымарано цензурой)).

После ужина у нас свободное время и мы можем читать. Но у нас так не получается. После ужина мы, т. е. Юлик, Виктор, Сережа, Валерка, Ян, Алька и я, пьем чай с хлебом и маргарином и еще кофе — из *одной* большой кружки (кружка ходит по кругу). После кофе мы разговариваем, шутим, курим,

а потом уже начинаем читать книжки, газеты, журналы, писать письма или спим.

Мамочка, для маленького Юры нужно обязательно сделать маленькую елочку. Он, конечно, ничего не понимает, но все равно ему будет хорошо. Он будет улыбаться и шевелить ручками...

Мамочка, напеки пирогов (хорошо бы с яблоками) и отнеси Кате с Митей. Только побольше, целую *кастрюлю*. Мамочка, купи им *хороших* конфет на елку. Только обязательно хороших конфет. И еще маленьких мандаринов.

Мамочка, когда Катя с Митей будут заходить к тебе, ты обязательно корми их. Ладно? (...)

Леночка, спасибо за фотографию. Напиши мне письмо. Не ленись. (...) Не будь бабой, а будь женщиной. Но учти, что женщиной быть не так просто. Баб много, а женщин мало. Мужикам от бабы нужен только „шерсти клок“. Женщин же они уважают, и любят они только их. Не бывает просто красивых баб. *Всякая женщина становится красивой, если ее изнутри озаряет ее собственная человеческая красота*. Запомни это хорошенько. Большинство девчонок украшает себя тряпками и красками, но от этого они не становятся красивыми. Это самое большое заблуждение всех баб. У Заболоцкого есть стихотворение:

Что значит красота? Сосуд?
Или огонь, мерцающий в сосуде? (...)

Мамочка, одет я тепло, не мерзну. Желудок болит не очень. Чуть-чуть. Ты не волнуйся. Береги свое здоровье. Пиши мне чаще. Я люблю твои письма. Все твои письма я получаю. Я получаю все твои бандероли. Приезжайте.

12/12 1968 г.

МАТЕРИ:

Здравствуй, мама.

Все мы болели гриппом, но сейчас уже больше не бодем. Переболели. С 10 марта мне будут делать уколы В-12. Для желудка это полезно. (...)

Вчера была суббота. Вечером пили кофе, думали и говорили о китайцах. Mamочка, их так много, жрать им нечего, вот они и не знают, что им делать. Устраивают скандалы на границе, мало им этого будет, устроят войну. А по радио все чаще поют песни про родину, про Россию, про русский народ — это для бодрости... А потом, попивши кофе, мы играли музыку и пели. К нам из другого лагеря привезли двух ребят — ленинградцев. Они называют себя социал-христианами, утверждают, что православие — это мышление русского народа и что Россия спасет мир от всякого разврата. Так они думают, и они очень верят в это. Только говорят обо все этом они сложнее и умнее. Ребята хорошие. Один из них учитель, он работал в школе, а другой окончил Восточное отделение Ленинградского университета, аспирантуру и был преподавателем на этом восточном отделении. Его зовут Слава Платонов, а его приятеля — Леня Бородин. На меня они сразу же напали: почему я не пою русских песен. Леня Бородин играет на гитаре. И вот в две гитары и мандолину мы весь вечер играли и пели песни. А потом пошли спать. Пою я плохо, но когда все вместе, все нормально получается. (...)

Мама, вот только скажи Аиде, чтобы она спросила у Минны, — нет ли у нее стихов Волошина. Если есть, то пусть пришлет. Если нет книжки, то можно напечатанные на машинке или рукой написанные. (...) Спроси у Аиды, нет ли у нее книг русских философов. Я у нее уже об этом спрашивал, но она могла не обратить на это внимания. (...) Я прочитал ее книжку „Интуиция и наука”. Боже мой, какая это скука — почтенный профессор долго и нудно излагает свои мнения о том, что интуиция — это не интуиция, а если она и интуиция, то она не то, что о ней думали и думают. И на каждой странице все одно и то же. А Аида писала мне, что она прочла эту книжку с интересом. Пусть уж лучше она пришлет мне Соловьева. (...)

Лена, забрал ли Женька словарь Даля. Кажется, забрал. Но нельзя ли у него этот словарь попросить или купить. Тебе, конечно, нельзя, но ведь можно же послать к нему кого-нибудь. (...)

Сходи с мамой в аптеку, покажи ей, какие бывают витамины. Или как можно чаще покупай их мне сама. Они дешевые. (...)

29/III-69 г.

Т. Н. С.:

„...Остается лишь формализм нравственного долга, жизнь как бы „замирает” (слово „формализм” ты почему-то подчеркнула).

В жизни бывает хорошее и плохое. Например, преданность — хорошо, а предательство — плохо.

И то и другое имеет место в жизни. И то и другое есть объективное состояние жизни. Человек знает — бывают предательства, и он проецирует предательства в книгах, в живописи, в музыке. Человек знает — бывает преданность, и он проецирует преданность как одну из заповедей где-нибудь в книге Добра. Мы — это наши мощные инстинкты. Они учат нас преданности, и они же делают из нас предателей. Поэтому Мы — и Преданность и Предательство одновременно. Мы знаем цену и Преданности и Предательству, и было бы грубой ошибкой думать, что „люди склоняются к злу”. Наоборот, зло всегда противно человеку. И он проецирует зло как темное, дьявольское Нечто. Оно для него тягостная вынужденность, с которой он ведет постоянную упорную борьбу.

В своей душе, в своем духе человек остается хорошим, кристаллизует все доброе как нравственное и проецирует эту кристаллизацию, положим, как десять заповедей. Эти десять заповедей, как десять жемчужин, как десять откровений он вписывает в систему религии. А всякая религия — это гигантская величественная проекция гигантского величия человеческого духа.

Развращенный атеизмом уже не может верить в это величие, потому что в нем не осталось даже крупинки этого величия.

Если градусник показывает $+100^{\circ}\text{C}$, то атеист верит, что объективно существует такая температура. А в то, что объективно существует нравственность, атеисту поверить уже трудно. Сравнить нашу душу с ртутью, а десять заповедей со шкалой на градуснике, — для атеиста уже невозможно.

Но мы потеряли градусник нашей нравствен-

ности. Мы нравственно больные люди, не знаем, что с нами происходит. Мы верим в термометр, но не верим друг в друга, в добро. Даже если мы и верим во что-то хорошее, то все равно нам недоступно то гармоничное состояние, которого достигает обыкновенная старуха в церкви. Никакие наши речи не могут сравниться с молитвой, ибо все наши речи – формализм, не опирающийся на тысячную долю той веры, на которой основаны все молитвы. Ты говоришь: „Проблема относительности всякого добра”. Добро абсолютно. Оно есть или его нет. Добро – оно для всех добро и ничем другим ни для кого быть не может.

Твой Юра

26. 4. 69

МАТЕРИ:

Здравствуй, милая мама.

Сейчас мне сделали укол атропина, и мне стало легче. Можно нормально писать. Я лежу в центральной больнице, как это было летом прошлого года. Вечером 17-го ноября меня привезли сюда, а до этого я несколько дней лежал в лагере (в стационаре). Мама, дорогая, ты, пожалуйста, не волнуйся. У меня осеннее обострение язвы 12-типерстной кишки. В прошлый раз меня подлечили, будем надеяться, что и сейчас подлечат. Погода сырая, на улице не очень холодно. Но все равно скоро зима возьмет свое, начнутся морозы, как и должны быть в декабре. Пусть Арина не волнуется, жизнь идет своим

чередом при всяких обстоятельствах и во все времена года, как собственно она и должна идти. (...)

Мама, хорошо, если бы вы сходили с Людмилой Ильиничной, или с Ариной, или с Геннадием, или еще с кем-нибудь за посылкой в МВД в санитарный отдел (или как он у них там называется?) и обратились за разрешением прислать мне посылку или привезти прямо на общее свидание передачу ввиду моей болезни для целей лечения (т. е. масло, перетопленное с медом, со столетником и т. д.). Нужно подать об этом письменное заявление. Они вполне могут разрешить, если захотят. Ну, а если не захотят, то пусть этим вопросом займется Оля. Она мне обещала. Обязательно пусть Аида поговорит с ней по этому вопросу. (...)

Только плохо очень, что наши знакомые почему-то друг на друга сердятся, не доверяют друг другу, не уважают и не любят друг друга. Я говорю им всем, что это очень досадно и в конце концов вредно. Я хотел бы сказать им всем без исключения: самые трудные ситуации, которые кажутся неразрешимыми, с точки зрения индивидуального сознания, чаще всего разрешаются совокупностью быстрых и энергичных действий каждого. Чаще всего человек думает, что он не может сделать всего, поэтому не делает ничего, в то время как именно необходимо, чтобы каждый делал что-то посильное и доступное для него, не обременяющее его лично и не осложняющее его жизненного положения. Плохо, что люди не понимают, что это нужно. И еще хуже, что люди не понимают, что это можно. И *даже только это минимальное* необходимо и достаточно.

Мама, что-то в последнее время ты мне реже пишешь. Пиши, пожалуйста, чаще. И папу заставляй.

А Ленку я прямо прошу писать мне чаще. Две ее поздравительные открытки я и Алька получили. Получил я оба письма от Володи О. Очень хорошо, что во втором письме он пишет не о прошедших пустяках, а по существу настоящей жизни. Пусть он пишет мне чаще. Только пусть он не думает, что я обсуждаю здесь всякую прошлую шелуху со своими друзьями. Вовсе нет. Я передаю ему всякие приветы. Редкие письма от Геннадия я получаю. Получил и последнее его письмо, которое написано по возвращении с юга. Только удивляюсь я, почему он не заходит к Аиде, в свое время набью ему за это морду и при этом ему будет очевидно, что я окажусь тысячу раз прав. (...)

А сказала ли ты моим знакомым, чтобы они тоже завели у себя столетники для меня? Говорят, что Л. И.* предпочитает возиться с кошками. Скажи ей, что против кошек я не возражаю, но отказываться при этом выращивать столетники для моей язвы не совсем правильно. (...)

Мама, скажи Тане, чтобы она мне писала. Я буду ждать ее писем. Я извиняюсь перед всеми, что никому не пишу. И пусть Таня не думает, что я на нее обижаюсь или не хочу ей писать. Нет, дело совсем не в этом** (...)

Сейчас ночь. Темно. Почти не видно слов. Пишу при свете уличного фонаря (из окна) подложив книжку: Леопольд Стоковский „Музыка для всех нас”. Приятная книжка. Еще у меня с собой книжечка стихов Бодлера. Книг я с собой не взял. Сначала

* Л. И. Гинзбург – мать А. И. Гинзбурга. – Р с д.

** Политзаключенным разрешено писать 2 письма в месяц на строгом режиме и 1 письмо в месяц – на особо строгом. – Р е д.

мне сказали, чтобы я собрал все свои вещи. Я все сложил и книги уложил в ящик. Но когда приехала машина, выяснилось, что всех вещей брать не нужно. Поэтому пришлось книги оставить. Успел прихватить только эти две книжки. А без книг скучно. Да и вообще скучновато одному без ребят. Вот только Мишка Садо меня навещает вечером. Заварил бы я ему кофейку, да нет у меня кофе. Я свою долю отдал Юрке Иванову, а то ему в Саранске без кофе трудновато будет. Он без этого не может. Привык. Был бы здесь Николай Тарнавский или Славка Айдов, уж они-то нашли бы заварку раз в день. Но и Николай и Славка рядом в рабочей зоне, из которой к нам в больницу ходить нельзя. А славные ребята! (...)

26 ноября 1969 г.

Т. Н. С.:

...У меня могут быть отношения с самыми разными людьми. Но есть люди, которых я принимаю целиком и полностью. Принимаю их такими, какие они есть. Принимаю при всех и во всех обстоятельствах. Принимаю в сиянии и в грязи. Принимаю в бедности и в богатстве. Принимаю в здоровье и болезни. Человеческие отношения сплошь и рядом построены на конъюнктуре. Люди выгадывают, выкраивают, обманывают и обманываются, выигрывают и проигрывают. У меня нет нужды заниматься всей этой человеческой бухгалтерией. Я не знаю, что там люди находят и теряют. Мне все равно, бывает

ли им в такой жизни лучше или хуже. В моем понимании все это плохо. Я вижу, как носится этот „Корабль дураков” без руля и без ветрил.

Позитивизм и прагматизм в человеческих отношениях разбивает магический кристалл мировоззрения, растлевает личность, ввергает ее в хаос суетной конъюнктуры. Люди хватаются за все и не могут насытиться ничем. Эта негативная сторона современной жизни сейчас хорошо известна. О ней много пишут, о ней говорят, о ней кричат и даже вопят, устав от писанины и разговоров. Консерваторы справедливо пытаются привлечь внимание очумевшего мира к идеалам Веры, Надежды и Любви. Но современному человеку не во что верить, нечего любить и не на что надеяться. Конъюнктурный ритм жизни беспощадно дробит мировоззрение людей на мелкие осколки животных реакций и рыночных комбинаций. Положение серьезное и, может быть, даже страшное. Утратив веру в Бога, люди никак не могут обрести веру друг в друга. И это, действительно, — тяжелый случай, что в идеального Бога можно было верить и верили, а как верить в грешного человека? Как мне верить в человека, если я знаю, что он всегда может обмануть и предать меня? Как мне любить этого мошенника и предателя? И какие я в таком случае могу иметь надежды? Все вопросы и вопросы. И вопросы-то все правомерные.

Именно правомерность и актуальность этих вопросов оживляет христианство. Человечество вновь обращает свои взоры к Богу. Ибо в вере в Бога оно легко обретает и Веру, и Любовь, и Надежду. Здесь возможны два варианта: или Бог есть и Он постоянно постигается людьми, или Бог есть потому, что он создан законами человеческого

мышления и психики. Материализм и атеизм легко может игнорировать первое, но второе просто отрицать — невозможно. Ведь невозможно отрицать законы человеческого мышления. Они ведь есть...

...Кстати, знаю о том, что вы поссорились с Н. Смутно знаю. Очень мне досадно было узнать об этом. Жизнь полна недоразумений, и, может быть, между вами недоразумение случилось. А может быть, кто-то из вас виноват в случившемся. Такое ведь бывает. Люди ведь не ангелы. Может быть, даже виновата ты. И может быть, твоя вина — не то чтобы твоя вина, а просто какое-то проявление тебя с отрицательным знаком. Я повторяю, ведь не ангелы же люди. Противоречивы люди. Соответственно противоречиво проявляют они себя и в жизненных ситуациях. Очень досадно мне, что вы рассорились, ибо по-разному, но одинаково сильно я люблю вас и верю в вас. А вы вряд ли верите друг в друга и вряд ли друг друга любите. А когда нет веры и любви между людьми, то всегда найдется какой-нибудь пустяк, который станет яблоком раздора. И наоборот. Вот я и опять уперся в веру. Опять из (пропуск) человеческих терзаний вырисовываются эти великие маяки. Человек — грешен. Как мне верить ему? Стоп! Ему или в Него? Стоп-стоп-стоп... Здесь есть какая-то разница. И очень существенная, может быть. Может быть... Никак не уловлю сути. Грань тонка, и истина уходит... Не схватывается зависимость, не вырисовывается связь... Мы научаемся верить в Него и верить Ему... или наоборот, или еще как-то. Почему эта вера или есть, или ее нет, почему одним дано верить, а другим

нет? Как это получается? Ну ладно, я еще подумаю над этим. И ты подумай.

..Присылайте открытки (живопись) в письмах. И сама больше интересуйся живописью. И музыкой. Нужно чаще смотреть и слушать. Спасибо за Лотрека. Мне думается, я его хорошо понял. Или, вернее, я могу понять его. Могу чувствовать эту болезненную пульсацию жизни, этот патологический излом судьбы. Но для меня это не самая драгоценная грань в кристалле бытия, хотя пройти мимо нее, конечно, невозможно. Это было бы ханжеством. Но я легко могу представить душу чистую и непосредственную, которая не поймет такой живописи и будет очень удивлена ею.

Мне ближе, например, Петров-Водкин. Например, его „Мать”. Смотришь и начинаешь ясно понимать трагедию современного общества. Эмансипированные дуры и изуродованные шлюхи. Страшно! Я это не из ханжества говорю. Нет. Эти дуры и шлюхи — наша жизнь. В моем понимании — это испытание, которое человечество должно пережить и изжить. Всему этому будет естественный конец, когда переоценка ценностей станет неизбежностью во имя семьи как первичной завязи человеческих отношений (т. е. любви, материнской любви, родства, братства), во имя семьи как формы поддержания человеческого потенциала нации и ее наследственного фонда, во имя семьи как формы сохранения человеческого рода. Мы, по-моему, и мыслить-то разучились такими категориями. Лотрек — вот наше видение мира. Здесь мы находим и смысл и красоту. Здесь — наша психология и эстетика. Здесь — мы уроды в изуродованном мире. И самое удиви-

тельное в том, что все это для нас так естественно, так близко, что мы начинаем думать: вот она, жизнь настоящая... А жизнь ли это? По-моему, это скорее распад и умирание, по-моему, это кошмар жизни, в котором мечется раздавленный и распадающийся человек. Человек-несчастье. Человек без веры и надежд.

А в смысле живописи Петров-Водкин тоже хорош. Вот у меня под рукой его „Яблоки на красном фоне” и „Селедки”. Пошлю их с этим письмом. В неожиданных ситуациях живопись воспринимается лучше. Так бывает. И даже, может быть, так должно быть. Ну, как? Правда, хорошо?

Новый год прошел хорошо. Из двух тумбочек сделали новогодний стол. Постелили белое полотенце. Пили кофе. Собрались Миша Садо (он здесь при столовой работает кочегаром), Петров-Агатов (приехал в больницу с больными ногами, с венами что-то; автор песни „Темная ночь, только пули свистят по степи”). Он верующий. Много пишет стихов и т.д., сидит уже не в первый раз), Леня Бородин (из нашего лагеря, приехал с язвой, ленинградское дело, русский националист), Иван Чердынцев и я. Кофе здесь пьют все (почти). Пьют из одной кружки, черной от сажи, или из банки. Кружка ходит по кругу, „закон железный — только два глотка”, т. е. каждый делает два глотка и передает другому. Потом заваривают еще, и опять — по два глотка, один передает другому. Пили за всех за вас, за матерей, за детей, за Россию, за алтари и очаги Отечества. Принесли баян. Леня играл. Мы с ним пели. (Странно, конечно, но я могу). На 17-ом поют еще и другие. А здесь пришлось вдвоем. Жаль, не было Славика Платонова (он из Питера по одному делу с Мишей и

Леней, окончил аспирантуру и преподавал на Восточном факультете Ленинградского университета (амхарский язык и историю Эфиопии). Леня – бывший директор школы в Сибири, а затем около Луги. Поем мы, главным образом, русские народные песни. Смысл пения (не самих песен, а именно пения) – пробуждение русского национального чувства (в некотором роде это эмоциональная база русского национализма). Я понимаю, что для тебя все это странно, ты живешь в ином мире, для ясности скажу, в мире денационализированных лотреков. Чтобы понять, о чем идет речь, нужно раскрыть понятие нации, а это довольно сложно. Вот если я буду писать еще, то попытаюсь.

Очень самозабвенно я пою (со всеми) „Лучинушку”.

То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит,
То мое сердечко стонет, как осенний лист дрожит.
Извела меня кручина, подколодная змея,
Догорай, гори, моя лучина, догорю с тобой и я.
Не житье мне здесь без милой, с кем теперь пойду к
венцу,
Знать, судил, судил мне рок с могилой обвенчаться,
молодцу.
Расступись, земля сырая, дай мне молодцу покой,
Приюти меня, моя родная, в тихой келье гробовой...

Дело не в словах, а в минорности, в том эсхатологическом чувстве, которое является свойством русского характера в противовес западной мажорности. Хотя говорить обо всем этом можно, только раскрывая позицию полностью или по крайней мере ее основные „нервные узлы”. Иначе все это будет казаться странным. Мы сегодня привыкли понимать

нашу жизнь как какой-нибудь исторический процесс смены формаций, где какая-нибудь классовая борьба является локомотивом истории или где имеет место эволюция или революция. Методологически мы приучены сквозь призму социального (базис, надстройка или просто общество) пытаться понять нашу жизнь, ее развитие, ее трудности, ее модели. Мы без конца, например, будем говорить о социальных причинах возникновения фашизма и все же ничего не поймем. Что мне с того: какие социальные силы привели Гитлера к власти и где он нашел питательную силу (в каких слоях) для своего самоутверждения. Что мне с того, какие политические силы и почему не смогли противостоять ему. Что может дать весь этот разговор об обстоятельствах, если я не пойму самой природы фашизма. Почему, собственно, имел место фашизм, а не еще что-то? Мы совсем не способны взглянуть на жизнь сквозь призму религии, расы, культуры, психологии и логики, антропологии и биологии. Разве можно понять природу фашизма в социально-классовом анализе? Никогда!

Все вопросы и вопросы. И вопросы-то по существу.

...Я нахожу прекрасным, когда девушка успевает сбегать сдать истмат, диамат (или еще что-то там) и прибежать на Садовое кольцо к взбунтовавшемуся другу. Обыкновенное событие, хотя почему-то оно из ряда вон выходящее. Где-то такое — есть повседневность, звено объективного жизненного ритма, даже для простой почтенной домохозяйки. И то, что при каких-то обстоятельствах оно из ряда вон выходит, придает этому особую личностную,

этическую и эстетическую ценность. И слава Богу. Радоваться нужно. Вдохновляться. Чувствовать крылья. Спешить туда, потом домой, потом на работу. Жить там, жить дома, жить на работе, жить среди друзей. Жить достойно и красиво. И никто не требует от человека чрезвычайного. Все это простые вещи. Хотя не все это могут понять. Так же, как простому таракану никогда не понять простого полета ласточки.

..Прошлое для всех актуально одинаково, для женщин и мужчин, кажется мне. И я буду еще вспоминать прошлое. Но и настоящее встает передо мной обрывками, клочьями...

А домой очень хочется. Очень-очень! Хотя из этого еще не следует, что здесь жить невозможно. Совсем не следует. Даже наоборот. Если у человека нормальное здоровье, то в некотором роде он может считать, что ему повезло – пройти сквозь эту жизнь. Здесь много постигается. Здесь грани жизни отчетливы. Здесь человек понимает жизнь до ее последних возможных глубин. Отсюда, как с вершины, видишь человеческую трагикомедию и ее социальные формы. Вот пример, который, может быть, даст тебе ключ к пониманию ситуации. В разлуке, где-нибудь в экспедиции, когда временно прерываются семейные и некоторые социальные связи, человек острее и отчетливее чувствует и понимает их сущностное и ценностное значение. И даже эмоционально перед ним раскрывается все богатство личных связей и все тепло очагов. Но лагерь – не экспедиция. Разница колоссальная. В этом сравнении, с одной стороны, всего лишь геолог, а с другой – личность, вырванная в напряжении, в боли, поставленная во всем в пограничные ситуации. Да и

много всяких других аспектов в этом есть. Одни живут спокойно и легко, другие — с надрывом, третьи — просто сжились, состарились, и им уже не хочется в родные края, а если и хочется, то только для того, чтобы посмотреть на родные места (а это очень сильное чувство) и положить свои кости на знакомой земле. А я? Я иду своей дорогой сквозь все обстоятельства. И если болезнь не раздавит меня физически, — я ничего не боюсь и ничто меня не пугает. Я найду себе свое хорошее, я найду себе свое прекрасное. Я буду радоваться в радости своей и печалиться в своей печали. Мне моей души хватит для меня, а кроме души у меня есть еще мир, в котором много всего удивительного.

Немного о здоровье. Болит у меня ежедневно, примерно через час после еды, все с правой стороны выше пупка и ниже в сторону ребер, под ребрами (внутри) и даже сверху. Отдает в поясницу, в позвоночник и особенно резко иногда в левый сосок. Утром встаю, вроде бы все хорошо. Не завтракаю — хорошо. В 12 часов обедаю, а в час или во втором начинается на целый день. Пью ежедневно, в день раз десять, соду, примерно пол чайной ложки, стараюсь не более. Помогает на некоторое время. Потом опять пью. Это не от изжоги, а чтобы снять боли. Изжоги у меня почти не бывает. Хотя кислотность бывает чуть повышенная или нормальная. Повышенная кожная чувствительность ниже уровня сосков в середине груди, точнее — ниже груди. Аппетит хороший. Тошноты и рвоты не бывает. Запоры. Может быть, это колит, а может быть, — нет. С печенью, по-моему, все в порядке. После курса В¹ и В¹² глюкозы (с витамином) через месяц становится лучше, и даже хорошо. Ничего не болит.

Но вскоре все начинается вновь. Вскоре — это через месяц или быстрее. Вот тебе клиническая картина. Вот сейчас сижу (уже поздно) пишу письмо, появляется и затихает боль в правом боку (не могу сосчитать, на уровне какого ребра). В середине бока. А потом и в других местах правой стороны. Передо мной — белая красивая фляжка с водой и сода в пластмассовой баночке. Пью соду и запиваю водой. Минуты через две-три становится легче, а потом опять. Слежу, чтобы потом сразу уснуть, а то буду ворочаться, мешать спать соседу внизу, у меня койка — второй этаж. Когда ворочаешься — она качается, и качается нижняя койка. А я человек стеснительный. Да и все равно боль не даст сразу уснуть. Спать могу только на левом боку. Если лежать на правом — начинаются и усиливаются боли. Это в обязательном порядке. Хватит болезней. Кончаю об этом.

...Скорее всего, 16 января (в пятницу) меня выпишут и отправят в лагерь. Вернее, меня уже написали из терапевтического отделения, и я задерживаюсь здесь из-за зубов. Надоело все. Конечно, лучше бы пройти еще курс лечения. Но уж если не лечение, то скорее к себе в лагерь на 17а. У меня все мои книги и вещи там. Там все более приспособлено для жизни. А здесь — вокзальная ситуация. Хотя там свои проблемы, которых здесь нет. Но эти проблемы — неизбежность. Рассказывали мне, что ребята дружно встретили Новый год. Сейчас их выпустили из карцера, пересмотрели и отменили решение. Думаю, что и Леня в конце января, числа 30-го приедет из больницы на 17-й. Миша останется здесь. Он — ассириец, весь черный, с черной бородой, среди черного угля и пыли, он будет сидеть около своих пе-

чей, как баба Яга, с кочергой. А мы будем шить у себя рукавицы. Время от времени он будет видеть приезжающих лечиться знакомых, но вообще-то, по-моему, здесь одному можно обалдеть. Вместе интереснее. Ну, ладно, кончаю, пиши, пожалуйста. Завтра, может быть, еще что-нибудь напишу. Иду спать. Залезу на второй этаж. Рядом Миша. Должно быть, видит приятные сны. К нему скоро должна приехать жена и дети, которых он нежно любит.

Сегодня целый день не ел. Почти ничего не болело. Вот бы всегда так было! К сожалению, люди устроены так, что есть необходимо. Хотя, может быть, если несколько дней не есть, – можно приглушить болезнь. Нужно попробовать. Правда, я пробовал, но нужно пробовать еще, подходя к этому исключительно с медицинских позиций. Убедился, что у Лени и еще у одного мальчика-литовца* (литовцев и латышей у нас много, хотя больше всего украинцев) боли такие же, как и у меня, хотя у литовца кислотность низкая (18). Одно в этом утешительное, что, может быть, это рядовая, обыкновенная болезнь желудочно-кишечного тракта, но не более... Тогда с ней еще можно бороться, и бороться успешно.

Завтра (16 января) буду на 17. Ну, всего хорошего. Пиши.

Юра

Больница Барашево, 15.01.1970 г.

* Имеется в виду Альвидас Шедуйкис, студент Вильнюсской консерватории, осужденный на 5 лет лагерей строгого режима по обвинению в националистической пропаганде. – Р е д.

РОДНЫМ:

Здравствуйте, мама, папа и Леночка.

Более 3-х месяцев я чувствовал себя нормально, но в конце августа опять разболелся желудок. Дня три или четыре лежал в стационаре в лагере, а в первых числах сентября меня срочно увезли в больницу. Сидим мы здесь с Андреем Донатовичем (А. Д. Синявский). Зубы ему поставили железные, сегодня или завтра посадят коронки на цемент и отправят в лагерь. Его лагерь рядом, нужно просто перейти из больничной зоны а рабочую. У меня другое дело. Мне до лагеря нужно ехать несколько часов на поезде и на воронке. Две недели прошли у нас как в сказочном сне. И Юрий Евстигнеевич* здесь же, с нами был. Все мы друг другом довольны, хотя и противоречим друг другу много. Ну, и хватит пока об этом. Со здоровьем у меня здесь в больнице несколько лучше. Если так же будет и в лагере, то жить вроде можно. Но ведь сейчас осень, и можно ждать всякого обострения. (...) Кое-что будет зависеть от больничного питания. Будут ли его давать каждый месяц (или через месяц).

...У нас есть теперь некий Геннадий**, которому очень нужны будут книги по математической логи-

* Иванов, художник, автор портретов многих заключенных. – Р е д.

** Г.В. Гаврилов, бывший старший лейтенант, осужденный на 6 лет строгого режима в 1969 г. – Р е д.

ке, логике и математике в этой связи. О нем вообще надо будет самым внимательным образом подумать, ибо парень чрезвычайно талантлив... Только что узнал, меня выписывают завтра, 25 сентября. Я не думал, что выпишут в эту пятницу. Для язвенного обострения 3 недели лечения – это не очень-то нормально. И даже смехотворно. Однако пусть так. Если в лагере не очень будет болеть, то можно будет жить и там. Если же в лагере опять будет очень плохо, то я возьмусь за это дело серьезно. Я их как следует спрошу, можно ли лечить язву за три недели без специальной диеты. И всякое другое... (...).

Вечер 24 сентября 70 г.

Е. А. В.:

Не знаю, к сожалению, Вашего отчества, поэтому просто – Женя. И хочу на ты...

Спасибо за письмо. Я его все время ношу при себе и иногда перечитываю, ибо оно от Вас. И это для меня драгоценно.

К сожалению, я вряд ли могу писать о Боге и христианстве, ибо я, если и не атеист, то в своем роде язычник, что ли... Но я, конечно, и христианин, ибо наша культура сложилась в лоне христианства. Только в этом смысле. Сразу же хочу сказать, что еврейские проблемы меня интересуют только в силу того, что они самым странным для меня образом возникают все вновь и вновь, возникнув однажды в недрах теологической мистики. Как-нибудь я могу

написать об этом более пространно. Да и есть такая необходимость, кажется... (. . .)

Уже глубокая ночь и голова моя гудит. Обнимаю.

Юра

24 сентября 1970 г.

РОДНЫМ:

Здравствуйте, мама, папа и Леночка!

Как маленький Юрочка? Желаю ему всего хорошего. Я лечусь. Делаю уколы алоэ. От операции отказываюсь по многим причинам. Здесь невозможен нормальный послеоперационный период. И я не уверен, что мне будет лучше. Они об этом не хотят думать. А я обязан об этом не забывать. Я уверен, что в нормальной больнице, где есть диетическое питание, мне месяца за два было бы лучше.

Вот и сейчас. Николай Викторович Иванов, с которым мы вместе были на камерном (с 28.X. 70 по 28.XII.70) и с которым вместе прибыли в больницу, каждый день делает мне бульон из кубиков фирмы „Магги”, сладкий чай или что-нибудь язвенное. Купили в ларьке пряников. И боли стали слабее. И вообще стало несколько легче. Бульонные кубики в лондонской посылке оказались очень кстати.

...Скоро весна. А я люблю весну. Прилетят скворцы, грачи, жаворонки. И май будет близко. А уж после мая будем ждать, когда подойдет срок

личного свидания в начале августа. И ты приедешь ко мне, мама. А в августе останется примерно 30 месяцев (19 июля будет ровно два с половиной года).

Мама, передай Люсе (Л. Н. Семян) большое спасибо за открытки и книги. Только вот от Люси и Тани писем почему-то нет. Вчера смотрел фильм про Севастополь. Пошел только потому, что был там и знаю, как его любят Люся и Таня. Мне и самому нравится в Севастополе...

Все собираюсь написать Арине для Алика, но никак не могу. Боль мешает писать и не дает собраться с мыслями. Огромное спасибо за все Арине и скорейшего ей выздоровления. Досадно, что Алик заболел. Ему нужно своевременно лечиться, а то потом будет мучиться. Прошу писать о нем еще и подробнее.

Милая мама, не волнуйся за меня. Все будет хорошо. Очень тебя хочется увидеть. И не сердись на меня за то, что несколько не писал. Так нужно было. Пиши мне сама вечерами.

Я просил бы, Елена Тимофеевна, сходить на консультацию к хорошему гомеопату. Скажешь: кислотность нормальная с тенденцией к повышению, вздутие, боли в животе, привычные запоры, аппетит нормальный, горечи во рту нет, тошноты и рвоты нет, сухая отрыжка. Обязательно нужно сказать, что боли отдают в несколько позвонков в средней части спины, рези около пупка и более сильные правее пупка и в то же время короткие (вступающие), резкие боли ниже пояса в правой стороне спины, болезненные при прикосновении рукой или одеждой. Желудок увеличен книзу, вздутие желудка – в верхней части кишечника. Особенно меня интересует, чем

объясняется повышенная чувствительность кожи в области грудины (под ложечкой). В этой области болей нет, но дотронуться до этого места нельзя, страшно и неприятно. Что это значит? Почему так? Каково происхождение? Это уже давно. Меня это очень интересует. Скорее всего нужно будет зайти к невропатологу. Это нужно обязательно сделать. И, конечно, нужно сказать про язву 12-перстной кишки...

Сегодня 25 февраля, меня не выписали. Теперь могут выписать только в следующую пятницу (5 марта). Что у вас с Ленинградом? Возможно попасть туда или нет? Что вам говорят?*

Отправил домой открытку, вторую не пропустили. Хотел поздравить Митю и Настю с днем рождения. Что делать? Придется поздравить детей позже. Досадно.

Ваш Юра

25 февраля 1971 г.

РОДНЫМ:

Здравствуйте, мама с папой и Леночкой с Юрой.

Всем привет. 12 марта я приехал из больницы. Последние две недели (в больнице) чувствовал себя хорошо. В лагере через три дня опять начались боли, но терпимые. На стенку не лезу. Ох, как

* Речь идет о попытках Ю. Т. Галанскова попасть на лечение в Ленинградскую больницу, в чем ему постоянно отказывалось. — Р е д.

надоело болеть... Ехать ли в Ленинград? Я и сам не знаю. Резать себя я не очень-то жажду и верю, что дома можно было бы вылечиться без операции. Например, в одном журнале („Урал”) пишут, что методом магнитотерапии такие болезни как язва и пр. излечиваются бесследно...

С Ленинградом... Если пошлют, то поеду. Нуждаюсь в диагностике и т.д. Если нет, то пока можно подождать. А если уж будет очень плохо, то тогда можно будет ускорить. Но мне хотелось бы продержаться до личного свидания. А там можно решить определенно. Напишите мне в этой связи что и как там у вас и от чего и что зависит реально. В больнице врач спрашивал меня, соглашусь ли я делать операцию в спецбольнице. Я сказал, что соглашусь, если там это найдут необходимым.

Читаю журналы, Люськину книгу „Парапсихология” (которую я взял) и только что полученную книгу „История и психология” (книга-почтой). Занимаюсь Достоевским, выбрал очень сложный ракурс проблематики. Замучился (...)

Говорят, что Юлий Маркович Даниэль собирается опять быть литературным переводчиком. Туда ему и дорога. Я ему еще в лагере об этом говорил. А он все сомневался, возможно ли это. Очень рад за него. У него будет приятное коммерческое занятие и тогда он даже марок с конвертами нам не будет посылать. Можешь все это написать ему.

Огромное спасибо Люсе (Л.Н. Семян) за внимание и заботу, за открытки и „Парапсихологию”.

Всего хорошего. Пишите скорей. Не обижайтесь на меня, писать мне трудно, боли мешают.

Всем привет. *Юра*

Пос. Озерный, 29 марта 1971 г.

Л. М. Б. :

...Что сказать тебе еще?..

Когда я начал писать это письмо, осень только начиналась. Желтели тополя, а рябина краснела. Было несколько холодных дней. За эти дни тополя проржавели, а рябина потемнела. Подул теплый ветер, с тополей опала листва, и только на рябине листья еще держались. Но однажды, когда ветер был особенно сильным, я вдруг увидел, что и на рябине не осталось ни одного листочка. Как-то невидимо и сразу случилось это. А я в этот день хотел несколько веточек рябины заложить в книгу.

Пришло твое время. Тополя стоят голые. Только кое-где маются на ветру случайно уцелевшие листья. И когда подует ветер, — не сразу разберешь, слетает ли последняя листва или стайка воробьев.

Осень ранняя. Все отцвело и увяло. И даже альпийская фиалка цветет и отцветает на улице и в балконе, в горшках, сделанных мной из дупла осины и стволов березы.

В этом году я чувствовал себя хорошо. И вот даже теперь, когда осень, — я вполне держусь. Если бы так было все время...

...Все пишут, что птицы считают родиной то место, где они выпорхнули из гнезда и сделали первый облет. Они всегда стремятся вернуться сюда. Должно быть, потому и ты считаешь дни до своей холодной дождливой родины и, как Иннокентий Аннен-

ский, вспоминаешь: „Полусвет, полутьму наших северных дней, недосказанность песни и муки”. Кстати сказать, это весьма в духе эстетики Г. Якулова. Не правда ли? (Полусвет – полутьма – недосказанность.) Но это я так, к слову. А вот про птиц – это серьезнее. Ты, должно быть, уже прилетела. Уже октябрь. 22 число. Твое время. Сейчас утро. Добрый день.

Пос. Озерный, 22 октября 1971 г.

Л. М. Б.:

...Я получил твоё нежное письмо. Потом было письмо от 24 октября. После возвращения с юга. Страничка, вырванная из погребенности городскими заботами, из поздней осени, дождливой и без (пропуск) ещё под впечатлением морской осени с бурями, с цветущими до снегов розами, сверкающей и чужой.

Живу по-прежнему, но душа оживает, а иногда бывает живой, как в детстве. Может быть, это море, а может быть, ещё что-нибудь. А твоё душа?

Ах, о чём это? Я сержусь на себя, на собственную неуклюжесть и неспособность проникнуть, почувствовать, понять. „Как в детстве” – это пожалуй, единственный ключ, но и он не помог мне приоткрыть дверь в мир оживающей души. Да и если бы это была какая-нибудь абстрактная оживающая душа, то и пусть бы так. Но ведь это – твоё душа, т.е. ты сама. И я не могу понять тебя. Досадно. Я всматриваюсь в собственную душу и вспоминаю собственное детство...

Кстати сказать, сейчас я читаю книгу Иово Элез „Проблемы бытия и мышления в философии Людвиг Фейербаха” (Изд. „Наука”, М., 1971 г.). Читаю с интересом.

Автор отстаивает материализм на стыке учений Спинозы – Гегеля – Фейербаха, Маркса. Небольшая и очень хорошо написанная книжка. И много о душе. Например, в одной сноске автор замечает, что Фейербах „в силу борьбы против отрыва души от тела” доходит до утверждения того, что „человеческая душа имеет человеческую фигуру, душа быка имеет фигуру быка”. Позволю себе сделать кое-какие цитаты. По крайней мере, может пригодиться, когда будешь сдавать экзамены по философии, истмату и т. д. (...). Ну, вот и хватит. Теперь у меня есть внутренняя уверенность, что если ты сможешь осилить все это цитатничество, то у тебя не возникнет особых трудностей по философии, истмату, диамату и т. п. Но не только ради этого я исписал несколько страниц, цитируя общеизвестные положения философии. Я мог бы коротко процитировать тебе только одно:

„Он (Фейербах) или сводил историю к качественно неотличимой части природного процесса, или же вообще отрицал за ней характер естественного процесса, т. е. не поднлся до понимания естественноисторического процесса соответственно человеческой деятельности как особенной части природной деятельности”.

Вот то яйцо, ради которого пришлось вить гнезда из цитат по истории философии, – и уж ты извини за скуку. И дело вот в чем.

Рассматривая гносеологическое отношение как общественное отношение, полагая, что в обществен-

ном отношении человек продолжает „ограниченность, связанность животного отношения к природе”, полагая человеческую чувственность как практическую, человечески-чувственную деятельность, полагая все это, — было ли найдено тем самым достаточное, „естественное основание”, говоря словами Фейербаха.

Поставив акцент на человеческой практике, мы развиваемся от изб до небоскребов, от шкур до синтетических шкур, но не гармоничнее, не естественнее ли улитки прячут себя в великолепных раковинах, а звери в шкурах? Вот в чем вопрос. Ведь в нашей практической деятельности мы вполне можем впасть в ошибки и можем губить себя разнообразными способами (например, ядерная война, или нарушение экологического равновесия, или демографическая проблематика и т. п.). Фейербаха упрекают за то, что „он в общем и целом принадлежит к тем философам, которые не сумели раскрыть *определяющего* влияния практической деятельности на человеческое мышление”. Положив практическую деятельность как определяющую, не свели ли мы практически все к практицизму, утилитаризму, низводящему природу только „на степень средства к достижению грязно-торгашеских целей”, как думал Фейербах. Не был ли тем самым утвержден принцип, который, как предостерегал Фейербах, „будучи проведен последовательно (...), сводится к самому низменному и пошлomu утилитаризму”, когда „природа перестает улыбаться своим поэтически-чувственным блеском всему человеку”. Не оказались ли мы в плену социальной гипертрофии, все более вырывая себя из природы? Разрушая себя в своей биологической основе? Может

быть раковина, звериная шкурка, сети паука, муравейник и т. д. — более мудрое состояние, чем изба, платье, провода и рельсы, города и т. д. Где оптимальная гармония? И где ошибка концепции определяющего влияния практической деятельности? А?

В „Новом мире” № 10 за 71 г. есть статья В. Эфрисмона „Родословная альтруизма” (этика с позиций эволюционной генетики человека) и следующая статья (здесь же) академика Б. Астаурова. (Обязательно прочитай.) Автор напоминает:

„Вспомним высказывание Ф. Энгельса о том, что определяющим моментом в истории является производство и воспроизводство самой жизни, имеющие две стороны: с одной стороны — производство средств жизни, а с другой... производство самого человека, продолжение рода, таятся среди всей совокупности причин и причины наследственного закрепления тех якобы противоестественных человеческих эмоций, эмоций человечности, самоотверженности, благородства, жертвенности, непрерывное восстановление которых остается подчас загадкой или представляется алогичным с вульгарно-материалистических позиций”.

Вот еще интересное место. Говоря о преступности, о роли среды и наследственности, автор пишет:

„Известно много наследственных болезней, вызывающих эмоционально-этическую деградацию личности. Но гораздо большую социальную роль играют широко распространенные наследственные отклонения, близкие к норме, характерологические особенности эпилептоидов, шизоидов, циклотимиков. Каждый из этих типов отклонений имеет не только отрицательные, но и социальные ценные стороны. Однако при несоответствующей микросреде целеустремленная настойчивость эпилептоидов оборачивается взрывчатостью, а абстрактное мышление и уход во внутренний мир шизоидов — догматизмом, бесчувственностью и фанатизмом. Доброта, общительность циклотимиков — безответ-

ственностью. Воспитание и дисциплина могут подавить нежелательное проявление личностных особенностей, но метод проб и ошибок достаточно мучителен и дорог. „Надлежащий человек на надлежащем месте” – вот оптимальное решение для характерологических отклонений, потенциально ценных, но в особых условиях”.

Короче, прочитай сама. Мне бы очень хотелось этого. Знаешь, (...), некоторыми вещами я интересуюсь именно потому, что о них напоминаешь мне ты. Вот Рильке. Его переводили мало, и о нем не так-то много у нас известно, хотя он интересовался Россией в высшей степени. Ты прислала мне его стихи, и я лезу в философский словарь и читаю:

„Рильке, Райнер Мария – поэт, философ, род. 4. XII. 1875 г. (Прага), ум. 29. XII. 1926 г. (Вольман близ Монтре); почти всю свою жизнь провел в путешествиях по России и европейским странам (...)”.

Ну вот... опять огромная цитата. Но думаю, что твой интерес к Рильке не случаен, и, может быть, что-нибудь неизвестное для тебя окажется в этой справке. А может быть, ты переводишь его? Не помню, знаешь ли ты немецкий?

Мне приятно знать, что Рильке с такою любовью относился к России, но, Бог мой, сколько в этом наивного:

„Испытываешь странное ощущение, находясь ежедневно среди этого народа, который полон смирения и набожности, и я глубоко радуюсь этим новым открытиям”. (...)

...Он, может быть, вслед за Ницше, считал (Россия, по мнению Ницше, единственная страна, имеющая будущее и умеющая ждать и обещать, прямая противоположность „жалкой нервности” западно-европейского парламентаризма; ее могущество будет возрастать и впредь, если его не ослабит введение „парламентского идиотства”) Россию страной будущего, противопоставлял Западу и т. д. (...). Правда, Ницше рассматривал Россию в духе своего атеистического учения, а Рильке — с позиций мессианства, когда творчески активный народ создаст Бога.

„Прекрасный укромный уголок в сердце Господа, все Его прекраснейшие сокровища сокрыты там. И они разбросаны в ней повсюду, праздные и покрытые пылью. Они все служат той глубокой набожности, благодаря которой испокон веков создавались прекрасные произведения”. „Мое искусство стало сильнее и богаче на целую необозримую область, и я возвращаюсь на родину во главе длинного каравана, тускло поблескивающего добычей”.

...Извини, что письмо получилось из сплошных цитат. (Кстати, если сможешь, прочти и статью в „Москве” № 10, 71 г. о национальном. Это интересно в том смысле, что отечественный литературный вопрос разрешается и, очевидно, в будущем в еще большей мере будет разрешаться в ключе национального. Но там, вообще-то говоря, хотя вопросы и рассматриваются на литературном материале, — речь идет далеко не о литературе).

Получил твою открытку от 29 октября со стихотворением М. Рильке.

Мне кажется, что-то чуть-чуть
с недавних пор убывает
и словно в нас вызывает
печаль по кому-нибудь.

Я не устал, но, разумеется, — болею. Осень. Плохо, но держусь весьма.

„Снег шел всю ночь, всю ночь, тихий, как дыхание”. Если он шел всю ночь, то когда же ты спала? Извини, но я просто хотел спросить: разве иногда ты не спишь ночами? Я, например, только и жил ночью, когда один, за столом.

И у нас был снег, такой же тихий, „как дыхание”, и я думал о тебе. Думал хорошо и спокойно. И мне не приходило в голову, что „что-то чуть-чуть с недавних пор убывает”. Даже голые ветки рябины я ощущал в будущем, в листве, в цветке, просто и естественно.

Какая странная сегодня осень. Дважды наступала и отступала зима. Небо и земля слились в единой белой яичной скорлупе. Я подумал: „Это уже зима”. Но на другой день снег растаял. Во второй раз было опять много снегу, но сверху подтаял, потом подмерз, но к вечеру снежная корка опять размякла и в электрическом свете лоснилась, как шкура белого бегемота (белых бегемотов, конечно, не бывает). Вскоре и этот второй снег сошел, и вновь проявился покров поздней осени, с островками побуревшей и даже почерневшей травы среди зеленой, с многочисленными клочьями увядшей, еще чуть желтой травы. И кажется, что кое-где выглянули новые зеленые ростки. Утра туманные, земля сырая. Я переболел простудой с высокой температурой, но все прошло. Перед сном принимал мед с таблетками. Было жарко, как в печке.

От тебя что-то давно уж нет писем. Я ждал после 19 ноября, пока нет, но, может быть, вот-вот должно...

Скоро Новый год. Рождество.

Пос. Озерный, 30 ноября 1971 г.

Л. М. Б. :

..Ребята уже улеглись и переговариваются друг с другом. Сейчас погасят свет.

Прошел день и вечер в заботах и суете. Я никак не собрался продолжить письма. А когда взялся за перо, времени осталось совсем мало. Люди умываются, раздеваются, разбирают койки. Я сделал себе рубашку из толстой байки, она белая и пушистая, как снег на улице – веселый снег ранней зимы.

..Письмо, которое я отправил 30 ноября, ушло 3 декабря и было в Москве 10 декабря, но никаких писем из Москвы нет. Досадно. Только от мамы милые закорючки с открытками.

Очень кстати пришло твое письмо. Я, действительно, начал волноваться. Это – беспокойство. Теперь мне спокойнее. А заботы – это не беда. В заботах вся наша жизнь, есть много трогательного в человеческих заботах. И мне даже „сквозь них”, сквозь них – даже лучше – жизненнее, человечнее, теплее. „...вернуться до срока” – это не такая уж проблема: сесть, написать Николаю Викторовичу в Верх. Совет несколько строчек – вот, пожалуй, и все. Во всяком случае, это – не проблема для меня. И в то же время – для меня это и проблема. Но и эта проблема – не проблема, ибо она имеет вариативные решения, не противоречащие совести. Проблема в другом, в том, что существуют другие проблемы, которые выше личных интересов.

Конечно, я с удовольствием прибыл бы сегодня на Голутвинский. Не отказался бы. К тому же, меня, кроме мамы с папой, особенно-то никто не ждет, поэтому я сам могу выбрать себе место в пространстве и времени.

Видишь ли, заботы бывают разные. Забота, когда делаешь больному брату чай с лимоном. Здесь все понятно, а вот со стаканом молока – сложнее. Слушай меня внимательно. В озере жили пескари да костлявые уклейки, да еще лягушки-квакушки. Это было так скучно, что никто не замечал ни озера, ни уклеек, ни лягушек. Но вот развелись в озере караси, окуни, лини, судаки, лещи, карпы, а на поверхности величественные плавали лебеди – гордые чистые птицы. И люди удивились. Как же так? И что же это такое? – заинтересовались они. С одной стороны, все вроде бы и просто: ну, озеро, ну, рыбы, ну, птицы. А с другой стороны, – вовсе нет, вовсе не просто... И, между прочим, кто будет поливать клумбу, если с нее оборвать самые яркие цветы? Ее не заметили даже пчелы. А ведь яркость цветов – это не просто суета, как это иногда лекомысленные думают. Да, да, легкомысленно, с кажущимся глубокомыслием. В яркости цветущего растения – вековая мудрость природы. Это понимают многие. Но не у многих ума хватает видеть мудрость жизни и вообще мудрость в любом, казалось бы, самом обыденном месте, где она вдруг оказывается. И разве в яркости цветка нет жертвенности? Ведь того и гляди кто-нибудь повредит, сорвет, поломает. Но цветут цветы и плавают лебеди. И я в своей белой рубахе из байки...

Веселая зима! И я ее переносу легче, чем осень, в смысле здоровья. С чего ты взяла, что я лежу?

Я работаю. Шью по сто рукавиц в день, только дым идет из-под шапки моей машинки. И в конце работы выхожу в зиму, в снег, на мороз, дышу и быстро прохаживаюсь по тропинке в сугробах. Сегодня вечернее небо, как грудь снегиря, говорят, что завтра будет морозно. С чего ты взяла... Екатерина Алексеевна сказала. Противоречие не должно тебя смущать. Нынче жизнь такая. Жизнь из-под колеса. Глядеть нужно в оба. Выпустишь ситуацию из рук, недоглядишь — раздавит, изомнет, перемелет, останутся только рожки да ножки, или кости да кожа. И не то что кто-либо такой злой и вредный. Совсем не так. Просто если сам о себе не позаботишься, другие вряд ли позаботятся о тебе — не заметят, не разберутся, не расшевелются, а колесо-то — оно тут как тут: наедет бездушный автоматизм и потом поздно будет рассуждать. Сверкает и искрится зима в белоснежных сугробах. Пусть в новогодние дни это будет и для тебя...

Пос. Озерный, декабрь 1971 г.

N. N.

(...) Христианско-иудейский миф сделал гонимыми евреев на многие века. Чем может кончиться очередной теологический эксперимент? Конечно, приятно осознавать себя Богом избранным народом в государстве Великом Израильском. Но ведь это может вдруг оказаться забавным, как старинный сюртук на столетнем монстре. А соседство арабов? Не очень-то удачное соседство.

Интересно, впечатление „съесть друг друга” – не случайное ли? Может быть, это просто показалось? Или это действительно так? Мрачные всходы, весьма. Если вредное семя прорастает только вглубь, его легко срезать. Когда же оно разрослось вширь, приходится косить. Невеселая жатва!

Все это я пишу тебе и только тебе. Все это не для идиотов. А то не поймут ничего и переврут десять раз. Ясно? Хотя, пожалуй, А (.) можно показать. Я хотел бы знать, что она об этом думает. Ибо она способна думать. Ее человеческое качество таково, что для меня важно ее мнение.

Можно было бы дать и Влад. Ник., но он в этом вопросе любит только радикальные ракурсы. Выясняющий ракурс этой темы его может только рассердить. А я не хочу подрывать его здоровье. (...)

Сашу Харитонова я, может быть, и видел у Минны на Арбате. Что-то вспоминаю, по-моему, это был он. Кто же еще мог быть? Плавинский? Нет. Олег Целков? Нет. И не Зверев. Разве что Кулаков... Славное время было! Минна молодая, пухленькая, розовощекая. Предупредительная, внимательная ко всем. Ходила в деревенском полушубке, оставаясь при этом элегантно. (...)

Меня она прихватила и опекла. Давно это было. Я еще в школе учился, случайно пошел в литобъединение при „Московском комсомольце”. Руководил объединением М. Максимов. А тон задавали там всякие Фирсовы и Шефераны, Хромовы, Гриценки, Красавицкие. И даже Леня Ч. однажды явился. Отругал Марка Максимова, набросился на Курганцева (сейчас он переводчик, иногда встречаю его переводы стихов с арабского (.) (...)) И вот Минна Стефановна поволокла меня по кочкам... Заезжала

домой или оставляла записки. Например, позвони туда-то, будет день рождения у такого-то. Или поедем посмотреть картины такого-то (...)

Погода у нас еще сырая. И морозно ночами. Правда, в стационаре тепло. Печи хорошие. В ящиках набирает силы цветочная рассада. Только что половина неба была темная, а половина – солнечная. Красиво. Думал, что пойдет дождь, но он не пошел. Радуга была во все небо. Генка Гаврилов стал объяснять мне, что такое радуга. Говорит, воздух насыщен, пары, конденсация, линза. Я ему говорю: „Да не может быть, какие пары, какая конденсация, какая линза, когда на небе радуга...”

Вот только что зашел человек и Геннадий Владимирович вопрошает: „Дядя Миша, видели, была радуга?” Я перебиваю и возражаю: „Какая радуга? Никакой радуги не было. Был воздух насыщен, пары, конденсация, линза. В чем дело, Гаврилов?!” Он улыбается. Лежит на животе, читает всякие учебные книжки. А сейчас читает „Логикку” Гегеля, выписывает, систематизирует, превращает в формулы. За день он пишет по несколько кг. цифр и значков всяких. Создает свою „Глобальную логику”. Любимое мое занятие – издеваться над ним. Любя, конечно. Вот и сейчас, на ужин принесли селедку. Гаврилов ковыряет у тумбочки, а потом спрашивает: „А где соль?” Я сразу же вопить: „Дайте Гаврилову соли, он хочет селедку посолить”. И вот так во всем. Генка – крепкий парень, бывший морской офицер. В Эстонии, где он служил, осталась его жена и девочка Любаша (...). На следствии у него началась аритмия. И вот сейчас сердце побаливает, кислотность нулевая, в брюхе что-то болит, голова. От волнений и переживаний всяких это.

Читает и пишет много.

(...) Один латышский священник говорит, что радуга – это Божий пояс. (...)

(...) Обнимаю вас всех. Ваш

Юра

(1971 ?)

МИННЕ:

...Ах, Минна, Минна! Что говоришь ты? Как могу я забыть юность свою, и было бы в ней столько всего красивого и хорошего, – если бы не ты? Должно быть, Господь Бог послал мне вас с Валентином. И вы с ним – добрые Ангелы моей жизни. Моя юность... Она, как серебряная рыбка, задыхалась бы в каком-нибудь помойном ведре, если бы не ты. Твои птицы-записки прилетали ко мне и уносили меня на своих крыльях в поэзию, в живопись, в жизнь. Твой зовущий голос вдруг слышался в телефонной трубке и приглашал на чей-нибудь день рождения, на какой-нибудь вечер, на выставку, к кому-нибудь, куда-нибудь. Разве не ты каждый раз протягивала мне руку, звала, увлекала... И в конце концов вытащила из трясины, которая засасывает и гудит людей миллионами. Разве не ты – спасла? Спасла для жизни, для виденья ее многоцветья, ее острых граней, раздирающего драматизма. (...)

Сию на работе, шью рукавицы. Часов в десять, случайно, посмотрел в окно. Бог мой! Надел шапку, укутался в шарф, выбежал на улицу. Под золотым солнечным небом покрытые снегом розовые

крыши. Вот оно! – обрадовался я. Присмотрелся и вижу – из труб валит фиолетовый дым, а северо-западная часть неба – сиреневая. А какие были закаты в первых числах января! Даже малиновые. (...). В Сочельник вспоминали о родных и близких, о дорогих нам людях. И мы вспоминали. Помнишь, у Гельдерлина:

Там повстречают меня
голос Родины,
матери голос.
Звук, пронзивший меня,
и стародавнее вновь мне воротивший!
Вы живы, родные.
Да, все цветет, что цвело,
но любящих всех и живущих
верности вечный закон
свято хранит от беды.
И единственный дар, под священною
радугой мира
явленный,
всех наградит – юношей и стариков.
Речь бессвязна моя.
Но это от радости.
Завтра. Выйдем мы снова бродить
в наши живые поля.
Там, под цветами дерев,
в дыханье праздников вешних,
заговорю...

Да, завтра... Заговорю ли? Иногда это меня беспокоит, даже невероятным кажется. И в то же время есть вера и уверенность. И как мне знать, что значит беспокойство и вера, какая в этом связь? Что беспокоит веру?

Сегодня 20 января. Завтра еду в больницу.
19 января — осталось два года. Сегодня уже меньше, а с весной на лето останется еще меньше (...)

Ю

Пос. Озерный, 20 января 72 г.

Ю.Д.КАРЕЛИНУ:

... Получил письмо. Какая-то грязная писанина на 8 или 9 страницах. И откуда столько глупости и хамства. Очень меня удивил, но, слава Богу, высказался, и теперь мне понятно — с кем дело имеешь. Я бы не стал ничего писать, но чувствую, что нужно. И постараюсь ответить. Не из соображений полемики, а ясности ради.

Уж сколько раз твердили миру: „Не говори о том, чего не знаешь, не понимаешь и т. д.“. И уж тем более не строй всяких глубокомысленных выводов, природа которых тебе неизвестна и известна быть не может, ибо эти факты не для тебя. Ну зачем, например, многозначительно иронизировать по поводу нескольких чужих рассуждений в связи с именем Евтушенко. Забавно мне читать твое, построенное на фикции, умозаключение: „Это тебе не критика какого-то там Евтушенко ...” Ты, например, знаешь, что колесо не всегда бывает круглое, что лягушка не обязательно квакает (...), но ты не знаешь простой истины, что жизнь умнее тебя.

Еще я просил бы избавить меня от рассуждений такого пошиба: „Твоя мать недоумевает, поче-

му ты заставляешь ее обивать пороги в различных инстанциях и ничего не хочешь со своей стороны, отлично зная, что все ее хлопоты без твоей помощи впустую”.

В этой связи разъясню. Первый раз заявление о помиловании подали, не ставя меня в известность. Мне только написали в больницу, что мать подала заявление. Ей отказали. После чего, в письме и на свидании, я объяснил и матери и Лене, что если никто не хочет считаться с их родительскими чувствами, то не нужно ни о чем просить. Несколько позже было прямо сказано, что нужно пойти и забрать заявление из Президиума (Верховного совета СССР). Однако весной 1971 г. сотрудники КГБ дважды приезжали к матери с разговорами обо мне. Они, очевидно, сказали им, что я запрещаю ей обращаться с просьбой о моем помиловании. После разговора с матерью сотрудник спецотдела московского КГБ вызывал меня и разговаривал со мной. Во-первых, он говорил, что никаких заявлений о помиловании до сих пор мои родственники не подавали. Во-вторых, он сказал мне, что будто бы я запрещаю матери обращаться с заявлениями о помиловании. Я ему сказал, что по ряду причин лично я обращаться о помиловании не могу, но хлопотать обо мне матери я не запрещаю и не могу запретить. Вот и весь наш разговор в этой части.

Если я о чем-то прошу, то, во-первых, я прошу об этом не мать. Ибо она почти ничего не может сделать сама. Я прошу, например, сходить в МВД, или по поводу лекарства, или по поводу моего здоровья или в связи со свиданием, или в связи с каким-нибудь другим частным вопросом. В-третьих, это бы-

вает очень редко, и чаще всего об одном и том же приходится просить несколько раз.

Теперь я хотел бы заметить, что не нужно объяснять мне, какова ныне „исторически сложившаяся система нормативных актов”, хотя бы по той простой причине, что я в этом разбираюсь гораздо лучше...

...Я объясняю это только затем, чтобы впредь не выслушивать многозначительных рассуждений, к тому же высказанных в менторской манере и вплетенных в единую хамскую систему рассуждений. И если все это хамство — во имя заботы о моей матери, то нахожу нужным сказать несколько слов и в этой связи. Я ее не просил и не прошу, хотя и не могу ей запретить. После того, как она сама это сделала и ей отказали, я прямо сказал: „Раз так, то и не нужно, не ходи и не проси”. Но если к ней пришли и вновь советовали ей (столь авторитетные в ее представлении люди), могу ли я противостоять и запрещать? И какими средствами? Могут ли быть понятны ей мои аргументы (я нарочно употреблю это холодное слово). Что значат для нее все эти отвлеченные принципы? Что могут сказать материнскому сердцу различные этические абстракции? Ведь она живет в ином мире. Я сразу же вижу ее ночами, в постели, наедине со своими переживаниями, охваченную смутным материнским беспокойством за меня. И я был бы тупым идиотом, если бы лишил ее возможности попытаться что-то сделать, в чем-то убедиться. Если бы я ей запретил, она постоянно думала бы, что вот есть такая возможность, сердилась бы на меня, надеялась бы меня уговорить, добиться того, чтобы я не препятствовал ей и т. д. И если ей отказывают, то не потому, что, „видимо,

существует исторически сложившаяся система нормативных актов”, а в силу совсем других обстоятельств. И прежде чем пускаться во всякие мерзкие рассуждения, нужно в этих обстоятельствах хоть немного ориентироваться, а не усугублять недоумение пожилого человека тупыми фразами о том, что „закон есть закон”, „порядок единый для всех” и проч. И уж, конечно, в системе подобных рассуждений я виноват в том, что не делаю того, чего не могу сделать, имея к тому весьма серьезные основания личного и иного порядка. Но господин Карелин считает себя умнее всех. И если кто-то поступает не так, как следовало бы по мнению Карелина поступать, то он „постоянно себя обманывает”, „совершает чудовищную переоценку своей личности” и пр., и пр.

Людям отказывают в праве иметь чувства, принципы, убеждения, совесть. Им отказывается в элементарной способности соображать, совершать самостоятельные поступки, определять свою судьбу и т. п. Всему этому противопоставляется и навязывается скудная лобовая мыслишка вроде вот этой: „Извини, Юрик, но ты постоянно себя обманываешь. И эта ложь в твоём воображении трансформируется в борьбу за идею. Совершив чудовищную переоценку своей личности, ты и других хочешь заставить поверить, что ты будто бы „гигант и отец русской демократии”.

Но если знакомство со мной дает право господину Карелину говорить о том, чего он не знает и не понимает, то строить всевозможные мерзкие домыслы о людях, которых он никогда не видел — это уже совсем скотство. Очевидно, всегда находясь в болезненном состоянии чудовищной переоценки

собственной личности, этот моральный калека поучает дальше: „Может быть, тебя сдерживали какие-либо соображения морального порядка? Я имею в виду твое окружение из преступников, заgrimированных под „друзей народа”. Это своего рода фирма, и вы как храбрые личности, видимо, решили бороться за знак ее качества. Но ты опять обманываешь себя ... Продукция вашей фирмы, даже с клеймом качества, не находит сбыта. А на экспорте много не заработаешь”.

Эти дубовые фразы значат только одно – человек расписался в собственном идиотизме. А какой изумительный язык! И если кого-то упрекнул в том, что у него нет своего взгляда на жизнь, то продемонстрировать „взгляд на мир”, подобный выше процитированному, – значит быть невменяемым монстром.

Ты посмотри на себя – кто ты есть. Ты же шут гороховый, жалкая юмористическая фигура, застывшая в пошлых штампах. Ты кретин с высшим образованием. Ты ничего не читал, кроме „Двенадцати стульев” и „Золотого тельца”. И эту кучу хлама из тряпья и пружин ты суешь везде, где нужно и не нужно. Двадцать лет мыслишь этими шутовскими категориями, созданными для потехи обывателя. Ты – пещерный человек, ведь твои выражения – вроде „держи карман шире”, „заgrimированных под друзей народа”, „трансформируется в борьбе за идею”, „молодой гений”, пострадавший за правду” – раздевают, разоблачают тебя. И ты, прибегая к своей манере выражаться, преимущественно куражась между двенадцатью стульями и вокруг золотого тельца, стоящий перед лестничной клеткой, перед собственноручно запертой дверью, (ставишь

себя) в стыдное положение. Ты совершенно голый и твоё пошлое шутовство не прикрывает твоей позорной наготы. И спрятаться тебе некуда. Один мой знакомый сказал, что после чтения твоего письма возникает какое-то ощущение грязи, хочется вымыть руки. Я перечитываю твои грязные листки в надежде найти хоть что-то сколько-нибудь оправдывающее твоё уродство...

... С некоторых пор в твой мозг перестала поступать полноценная информация из внешнего мира. Со временем твой мозг становится все более похожим на разбитое зеркало, в оправе которого не целое зеркальное стекло, а лишь куски, зеркальные осколки, которые не в состоянии усвоить полноценного образа реальности. Твой мозг строит образ из фрагментов реальности и обрывков искаженной информации. Схватывая отдельные ноты, ты пытаешься пропеть мотив. И не понимаешь, в каком смешном положении ты оказываешься. И над тобой не смеются только потому, что люди не жестоки. Но когда ты наглеешь, пытаешься учить людей, которые нисколько не глупее тебя, необоснованно оскорбляешь не только самих людей, но и их чувства, выстраданные в невзгодах и лишениях, то извини, но тебя не могут не одернуть, хотя морду бить, может быть, не будут.

Вот только что по договоренности между Красными Крестами в индонезийские лагеря отправлен самолет с лекарствами, продуктами и вещами. Я радуюсь этому, ибо понимаю, что кто-то мучается без лекарств, страдает от голода и холода. А почему, например, нужно иронизировать, если больному человеку в больницу приходит посылка из Англии.

Вот твои слова: "... да несколько бульонных кубиков с заграничной этикеткой, которые пришлось тебе весьма кстати". Я лежал в больнице с тяжелым обострением, ничего не мог есть, и вот кубики из куриного бульона буквально помогли мне выбраться из болезни. Что же в этом плохого? Почему, например, не радоваться тому, что все так удачно сложилось? Ведь именно это было бы нормальной человеческой реакцией. Но тебя не волнует болезнь твоего друга, его выздоровление. Тебе доставляет удовольствие высказаться насчет этикетки.

Я совсем не хотел бы обидеть господина Карелина, но он поставил меня в безвыходное положение. У меня такое впечатление, что ты совсем свихнулся. Ты уже не знаешь, как соединить куски реальности во что-то целое, логически более или менее упорядоченное, создающее хоть какую-то видимость убедительности. Для этого ты начинаешь выдумывать всякую чепуху...

... Мне приходится кое-что говорить тебе, кое о чем писать, ибо ты имеешь глупость думать, что без твоих анекдотических советов взрослый человек не сможет уразуметь, где рука правая, а где — левая. Вот ты пишешь: „Но я думаю, рано или поздно ты задумаешься о своем будущем. Эти вопросы за тебя никто не будет решать. Тебе должно быть ясно, что ни в Москве, ни в других приличных городах жить тебе не разрешат. А болезнь требует длительного лечения, заботливого ухода. А специальности — никакой. До пенсии — далеко. Без семьи. Возможности матери ограничены, а тогда и еще уменьшатся. У Лены своя жизнь. А „издателю” на тебя в высшей степени наплевать. И твоя перспектива не очень ра-

дужна. Вот и думай, что же дальше. Время еще есть, но его не много”.

Времени у нас у всех маловато, к сожалению. Но пока мы живы, оно у всех у нас есть. Правда, ты говоришь о другом времени – о времени, чтобы подумать. Но о чем? О своем будущем – указуешь ты. О том, что нужно будет лечиться, на что-то жить, где-то жить... И если тебя очень уж беспокоит вопрос, где я буду жить, то подыщи мне дом около Москвы, а я его сразу же куплю. Или, по крайней мере, объясни мне в очередном письме правовую сторону этого вопроса.

Теперь несколько слов о болезни и лечении. Общеизвестно, что для больных людей существуют больницы, в которых людей лечат. При современном уровне медицины язву вылечивают за 3-4 недели (в хорошей специализированной больнице). Так что не нужно меня пугать длительным лечением, если дело только в язве. А вот если у меня какое-нибудь серьезное нарушение обмена веществ, тогда дело сложное. Но даже и в этом случае болезнь – дело человеческое. Болеют если не все, то многие. Диетическое питание стоит максимум 2 рубля в день. Как известно, в месяце 30-31 день. Как экономисту тебе должно быть ясно, что все это не очень сложная проблема.

Почему ты думаешь, что у меня нет специальности? Пока ты отбывал на своих факультетах установленный государством срок, я учился на площадях, в сумасшедших домах, в тюрьмах, и вот уже несколько лет меня учат в мордовском университете. Мои университеты нисколько не хуже твоих факультетов. В этом вопросе ты можешь смело себя не обманывать. У меня есть две отличные специаль-

ности, и если я не захочу или не смогу ими жить, то в крайнем случае я буду шить рукавицы и буду зарабатывать больше тебя. И кстати сказать, не нужно очень уж преувеличивать значение денег в человеческих судьбах...

...Почему, например, ты думаешь что мне не разрешат жить в ни в Москве, ни в других „приличных городах“? Я не знаю, какие в твоём представлении города являются приличными, но мне можно жить почти во всех городах, кроме Москвы. Но кто тебе сказал, что я хочу жить обязательно в Москве или каком-нибудь „приличном“ (в твоём понимании) городе. Может быть, я собираюсь жить где-нибудь в Крыму или в деревне около Москвы, например, где-нибудь около Звенигорода.

Теперь об „издательстве“. Если ты под „издателем“ подразумеваешь Александра Ильича*, то, во-первых, „радужность“ моей перспективы ни в коей мере не зависит от того, „наплевать“ ему на меня или не наплевать. Во-вторых, например, в отличие от тебя, он всегда делает мне подписку на 20, а если будет нужно и на 30 журналов, не пускаясь в шутовские разговоры о трудовой копейке.

Очень страшный ты человек, Юра. Вот, к примеру. После тягостного шестилетнего отсутствия возвращается человек домой, едет не в набитом людми и мешками вагоне, а на такси. Ну и что же? Казалось бы, ничего плохого в этом нет. Даже наоборот, очень правильно сделали люди, что поехали на такси. А вам это кажется странным, подозрительным. Вы тут как тут, суете нос в чужое де-

* А.И.Гинзбург

ло, многозначительно указывает на счетчик, ощупывает чужие карманы. „Интересно, кто платит за него?“ — восклицаете вы. А извините, почтеннейший, что здесь интересного? Всякому нормальному человеку интересно могло быть другое, например, все пережитое, или человеческая радость воз... (пропуск). Сказав одну пакость, тебя так и подмывает сказать другую. Ты пакостишь без чувства меры и реальности, ты не можешь остановиться. И вот ты строчишь далее. „Но тебя так встречать никто не будет, даже если и очень попросишь“. Я вот думаю, что ты этим хотел сказать? Или то, что его встречали не так, как он этого заслуживает (в твоём понимании), или что я не заслуживаю такой незаслуженной встречи. Ты, должно быть, очень вырастаешь в собственном представлении, когда пытаешься принизить других. Тебе, конечно, все это не очень понравится, но это — жестокая правда, и ты ее в высшей мере заслуживаешь. Подумай, что ты пишешь и куда ты пишешь. Или совсем не пиши мне, или не юродствуй, а уж тем более не изобретай всякого мусора. Меня не столько зло берет, сколько досада.

Теперь о Леше (Добровольском). Это ты его, как я понимаю, попросил выйти вон. Он безусловно дрянь, и от таких людей нужно держаться подальше. Но, видишь ли, на войне жертвы не останавливают, на войне очень часто обрекают людей на мучения и гибель. А он, безусловно, мыслит логикой войны, хотя и кривляется при этом в духе самой низкопробной бесовщины. Ведь он — бес. Надеюсь, ты читал „Бесов“ Достоевского. И более, чем вывихам его мышления, нужно удивляться времени, когда эти вывихи, это кровожадное извращенство кажется нормой, имеет свою логику вещей и свою

мораль. И его позиция не просто абсурд, не будем строить иллюзий на этот счет...

Милый Юра. Подумай, пожалуйста. Это трудно, конечно, но ты уж постарайся. Это тебе не помешает и даже, может быть, на пользу пойдет. И вот еще просьба. Это письмо не исключает возможности ответной полемики. И поскольку ты человек очень остроумный и в совершенстве владеешь пером, то даже просто мысль об ответной полемике пугает меня до ужаса. Ты уж, пожалуйста, пожалей меня. И воздержись от пикирования. Ты вот лучше хорошенько подумай, а подумать тебе есть о чем. Короче говоря, спокойно пиши, не увлекайся, не входи в раж. Ведь вот иногда бывает, что человек войдет в раж и никак остановиться не может и ну куражиться, пока его по лбу не треснут. Да и отвечать мне трудно. Болею я.

Ваш
Ю.Галансков

Пос. Озерный, 31 марта 1972 г.

А. ТОПЕШКИНОЙ:

(Юрий комментирует газетную заметку, приклеенную им к письму, о рождении в Польше пятерых близнецов одновременно.)

Ничего себе! За один раз — сразу пятерых. И трое из них — будущие солдаты. (...) А девочки, должно быть, пойдут в маму и будут столь же плодовиты. Славянам это невредно. А то плодятся сплошь желтолицые. Нарушено всякое равновесие и

смешены все демографические пропорции. Нет, это невозможно. Так дело не пойдет... (...) Нет, могучий человек был Федор Михайлович. Ну, ладно. А впрочем, если настроение будет, черкни несколько слов из своего кукуевского озера. Не забывай, что такие эстеты, как Ф. Тютчев, иногда позволяли себе пускаться в имперские рассуждения:

„Славянские страны дробы, а Россия – знаменатель, и только подведением под этот знаменатель может осуществиться сложение этих дробей”. (Цит. по книге К.Цигарева „Жизнь и творчество Тютчева”, с.157).

А это подведение под общий знаменатель Тютчев понимал весьма решительно:

„Расширение России Тютчев понимал как „громадное воссоединение”, в результате которого погибли и исчезли *от ее руки* все встреченные Россиею на своем пути противостественные стремления, правительства и учреждения, изменившие великому началу, которого она была представительницей”. (Полное собр. соч., с.451, 1844 г.

А кое-кто поговаривает, что, „в государстве нет места поэту”. Как видишь, оно есть. Ведь только имея это место, можно мыслить, подобно Ф.И..

„Все что можно было сделать и могло дать нам мирное подражание Европе, все это мы уже получили”.

И попробуйте только ему сказать, что у него нет места в государстве, что он занимается апологией России; он вам сразу же влепит:

„Апология России... Боже мой! Эту задачу принял на себя мастер, который выше нас всех и который, мне кажется, выполнял ее до сих пор довольно успешно. Истинный защитник России – это история, ею в течение трех сто-

летий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу". (Статья „Россия и Германия”).

Конечно, это все мысли Тютчева-дипломата, а Тютчев-поэт, может быть, сказал бы что-нибудь иное. Не берусь судить, но все же думаю, что среди поэтов, как и среди людей, многие не знают своего места или точнее — не осознают его. Так оно и должно быть, ведь это не так-то просто...

Надеюсь, я тебя в своем имперском качестве привожу в восторг! А как же иначе!? Разве может не восхищаться дама блеском военизированного ума? Да ведь один только мундир... А, что там и говорить... Все это давно известно. (...).

(1972?)

А. ЦВЕТОПОЛЬСКОЙ:

...Анна! Поздравляю тебя с весенним праздником! Желаю, чтобы в этот день было тепло и солнечно. И легко на душе. Купи себе цветов — думай, что это я тебе подарил. Знай, что я очень люблю этот праздник. Правда, я осознаю его очень по-своему, по-язычески. Если в новогодние дни елка в моем представлении символизирует все многоцветные зимы, то в дни весеннего женского праздника Женщина, как пробуждение Природы, вдруг возникает перед нами в лучах потеплевшего солнца, в легком одеянии ласковых весенних ветров, в радостном щебете птиц, играя соками жизни, как весенняя бе-

резка. Она — друг, жена, мать. Она — зов любви и голос радости, она — беззаветная материнская любовь.

Ах, как мало мы задумываемся об этом. И поэтому очень бедно себе все это представляем.

Еще раз желаю тебе всего хорошего. Пиши, пожалуйста, и мне. И спасибо за то, что другим часто пишешь.

Я сейчас, к сожалению, болею. Это весьма досадно и больно. Но я стараюсь поправиться. Во многом мое здоровье зависит от вашей помощи. Я об этом писал в письме домой. Почему от Алика нет писем?

Ю. Галансков

Пос. Озерный, учрежд. ЖХ-385-17а

(1972 ?)

N. N.:

...Знаете, милая моя, дело, может быть, не столько в Ваших письмах, сколько в Вашем почерке. Представьте себе, что Ваш почерк мог показаться кому-то мужским. И получается нелепость — письмо от женщины, написанное мужским почерком. К тому же без обратного адреса, да еще и со значком каким-то. Забавно, не правда ли? И все же нужно писать обратный (чертановский) адрес и не нужно этой значкообразной подписи. Меня, об этом прямо предупредили. Так что подписывайтесь как-

нибудь иначе, например, именем. А то опять какое-нибудь недоразумение получится. И, кстати, не посылай никаких книг по почте. Нам давно уже все это запретили*. Книги мы можем получать только из магазина. Открытки, конверты, марки посылать в письмах можно. Некоторое время запрещали, теперь опять разрешили**. Еще раз обращаю внимание: письма должны быть заказные и желательно с уведомлением. И не пиши, пожалуйста, лишнего...

В конце апреля я написал тебе большое письмо. Примерно на 15 страницах. Но ты его не получишь, к сожалению***.

Вот сейчас постараюсь написать новое. Постараюсь в этом письме сказать все, что хотел в том...

...Речь совсем не об изящной словесности. А о языке, о нашем языке, о родном русском. Возьмем, к примеру, два слова „папа” и „отец”. Что может сказать русскому человеку слово „папа”? И совсем другое дело — „отец”. Отец — это отчество, отчизна,

* С 1.XI.1968. — Р е д .

** После многократных и многочисленных обращений к Генеральному прокурору и в Верховный совет СССР.— Р е д .

*** Письмо было конфисковано администрацией лагеря после участия Ю.Т.Галанскова, вместе с другими политзаключенными, в 12-дневной забастовке протеста против хамства и произвола замполита лагеря 385/17 лейтенанта Клементьева с 18 по 30 апреля. За участие в голодовке Ю.И.Федоров и Н.В.Иванов были соответственно заключены в помещение камерного типа (ПКТ) сроком на 6 и 4 месяца 6 мая 1972 г. Ю. Галансков избежал мести администрации лишь в связи с резким ухудшением здоровья, в результате чего он в ночь с 6 на 7 мая был этапирован в Центральную больницу Дубрависла в пос. Барашево. Лейтенант Клементьев получил звание старшего лейтенанта. — Р е д .

отчество и т. д. Казалось бы, все это вопросы языкознания, лингвистики, семантики и т. п. Но в конце концов все это вопросы психологии (правда, просто психологии никогда не было и быть не может), общественной психологии, национальной психологии (это уже ближе к истине). И уж если говорить точнее, все это в конце концов вопросы национальной культуры, т. е. жизненно важные для нации вопросы. И не просто жизненно важные, а вопросы основополагающего значения.

Представьте себе фантастическую ситуацию: в силу тех или иных причин умирают сразу все русские писатели, и одновременно в Россию со всех сторон, со всего света собираются французы, немцы, англичане, японцы, китайцы и т. д. Сначала все они кое-как учат русский язык, кое-как говорят на нем, постепенно овладевают им все более и через некоторое время начинают даже писать книжки. Допустим, что никто не понимает, что же, собственно, происходит. А они все пишут и пишут. Все написанное ими начинают называть сначала литературой, а потом и прямо русской литературой. А является ли она на самом деле таковой? Во-первых, русский ли это будет язык в нашем фантастическом примере? Ни в коем случае. Теперь взглянем на это с несколько другой стороны, несколько в ином ракурсе, и спросим себя: Какими соображениями и интересами руководствуются пишущие люди в нашем фантастическом примере? Заняты ли они, действительно, русскими делами или, может быть, еще чем-то? Может быть, еще чем-то? Может быть, они, таким образом, всего лишь проводят свои интересы и всего лишь утверждают себя? Если это так, а в нашем фан-

тастическом примере это так и иначе быть не может, то что же тогда получается? Получается, что литература существует сама по себе, а нация сама по себе. И даже более того, получается видимость существования русской литературы, языка, культуры. И в этой видимости — суть подмены, катастрофическая суть. И между прочим, может быть, подмены сознательной ...

...Я не могу писать тебе равно, как и всем. Может быть поэтому за все годы я написал всего два письма, которых ты не получила. Второе письмо по своему человеческому напряжению, по емкости переживания могло бы заполнить молчание многих лет. Но ты его, к сожалению, не получишь, хотя я и попытаюсь что-нибудь сделать. Своеобразие человеческих судеб конкретно, и здесь всякая формализация равносильна умерщвлению живого, когда исчезает пульс, дыхание, тепло. Она убивает и того и другого, приравнивая неповторимость ситуации ко всему третьему.

Ты для меня не все другие, а ты. И я, в известном смысле, был создан не всеми другими, а тобой. В этом смысле я творение твоих чувств, движений и эмоций. Твоих — и ничьих более. Хороших и дурных, но твоих...

В одном из твоих писем было нечто о сверхактуализации. Может быть, мне трудно (и даже невозможно) судить об этом. Я затрудняюсь сказать, будет ли сверхактуализацией воспоминание о том, как мы в первый раз шли в Донской монастырь. Мы вошли в ворота, пошли по дорожке до кладбища, через кладбище и сели на скамейку около оди-

нокой, заброшенной могилы. Нет, тогда я не просто шел. Это было какое-то парение чувств. Двое идут по улице. Но что значит идут? Идут и на базар и на плаху, но что общего в этом? Разве что в том и другом случае — переставляют ноги. Нет, нельзя сказать, что мы когда-нибудь просто шли. Мы всегда стремились друг к другу. Если бы на моем пути к тебе оказалась стена и ее невозможно было перейти, — я стал бы разбирать ее голыми пальцами. Это было бы почти безнадежное дело, но я делал бы это безнадежное дело. (У меня нет времени проделывать письмо. Я не все сказал. Буду писать дальше.)

С 7 мая лежал в больнице. Завтра 9 июня. Выписываюсь и еду в лагерь. Пишите.

Ю. Галансков

8 июня 1972 г.

N. N.:

...Мама, конечно, беспокоится, и это огорчает меня более всего. Если бы она знала, если бы она умела и могла ориентироваться в современной жизни, она, конечно же, запросила бы телеграммой, где я и что со мной. И она вполне могла бы послать телеграмму прямо мне. И даже, может быть, не одну, а несколько. Но она не знает, не умеет и не может. Даже написать письмо для нее не так-то просто. Написать адрес на конверте она должна попросить кого-то. Поэтому ее беспокойство всегда мучительно осознавать.

И совсем другое дело — друзья, знакомые. Нельзя сказать, чтобы я был зол на них. Нет, это не соответствовало бы действительности. Скорее, пожалуй, мне невозможно думать о них без чувства некоторой досады, возмущения и раздражения. Проходят вспышки возмущения, но постоянно остается общий фон досады и безнадёжности. Кое-что можно было бы отнести за счет непонимания, незнания...

Например, раз в месяц нужно интересоваться официально моей судьбой. Подчеркиваю — официально. Повторяю — раз в месяц как минимум, автоматически. Жив ли я, здоров ли, ем ли я и что? И тем более это просто необходимо, если от меня нет писем.

Меня всегда умиляют трогательные вопросы — получил ли я такое-то письмо. Когда я получаю что-то, я об этом пишу. Во всех остальных случаях — не у меня нужно (именно нужно) спрашивать, почему не дошло то или иное письмо. Вам это должны объяснить в обязательном порядке, мне же — нет.

Все это называется — стиль, стиль внимания, стиль заботы, если говорить хотя бы о минимуме серьезности и основательности отношений.

С 7 мая я лежу в больнице в хирургическом отделении. Ночью мне стало плохо и в воскресенье утром меня привезли сюда. К счастью, все обошлось без хирургического вмешательства. Сейчас лучше. Боли не очень уж мучительные и думаю, 9 июня меня выпишут. Лежу почти месяц здесь, а вы пишете мне на 17-й. Если нет от меня писем, лучше было справиться у администратора, где я и что со мной. А то если пролежу здесь еще два месяца, вы так и

будете продолжать писать мне на 17-й? Ведь администрация на то и существует, чтобы отвечать на запросы родных и близких. Это одна из ее служебных обязанностей.

... Получил с Телеграфного 13 и 14 письма. Спасибо за травы. Большое спасибо. Вроде бы все это должна привезти мама. Но вот никто не едет и не везет. И я не знаю, почему не едут и о чем думают. Может быть произошла задержка по причине переезда лагерей. Но ведь больница останется на месте, а когда будут лагерные переезды никто точно не знает. Правда, теперь вроде бы вот-вот, в июне месяце.

Я просил прислать прямо в письме, растерев, черники сухой. Это нужно было бы сразу же (в 13, 14 письме) сделать. Даже в малых количествах это было бы мне нужно. Я очень ждал. И просил об этом не просто скуки ради. И написал я об этом не упрека ради, а в связи с крайней нуждой. Я знал, что ты достанешь те травы, которые есть в аптеках. Но я знал и другое. Я знал, что появится сотня всяких препятствий и проволочек с получением их. И я не ошибся. Травы будут лежать, я буду болен.

О бандероли. Прошлую бандероль я получил в декабре 1971 г. Очередная должна быть через 6 месяцев. Следовательно, ее уже можно и нужно высылать. Я просил Алика* достать растворимый кофе или 1 или 2 пачки табаку „Золотое руно”. Может быть, он написал мне в этой связи, но я уже месяц ничего от него не получаю... Где-то в апреле я получил от него очередную открытку...

* А.И.Гинзбург.

Про свидание. Очень плохо, что мои не приехали на свидание в мае. Ибо, чем дольше они будут тянуть, тем позже у меня может быть личное свидание. Одно свидание после другого может быть только через 4 месяца. Теперь такой порядок*. Значит, если они приедут в конце июня на общее свидание, то личное свидание возможно будет только в конце октября, то есть через 4 месяца. Конечно, если у них были серьезные причины для задержки, то я ничего против не имею. Значит, так было нужно. Но нужно было послать мне телеграмму.

Почему не пишет Арина** ? Я бы ей советовал писать и даже чаще, чем в былые времена. Ей простительно, у нее было много всяких забот. В этом она не виновата. Супруг ей постоянно разъяснял, что нужно делать и в каком порядке.

Коля*** на камерном будет до 6 сентября, а Юрий Иванович**** до 6 ноября. Пиши Коле, но вряд ли он сможет отвечать, так как у него сейчас только одно письмо в два месяца.

Мне крайне нужна литература по зоопсихологии. Или хотя бы литература по зоопсихологии за последние годы. Сейчас это более всего меня интересует. И даже перечень вышедших книг был бы мне

* Установлен приказом министра внутренних дел Щелокова № 20 от 1.4.72 г.

** И. С. Жолковская – жена А. И. Гинзбурга.

*** Н. В. Иванов, член ВСХСОН, осужден в 1967 г. на 6 лет.

**** Федоров.

очень нужен. Интересно было бы знать, что имеется серьезного по вопросу гомеостатичности биологических систем, по вопросу современных решений альтернативы редукционизма и организма. Очень интересуют новейшие концепции в экологии, новейшие подходы к эволюционной теории. Но главное — зоопсихология. Если появится что-нибудь новое о муравьях и пчелах — очень нужно. Прошу все это учитывать. Можно прямо покупать для меня. И можно выписывать через магазин „Книга — почтой”. Пусть Алик не очень выписывает для меня книги по своему усмотрению. У меня нет денег даже на оплачивание самой необходимой литературы. Эти вопросы нужно согласовывать со мной.

На новое издание Даля пусть меня кто-нибудь обязательно подпишет. Алик обещал. И пусть он не забудет этого сделать. Жду уточнений, когда он выйдет и за какое время. Но словарь Даля (да и Фасмера) мне был нужен уже давно*. Сейчас он мне крайне нужен. Алик пишет, что с Фасмером трудно, а Даль — библиографическая редкость. Это я и без него знаю. Но он любил говорить: „Уметь надо”. Вот пусть умеет. Не такие книги достают. Вот и достал бы. Да поскорее... Я прошу достать Даля пять лет. Делали кому угодно и что угодно. Для всяких ученых монстров и дураков доставали всякую чертовщину, а мне за 5 лет не смогли достать „Науку логики” Гегеля. Теперь не могут устроить Фасмера через магазин, а ведь Москва набита знакомыми лингвистами...

* Речь идет о „Толковом словаре русского языка” Даля и „Этимологическом словаре русского языка” М. Фасмера. — Р е д.

Колин Женя * просил у своих (уже несколько лет) достать ему „Бесов” Достоевского. Можно ли ему устроить это? Я бы с удовольствием получил сочинения Хомякова, если это возможно.

...Узнал точно, завтра (9 июня) уезжаю из больницы. Говорят, что у вас появилось 800 гр. коробки настоящего индийского чая. Вот бы попробовать. В посылках и бандеролях нам чай не разрешают. Но, может быть, вы привезете на личное свидание.

8 июля 1972 г.

Всех обнимаю
Юра

N. N.:

Добрый день!

Когда мое письмо дойдет до Москвы — будет конец августа (или даже начало сентября). Не будет этой ужасной жары и духоты, и можно будет собираться на свидание ко мне. Свидание у меня могло быть с 6 августа, но я не хотел, чтобы мама задыхалась в дороге и писал, что лучше приехать 2 или 9 сентября. Надеюсь, 2-го не приедут. Можно 9 сентября, но лучше 16 сентября. Да, 16 сентября, пожалуй, лучше.

По новым правилам свидание дается без вывода

* Евгений Александрович Вагин, член ВСХСОН, был осужден на 8 лет лагерей строгого режима. — Р с д.

на работу. По этим же правилам на свидании могут присутствовать не более двух родственников. Значит, приехать должна мама и Лена. Но если поедет отец, то можно будет сделать так. Сначала зайдут мама с отцом, а Лена останется ждать. Потом отец уйдет, например, ловить рыбу, а вместо него войдет Лена. Если отец не намерен ловить рыбу, то он, очевидно, уедет в Москву, а мама с Леной будут на свидании. Правда не знаю, стоит ли в таком случае отцу ехать? Вряд ли. Но вот в чем проблема. Смогут ли мама с Леной дотащить вещи? Может быть, смогут. В первых свои открытках Алик писал, что у него есть желание сопровождать моих. Сможет ли он? Я в этом не очень уверен. И даже прямо думаю, что не сможет. А сейчас пишу об этом только в связи с тем, что он когда-то писал об этом. Кстати сказать, за все время (весной) я получил от него несколько открыток, но никаких писем от него не получал. Теперь он совсем обо мне забыл. Вот уже четвертый месяц – ничего! Ни одной открытки. Нет, он не человек. Он – паровоз! Или даже – трамвай!..

... В последних письмах ты почему-то уговариваешь меня не сердиться, не обижаться и т.п. С чего бы это? Сердиться на тебя? как можно? Даже если ты чего-то не сделала или сделала не так – невозможно было бы на тебя лично обидеться. Невозможно, понимаешь? Понимаешь ли ты это, или нет? А?

Я не говорю о чувстве благодарности и признательности. Я не говорю об этом этическом оформлении. (Можно быть благодарным за что-то, можно быть признательным в связи с чем-то и в то же время быть равнодушным, безразличным и т.п.).

... Иногда в жизни завязывается столько мучительных узлов, и уже не в человеческих силах их

развязать или разрубить. И тогда отвлечься от всех этих хитросплетений судьбы — наилучший, может быть, выход из чертовщины. Участие — не всегда истина. Часто истина в неучастии. К сожалению, человек не всегда в состоянии убежать от очередной вспышки чертовщины. Она настигает его, душит, окружает и он сгорает как лань в огне лесного пожара.

Извини за лирическое отступление. Я знаю, что ты многое понимаешь. Но не думай, что твое многое — обязательно многое действительно. Ах, как часто мы в этом ошибаемся. Будем жить своими человеческими заботами. То, что нет Золушки — это не беда. В крайнем случае я мог бы подыскать. Беда в том, что нет человека. Головы я найти не могу. Я совсем на тебя не сержусь. Да, да — ужасная жара. Я живой человек и вполне могу понять живого человека.

К Арине я всегда испытывал самые нежные чувства. А в своих чувствах я человек постоянный. Стало быть, и по сей день я к ней отношусь с нежностью...

Вспоминаю Юлика *. Он на все смотрит со своей колокольни. А колокольни наши очень разные. Поэтому наши отношения с ним не сложились (конечно, исключительно по моей вине). Но что поделаешь, если мы решительно разные! В первое время он пытался мне писать, потом, естественно, перестал. И я вполне его понимаю. Хотя по соображениям такта, в порядке этического формализма он все же должен был вспоминать обо мне, ну, скажем, раз в шесть месяцев. Хотя бы принимая во

* Ю.М. Даниэль.

внимание мое положение — должен. Но он не вспоминает. Это дурно с его стороны. Хотя, конечно, у каждого свои представления об этических формальностях.

Пашка с Майей * иногда пишут мне очень дружеские открытки. В мае-июне он писал, что в ноябре будет в Москве и будет ждать моего возвращения. Я его понимаю, но знает ли он, как все изменилось за эти годы? Идет совсем „другая драма”, хотя я не скажу „и на этот раз меня уволь”. Нет, этого я сказать не могу. Но, Бог мой, как все стало сложно. Передай, пожалуйста, привет ему.

Знаешь, поделщик у меня человек гениальный. За шесть месяцев я не получил ни одного его письма... А ты говоришь: „не сердись, смягчай тон”...

Сейчас жизнь идет всерьез. К тому же, каждый день достается мне трудно. Я понимаю, что различные обстоятельства не только не благоприятствуют, а наоборот затрудняют и даже запутывают положение вещей. Нет необходимой ясности и определенности. Ее нет и не будет, если он сам эту ясность и определенность не внесет... Или, может быть, он думает, что все сделается как-нибудь само собой. Увы, само собой ничего не делается...

Евгения Александровича** должно быть на месте нет. Где он сейчас — трудно сказать. Я ничего не могу вам посоветовать. Можешь сказать Лене***, что мы друг другу понравились, поняли друг друга и сблизились. „Бесов” ему следовало бы найти. В

* П. М. Литвинов с женой.

** Е. А. Вагин.

*** Л. И. Бородин, член ВСХСОН, с октября 1970 г. находился во Владимирской тюрьме. Освобожден 17. 11. 1973 г.

крайнем случае — они могут оказаться в моей библиотеке.

...Я вот ругался, а сам думаю, у Алика скоро ребенок родится. Своих забот и хлопот прибавится. Не до меня ему сейчас. Я уж как-нибудь доживу свое. И, пожалуй, не стану ему морочить голову. И пусть он не обижается.

У нас все жарко. Хочется прохлады. Со здоровьем терпимо.

С уважением
Юра

Озерный, 22 августа 72 года

ПИСЬМА ДЕТЯМ:*

Милый мальчик Митя, мне очень понравилось твоё рисование. Давай договоримся с тобой вот так... ты будешь присылать мне свои рисунки каждый раз к празднику. Жду. А этот кот — он очень добрый кот. Смешной и добрый. Вот он принес цветы. А завтра он, может быть, придет с пирогами. А потом принесет ягоды. А потом будет сидеть на трубе. А потом залезет в сапог. А что будет еще потом? А? Расскажи мне, милый мальчик. Жду.

Юра

17 марта 1970 г.

* Катя, Митя, Настя и Тимофей — дети Аиды Моисевны Топешкиной, большого друга Ю. Галанскова.

Митенька, здравствуй. Мне писали, что ты болен, но потом все же ты был в деревне, ходил в лес, на озеро, видел лягушек, рыбку разную. А ходил ли ты в лес, собирал ли ты грибы, ягоды? Были ли у вас там цыплята, гуси, коровки? А лошадей ты видел? Любишь ли ты лошадок? Ох, как я люблю лошадок! Ты ходишь в школу. Любишь ли ты ходить в школу? Любишь ли ты своих учителей? Напиши мне об этом. Крепко обнимаю тебя.

Юра

23 сентября 1970 г.

Катя и Митя, вас и малышей Настю и Тимошу поздравляю с Новым годом и Рождеством.

Может быть, взрослые почитают вам как-нибудь вечером сказку „Щелкунчик” писателя Эрнста Теодора Амадея Гофмана, а пока послушайте, что он пишет в этой сказке про елку:

„Большая елка посреди комнаты была увешана золотыми и серебряными яблоками, а на всех ветках, словно цветы или бутоны, росли обсахаренные орехи, пестрые конфеты и вообще всякие сласти. Но больше всего украшали чудесное дерево сотни маленьких свечечек, которые, как звездочки, сверкали в густой зелени, и елка, залитая огнями и озарявшая все вокруг, так и манила сорвать растущие на ней цветы и плоды. Вокруг дерева все пестрело и сияло. И чего там только не было! Не знаю, кому под силу это описать...”

Да, трудно писать о красоте новогодней елки. Но вы постарайтесь и напишите мне. О елке, о новогодних праздниках, о своих радостях. И если вас

сфотографируют в новогодние дни, то пришлите фотографии мне. И какие вам подарят подарки к Новому году? Пишите.

А где лежат ваши елочные игрушки? Уж, наверное, где-нибудь в коробке на шкафу или в каком-нибудь ящике, в темноте и пыли. И даже самые красивые из них валяются в куче, как попало: и боком, и на корточках, и вверх ногами, мерзнут в сугробах снежной ваты и даже, может быть, дрожат от холода и сырости. Снегурочке, конечно, холод не страшен. А что если она окажется у печки или батареи? Ведь она и растаять может. А какой-нибудь птичке, бабочке или стрекозе — негде и крылышками пошевелить. Даже жуку — ведь и тому иногда, небось, хочется раздвинуть переливающуюся скорлупу панциря и расправить свои бледные крылышки.

Нет, так нельзя... Хотите знать, что рассказывает писатель Гофман про стеклянный шкаф? Тогда слушайте:

„Как только войдешь к Штальбаумам в гостиную, тут, сейчас же, у двери налево, у широкой стены, стоит высокий стеклянный шкаф, куда дети убирают прекрасные подарки, которые получают каждый год.

Луиза была еще совсем маленькой, когда отец заказал шкаф очень умелому столяру, а тот вставил в него такие прозрачные стекла и вообще сделал все с таким умением, что в шкафу игрушки выглядели, пожалуй, даже еще ярче и красивей, чем когда их брали в руки”.

Может быть, вы думаете, что игрушки могут ТОЛЬКО сломаться, разбиться, запылиться, но не могут дрожать от холода, плакать от страха, пугаться темноты, говорить, бегать, летать? Но вы вспомните деревянного малыша Буратино.

А вот когда вам будут читать „Щелкунчика”,

вы узнаете много всякого интересного про ЖИЗНЬ игрушек и про чудесное в нашей простой жизни. Если вам понравится „Щелкунчик”, то напишите мне об этом. Всего вам хорошего.

Ваш Юра

Декабрь 1970 г.

Здравствуй, Митя, твое письмо получил. Оно мне понравилось. Спасибо, милый мальчик. Как ты живешь в деревне? Посылаю тебе открытку про грибы. Оказывается, грибы собирают не только люди, но и всякие зверьки и букашки. Они их охотно едят и даже собирают на зиму. Сушат на веточках, прячут в норках, едят сами и кормят детишек. А, например, белочки собирают не только грибки, но и орешки. Орешки они собирают в дупло, а потом грызут их всю зиму.

Всякие гусеницы и вредные букашки кусают деревья, грызут веточки и проедают листочки до дыр, а муравьи этих вредных букашек прогоняют. Поэтому, когда под деревом живут муравьи, дерево весело шуршит и хлопает в зеленые ладошки. Пишите мне из деревни, обнимаю вас всех.

Юра

30 мая 1971 г.

Дорогой Митя! Вот какие муравьи... У них и пожарные есть. И даже пострадавших муравьев унесли в муравейник лечиться. Они совсем как люди. А муравьиной кислотой можно лечиться. Этой

кислотой мой дядя вылечил свой желудок. Ты пишешь, что у вас есть муравьиная дорога. Это интересно.

У вас есть цыплята и утята. И все они у вас на двух ногах. А вот в газете пишут про цыпленка, у которого 4 ножки. Это почему же? У всех по 2 ножки, а у него – 4. Видишь, как интересно бывает в природе.

А этот мотороллер я нашел для тебя. Ведь ты любишь всякие мотоциклы. Митенька, скоро день рождения у мамы. Пиши мне, обнимаю тебя.

29 июля 1971 г.

Юра

Милая Катя! Это сказочное озеро и сказочные дети. Но всякое озеро может быть сказочно интересным. Нужно только этого захотеть. А сколько удивительного в вашем Кукуевском озере. Ты приглядись...

Высылаю тебе газетную вырезку про дельфина. Это очень добрые и умные существа. Они очень дружелюбно относятся к людям. Знаешь ли ты еще что-нибудь про них? Если хочешь, я пришлю тебе еще кое-что о дельфинах. А если у тебя будут какие-нибудь газетные вырезки из газет и журналов, то можешь прислать мне.

19 июля 1971 г.

Юра

Милая Катя, еще раз поздравляю тебя с Новым годом. Вот тебе эстонская снегурочка с пряником в руке. Твое новогоднее поздравление (с зайчиком) получил. Спасибо. А я уж заждался твоих писем. Я уж было думал, что ты так прилежно учишься, что у тебя совсем не остается времени для письма. Пиши мне, пожалуйста, иногда. У меня все терпимо. Работаю. Читаю книжки. А ты книжки читаешь? Я буду ждать. Глажу по головке Настюшку, обнимаю вас всех. Сегодня 29 декабря. Ждем Нового года. Каждому из нас прислали к Новому году всякие сладости и мы храним их к празднику. А мне даже прислали красивую пачку сигарет „Российские”. Я доволен. Красивое слово, не правда ли? Обязательно напишите.

29 дек. 1971 г.
Пос. Озерный ЖХ-385-17а.

Ваш
Юра

Милая Катя! Я давно уже получил твоё письмо с этой открыткой. И берег эти ромашки, чтобы однажды прислать их тебе. И вот посылаю. Ибо получил много ваших фотографий и увидел, что ты совсем большая девочка. Твоя ромашка, Катенька, все еще не выросла, а моя, хоть и цветет, но гадать я не хочу, т. к. знаю, что все равно не отгадаю... А девушку, которая мне нравится, ты знаешь очень хорошо. И я знаю, что она нравится и тебе. И сама эта девушка об этом все знает.

Вот если хочешь, то погадай за меня. И напиши мне, что скажут тебе ромашки: любит... не любит...

Я начал с фотографий. Их целых семь. Весь

день рождения Мити и Насти. Например, Настя за столом с рукой, властно опущенной на стол. И на обратной стороне надпись: „Сахалин будет наш”. Это может быть понято в двояком смысле, т. е. наш или японский. Предлагаю другой вариант: мы сделаем Настю царицей острова Сахалин. Тогда он будет наш и японский. Прекрасный выход. Вот что значит политика и дипломатия. Привет Мите, Насте и Тимоше. Обнимаю.

Юра

Март 1972 г.

ОБРАЩЕНИЕ

*В Международный Красный Крест
В Комиссию по правам человека*

19 января 1967 года я был арестован. Нахожусь в заключении шестой год.

Я болен язвенной болезнью двенадцатиперстной кишки. Из пищи, которую я получаю в заключении, могу есть только незначительную часть, поэтому изо дня в день я недоедаю. И в то же время условиями строгого режима я фактически лишен какой-либо реальной возможности получить необходимые мне продукты питания от родных и близких. У меня мучительные вечные боли, поэтому ежедневно я недосыпаю.

Я недоедаю и недосыпаю уже пять лет. При этом я работаю по 8 часов в сутки.

Каждый мой день — мученье, ежедневная борьба с болями и болезнью. Вот уже пять лет я веду эту борьбу за здоровье и жизнь.

Я молчал пять лет. Все эти пять лет меня не покидала уверенность, что компетентные судебные и государственные органы наконец-то более реалистично осмыслят сложившееся положение. Но пошел уже шестой год мучений. Мое здоровье непрерывно ухудшается. В результате систематического многолетнего недоедания, недосыпания и нервного перенапряжения процесс язвенной болезни осложнился заболеванием печени, кишечника, сердца и т. д.

Пять лет меня мучили в заключении — я терпел и молчал.

Оставшиеся два года меня будут убивать. И я не могу об этом молчать, ибо под угрозой не только мое здоровье, но и жизнь.

Обращаясь с этим заявлением в Международный Красный Крест и в Комиссию по правам человека, я хотел бы через эти международные организации обратиться к международной общественности с просьбой — обратить внимание соответствующих государственных и судебных органов СССР на невыносимость моего положения.

Ю. Галансков

Мордовская АССР, Zubovo-Полянский район
пос. Озерный, учреждение ЖХ-385-17-а
Февраль 1972 года

*

Обращение Ю.Т.Галанскова в МКК стало достоянием общественности лишь спустя три месяца после его трагической смерти в неволе. Можно предположить, что оно своевременно проникло за границу, но по какой-то причине „не заинтересовало” получателя. В любом случае, тот, кто знал, но умолчал о человеческой трагедии, виновен перед судом совести за соучастие в поистине чудовищном преступлении.

— Р е д.

Поэт и человек

„Он не искал для себя
ни богатства, ни карьеры, ни славы”.

*Д. И. Каминская
защитник Галанскова
(Из речи в суде 12. 1. 1968 г.)*



Портрет, написанный в лагере
художником Ивановым

ПРОСЬБА РОДИТЕЛЕЙ О ПОМИЛОВАНИИ

*В Президиум Верховного Совета
РСФСР, гр-ну Яснову.*

*От Галансковых Екатерины Алексеевны
и Тимофея Сергеевича, проживающих:
Москва, 3-й Голутвинский пер., 7/9, кв.4.*

З а я в л е н и е

Наш сын, ГАЛАНСКОВ ЮРИЙ ТИМОФЕЕВИЧ, 1939 г. рождения, осужден в 1968 году по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР (срок — 7 лет) и сейчас находится в лагере строгого режима в Мордовии (учреждение ЖХ/17-а).

У нашего сына еще до ареста была язвенная болезнь. А в тюрьме и в лагере стало ему очень плохо, все время сильные боли, рвота, есть ничего не может, ночью не спит. Сидит он уже 5 лет, из них больше половины не мог работать из-за болезни, находился в санчасти лагеря и в больнице.

Его отец Галансков Тимофей Сергеевич работает токарем на Люблинском ремонтно-механическом заводе с 1932 года. Мать отработала 28 лет уборщицей, сейчас на пенсии.

Юра — наш единственный сын, а на старости лет наша последняя надежда. В лагере он не поправится,

несмотря на лечение, ему становится все хуже и хуже. Ему необходим домашний уход, диетическое питание. Все это мы пока в состоянии ему обеспечить. Если его сейчас не освободят, то мы боимся, что Юра эти два года до конца срока не доживет и умрет в лагере.

Когда мы к нему приезжаем на свидание, мы видим, как он мучается, ничего не может даже есть, не может с нами разговаривать, все пьет лекарства, от которых ему уже не становится легче.

Мы умоляем Вас *помиловать* нашего сына, спасти его жизнь и нашу.

12.06.1971

ОТВЕТ ПРЕЗИДИУМА ВС РСФСР

Президиум Верховного Совета
РСФСР

Отдел по подготовке к рассмотрению ходатайства
о помиловании

Москва, Делегатская ул., 3

№ 8 – 3/15187 – 70

21/1-1972 г.

гр. Галанскову Т.С.

Москва, 3-й Голутвинский пер.,
д. 7/9, кв.4

В связи с Вашей просьбой о помиловании ГАЛАНСКОВА Ю.Т. сообщаем, что вопрос о помиловании осужденного может быть рассмотрен по получении его личного ходатайства.

Личное ходатайство осужденный должен передать администрации места заключения, которая приложит к ходатайству характеристику и другие необходимые документы и направит весь этот материал в Президиум Верховного Совета РСФСР.

Зам. заведующ. отделом (подпись)

НЕКРОЛОГ ИЗ НЕВОЛИ

Четвертого ноября этого года скончался Юрий Тимофеевич Галансков. Сердца наши переполнены скорбью и гневом. Но это не обычная скорбь и не обычный гнев — потому что это не просто смерть, это — смерть со всеми признаками политического убийства.

Юрий Галансков не был убит из-за угла, не был выброшен из окна или отравлен. Это убийство готовилось постепенно, шаг за шагом. Его убивали постоянными преследованиями, неправосудным приговором, клеветой провокаторов, жестокостью лагерного режима. Убивали неактировкой при его состоянии здоровья в лагере при постоянных обострениях его хронической болезни. Убивали, убивали, убивали! И вот он умер на операционном столе под равнодушным ножом хирурга Мордовской лагерьной больницы.

Юрий Галансков был человеком с решительным характером, оригинальным складом ума, всегда одержимый новыми идеями. Но самой сильной его чертой, пожалуй, было обостренное чувство гражданской совести. До ареста он участвовал в пацифистских демонстрациях, выступал с требованием творческих свобод для интеллигенции, собрал все материалы в защиту Синявского и Даниэля, был одним из издателей московского нелегального журнала „Феникс”. Многих он вдохновлял своим личным примером.

Его мужественное поведение на следствии и суде привлекло к нему внимание и симпатии самых разных людей. Широко известны письма интеллигенции не с одной сотней подписей в защиту Галанскова. Голос его гражданской совести не могли сдержать ни решетки тюрем, ни лагерные заборы с многорядной колючей проволокой, ни вышки с автоматчиками. Этот голос продолжал звучать еще сильнее, страшнее для его истязателей и преследователей, ведущих войну с собственным народом. Несмотря на болезнь, которая причиняла Юрию Тимофеевичу Галанскову столько мук, на невозможность принимать пищу, на бессоницу по ночам от невыносимых в своей привычности болей, он в меру сил добивался признания прав политических заключенных, творческих и политических свобод для союзников и вольных граждан.

Этому делу он посвятил себя целиком. Добивался голодовками, воззваниями, собственным примером. И это было страшно для неподвижного, толстокожего, лишеного души организма произвола. За эти качества его ценили все узники, да и все люди, встречавшиеся с ним на лагерных „зонах”, всегда отличали его отзывчивость, доброту, желание помочь всякому в его горе и проникались доверием к нему.

Галансков скончался в возрасте 33-х лет, в расцвете своего политического и литературного таланта: помимо всего, он писал еще стихи. Одна из строчек его стихов звучит так: „Справедливости окровавленные уста ”. Эти уста справедливости в кавычках ныне коснулись его самого. Не удалось оторвать его от них — и вот кровь еще одного борца вопиет ко всем:

Братья! Все, кто борется вместе с нами за избавление от липкого ига беззакония, за уничтожение беспрецедентного рабства, за новую, свободную Россию. Все, кто борется в одиночку. Все, кто слышит нас в сегодняшнем мире! Поднимите голос в защиту тех, кто гибнет сегодня за вашу и нашу общую свободу в тюрьмах, политлагерях, тех, кто гибнет духовно от трупного яда повседневной пропаганды.

Почтим память нашего друга Ю.Галанскова, который останется для нас примером совести и долга, умножим наши ряды и продолжим его дело!

Мы обращаемся ко всем гражданам России и всего мира с просьбой почтить его память минутой молчания. Пусть эта минута станет также своеобразной клятвой верности нашим общим надеждам и упованиям! Пора очнуться от преступного равнодушия и понять, что только вместе мы можем добиться общей для всех свободы народов России!

Светлая память о Ю.Т.Галанскове будет всегда с нами.

*Политзаключенные Уральских
и Мордовских лагерей*

С С С Р

Вх. №23/Г-3 на Ваш № _____ от 5/II- 1973

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
МОРДОВСКОЙ АССР

Мордовская АССР-нь Внутренний тесть Министерствась	Мордовской АССР-нь Внутренней тесть Министерствась
--	--

А.Орлов
_____ февраля 1973 г.
№ 23/Г-3

гор. Саранск

гражданке ГАЛАНСКОЙ ЕКАТЕРИНЕ
АЛЕКСЕВНЕ

г.Москва, М-534, Битцевская ул.
дом 4, кв. 135

На Ваши заявления в Министерства внутренних дел СССР,
Мордовской АССР о пересмотрении Галанского Ю.Т., аналогичных
заявлениям в Верховный Совет СССР от 17 декабря, Министерство
внутренних дел Мордовской АССР сообщило Вам 28 ноября 1972 года
№ 18/Г-18. Причин для изменения решения не имеется.

Зам. Министра внутренних дел МАСР

А.Орлов
(А.Орлов)

У/

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Гр-ка ГАЛАНСКОЙ Е.А.
г. Москва, п/о М-534, ул. академика
Лителл, д. 6, кв. 135

ГУИТУ

16. апрель 1973 г.
№ 6/3-К-4813
гор. МОСКВА

И. А. АЗАРОВ - 1 АЗАРОВ /

Ваше заявление, адресованное в МВД СССР, рассмотрено. Ваш сын Галансков Ю. Т. в соответствии с действующими правилами был захоронен 7 ноября 1972 года в Вашем присутствии на кладбище учреждения КХ-385.

Действующее законодательство не регламентирует порядок перезахоронения осужденных, умерших в местах лишения свободы. В связи с этим руководство МВД Мордовской АССР было вправе отказать в выдаче тела Галанскова для перезахоронения.

Личные вещи умершего - две куртки, банки с цветочными семенами, фотографии, книги и чемодан вручены под расписку Ириной дочери Шматович Е. Т. 7 ноября 1972 года.

Проверкой также установлено, что 22 ноября 1972 года из учреждения КХ-385 в отдел записи актов гражданского состояния Советского района г. Москвы была послана справка о смерти Вашего сына. Поскольку, как Вы в своем заявлении указываете, эта справка в ЗАГС до сих пор не поступала, 16 апреля 1973 года руководству учреждения КХ-385 дано указание о передаче в указанный отдел записи актов гражданского состояния второго экземпляра такой справки.

Зем. начальника ГУИТУ МВД СССР

И. А. Азаров - 1 Азаров /

10 319-71

ЮРИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ГАЛАНСКОВ

Некролог

Умер Юрий Галансков. Умер в неволе, в лагере для политзаключенных, в пос. Барашево Мордовской АССР. Это случилось 4 ноября 1972 года в тюремной больнице. Ему было 33 года.

Галансков попал в лагерь потому, что он был честным поэтом и честным человеком. Его стихи и статьи никогда не находили себе места на страницах официальной печати. В них слишком много правды и подлинной любви к людям, к справедливости и свободе.

Галансков был непримиримым и бесстрашным врагом всякого насилия, всякой фальши, всякого надругательства над человеческим достоинством.

Издание свободных бесцензурных журналов „Синтаксис“, „Бумеранг“, „Феникс“, активное участие в молодежном движении конца пятидесятых — начала шестидесятых годов (пл. Маяковского), издание „Белой книги“ с материалами судебного процесса Синявского и Даниэля, выступления с демонстрациями протеста против произвола властей в защиту прав человека — таковы этапы его деятельности до ареста 19 января 1967 года.

И в лагере Галансков не прекратил своей деятельности, постоянно выступал в защиту политзаключенных. Он и не мог смириться.

Зная о тяжелой болезни желудка, обострившейся в результате голодовок протеста против нарушения законов, чинимого лагерной администрацией, начальство бросило Галанскова в помещение камерного типа на хлеб и воду. В результате — операционный стол и заражение крови.

Была его смерть случайной или неслучайной — так вопрос стоять не может. Вся история короткой и яркой жизни Юрия была историей добровольного бесстрашного восхождения на крест.

Вечная память тебе, Юрий! Свет, бывший в тебе, не угаснет, ибо это свет добра, истины, жизни.

*Аругюнян Р.Р.
Балтрукевич А.В.
Бочеваров В.И.
Викторов А.В.
Вишняков В.И.
Гаенко В.Н.
Галанскова-Шматович Е.Т.
Гинзбург А.И.
Горячев П.М.
Горбаневская Н.Е.
Зайцев В.В.
Иванов А.И.
Иванов А.М.
Иоффе В.В.
Калугин В.И.
Камышова М.А.*

*Каплан М.М.
Лашкова В.И.
Максимов В.Е.
Машкова В.Е.
Найденович А.П.
Осипов В.Н.
Радыгин А.В.
Репняков В.А.
Сахаров А.Д.
Синяевский А.Д.
Топешкина А.М.
Темин А.М.
Хаустов В.А.
Хмелев Е.И.
Шухт А.Б.
Шукин А.И.*

Москва, 11 ноября 1972 года

ПИСЬМО—СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ РОДСТВЕННИКАМ Ю.ГАЛАНСКОВА

Дорогие Екатерина Алексеевна, Тимофей Сергеевичи Лена!

Мы хорошо понимаем, что горе людей, потерявших сына и брата, безмерно, что его нельзя уменьшить никакими словами, даже самого искреннего сочувствия. И тем не менее хотим вам сказать, что мы, друзья Юры, разделяем вместе с вами это большое горе. Мы хотим вам сказать, что вы можете гордиться своим сыном и братом, как рано или поздно им будет гордиться вся Россия. Он был одним из тех немногих, кто даже в час наиболее тяжелых испытаний поддерживает в людях веру в торжество справедливости. Вся его жизнь является для нас примером борьбы за победу добра над злом. Мы, друзья Юры, навсегда сохраним в сердцах своих память о вашем сыне и брате, как об одном из тех людей, с которых надо брать пример...

Екатерина Алексеевна, Тимофей Сергеевич и Лена! Позвольте еще раз принести вам наше глубочайшее соболезнование в постигшем вас несчастье.

Федоров Ю.И. Мальчевский С.А. Макаренко М.Я. Сусленский. Бороздин-Браун Н.Н. Коломин В. Грилюс Шимон. Менделевич. Абанькин. Садо М. Лукьяненко Л. Лапп Р. Пономарев С.М. Ястраускас А. Чердынцев И. Чамовских В. Покровский. Пришляк Е.С. Зайденфельд (Фролов О.И.) Узлов. Толстоусов. Чеховский А.К. Бондарь Н.В. Платонов В.

ПИСЬМО В. АБАНЬКИНА ЕЛЕНЕ ГАЛАНСКОЙ

Здравствуйте,

Елена Тимофеевна!

Вы не знаете меня и никогда обо мне не слышали, но это и не важно, я пишу Вам потому, что знал Вашего брата Юрия, провел с ним много времени вместе, спал в одной секции, ел за одним столом. Теперь Вы поймете, почему я пишу, ибо это письмо не соболезнование, т. к. он живой для нас и в смерть его я не хочу верить. Мне очень запомнился один день: 18 июня этого года. Тогда мы праздновали, в кругу друзей, его и мой день рождения, решили объединить и перенести на воскресенье, у меня 15 июня, исполнилось мне 26 лет. Мы желали друг другу счастья и долгих лет жизни, и никто из нас, из тех, кто близко знал Юрия, не мог предвидеть, что все кончится так печально. Он был весел, пел под гитару, декламировал стихи, но нет-нет, а появлялась на его лице гримаса боли, но он тотчас гасил ее и снова был весел, только тот, кто знал его долго и близко, мог заметить это. Часто мы с ним собирали травы, настои от которых помогают от желудочных заболеваний. И тогда он был весел, жизнерадостен. Трудно найти такого безотказного человека, как он, доброго, миролюбивого и прямого, он любил людей всех, и хороших и плохих. Все к нему шли за советами и знали, что он не откажет, знали и те, которые пользовались всеобщим неуважением, он был со всеми добр. Когда узнал о том, что он умер, я не поверил, да и сейчас считаю, что это просто ошибка. Не мог умереть Юрка, Юрка, который мог заставить забыть любого невзгоды и боль так же,

как заставлял себя. Я часто думал: откуда в таком худом, физически слабом парне столько внутренней силы, но так и не нашел ответа на этот вопрос. Мы все помним его, мы все не верим в его смерть, для нас он живой, и всегда, когда мы собираемся вместе, мы говорим о нем, он с нами, он частица нашего общества, которое без него уже имеет не ту цену. У меня мало было друзей в жизни, да и те не прошли испытания временем, и если б я искал друга, то хотел бы, чтобы он был таким, как Юрка.

До свиданья. Привет Вам от всех, кто знал его.

Витольд Абанькин

29. 11. 1972

ПАМЯТИ ЮРИЯ ГАЛАНСКОВА

*„Не я корчусь от боли –
нация больна.
А я лишь – мгновенное ее
выражение”.*

(Из письма Ю.Т.Галанскова, 1971 г.)

В глухой Мордовии
есть малый бугорок.
Его еще травой украсить не успели.
Нет имени на нем
и нет к нему дорог.
В нем спрятано
измученное тело.
Березовый топорный светлый крест,
луной облитый,
мягко стелет тени.
На комья глины сеется с небес
слепое безысходное смятенье.
Был человек –
и сын, и муж, и брат.
Он в колокол Любви
сзывал весь мир на Вече...
Вдруг смолкло в се,
руинами скорбят
родные переулки Москворечья.
Он из дому ушел
не волею своей,
не волею своей в чужой земле остался.
Уже в ночи не шелкнет соловей –
в стальные рифмы,

как в силки попался.
Был человек —
и сын, и муж, и брат.
А ныне крест,
как изваянье птицы.
Вчера на том кресте
он был распят,
а завтра —
будут на него молиться.

19-20 ноября 1972 г.

ЮРИЮ ГАЛАНСКОВУ

Мне в одну из недель
Белым днем, наяву,
Прошептала метель,
Что напрасно живу.
Что тяни — не тяни,
Время выщелкал кнут,
Что отсчитаны дни
В тонких пачках минут...
Прошептала метель
Все, что знала она,
И ушла в канитель
Колесом от окна.
И с тех пор, как во сне,
И с тех пор, как в бреду,
Я последней весне
Счет в минутах веду.
Я минуты коплю,
Как монет не копил.
Я истошно люблю
Тех, кого не любил.
Но могла же метель
Мне давно удружить?...
Я ведь с этих недель
Только пробую жить.

(Из цикла „Стихи, написанные в тюрьме”.
1970-1973 гг.)

СООБЩЕНИЯ О ПАНИХИДАХ ПО Ю. ГАЛАНСКОВУ

(Обзор не полный)

Гибель Юрия Галанскова потрясла многих за рубежом. В горе этом объединились самые разные люди, проявив себя друзьями Юры, друзьями его народа, его идеалов правды, свободы, мира. А ведь казалось бы, что этим людям за границей Россия, страна Юрия Галанскова, за которую он боролся и за свободу которой он погиб умученный? Но светлый облик и светлые дела таких, как Юра, не позволяют от нее отойти, делают ее понятной чужому. В панихидах, статьях, выступлениях люди проявили свою духовную общность с погибшим, с его родственниками и друзьями. Боль потери родного и близкого человека не снять словом, даже теплым и добрым. Но облегчить ношу этой боли — можно, взяв часть ее тяжести на свои плечи. Так поступают друзья Юрия Галанскова.

Лондон. В кафедральном соборе Московского патриаршего экзарха в Западной Европе митрополита Антония (Блюма) были отслужены панихиды 12 ноября и 10 декабря 1972 г. Объявление о первой панихиде было помещено в газете „Таймс” 11 ноября, и в православную церковь пришли многие английские друзья.

12 ноября за погибшего молились в английской церкви св. Мартина.

10 декабря была отслужена панихида в Успенском кафедральном соборе архиепископа Ричмондского Никодима.

Франкфурт. 12 ноября и 17 декабря (воскресение после 40 дня) панихиды были совершены в Свято-Николаевском храме настоятелем этого храма протоиереем Леонидом Игнатьевым.

Гамбург. Панихида была отслужена в 40 день кончины. Этот день пришелся на заключительный день Епархиального съезда Германской епархии Русской Церкви. Соборное служение панихиды возглавил Архиепископ Берлинский и Германский Филофей. Ему сослужили епископ Нафанаил (Мюнхен), епископ Павел (Штутгарт) и духовенство. Слово о Юрии Галанкове сказал архиепископ Филофей. Панихида была совершена в храме св. Прокопия.

Женева. Панихиду в 40 день совершил в Крестовоздвиженском храме архиепископ Женевский и Западно-европейский Антоний (Бартошевич). Им было дано указание совершить панихиду в этот день в других главных храмах епархии.

Брюссель. После получения известия о смерти и в 40 день панихиды были совершены в Воскресенской церкви. Служил настоятель церкви протоиерей Чедомир Остоич.

Париж. В 40 день панихида была совершена в Лесненском Богородичном женском монастыре в Провмоне*.

Церковь Всех святых в земле Российской про-

* Монастырь находится в Нормандии. — Р е д.

сиявших:

Первая панихида была совершена сразу после получения известия о гибели Юрия Галанскова. Совершил панихиду находившийся в Париже архиепископ Женевский и Западно-европейский Антоний (Бартошевич). Слово произнес протоиерей Сергей Чертков. В том же храме, по инициативе молодежи в Париже, была совершена панихида на 40-й день. Служил панихиду иеромонах Максим.

Кафедральный собор Святого князя Александра Невского (на рю Дарю):

17 декабря (воскресение после 40 дня) причтом собора была совершена панихида. Пел большой хор с участием молодежи под управлением Е.И.Евца.

Нью-Йорк. В 40 день в кафедральном соборе Православной Церкви в Америке в честь Покрова Пресвятой Богородицы была совершена панихида. Служил протоиерей Кирилл Фотиев. После панихиды он произнес слово об облике и деятельности Юрия Галанскова.

Вскоре после 40 дня была отслужена панихида в Русской православной церкви Преподобного Серафима Саровского. Совершил панихиду настоятель храма протоиерей Александр Киселев.

В 40 день панихида была отслужена в кафедральном соборе Знамени Божьей Матери, в которой пребывает чудотворная икона Курская Коренная Знамени Божьей Матери. Панихиду совершил епископ Лавр Манхеттенский.

„Вече” № 7, 19 февраля 1973 г.

О ЮРИИ ГАЛАНСКОВЕ

„Подпольный литератор — обязательно гражданин Родины и человек чести, поэтому он никак не может пройти мимо издевательства над своей Родиной и над ее лучшими сынами”.

Так писал и так думал Юрий Галансков. Так думал он обо всех тех, кто в невероятно тяжелых условиях сохранял, собирал и создавал свободную русскую речь: бесцензурную литературу, так называемый самиздат.

Эти слова в полной мере относятся и к самому Юрию Галанскову, который сам был подпольным литератором, а следовательно человеком чести.

Я услышал о нем еще задолго до нашего знакомства. Поэт, один из вожаков „Маяковки” (литературных чтений у памятника поэту в Москве), редактор подпольного поэтического сборника „Феникс”, один из организаторов демонстрации в защиту Синявского и Даниэля — первой неофициальной демонстрации за долгие годы советского режима.

Я видел как дюжие молодчики из КГБ тащили по мостовой парня в сером пальто, который за минуту до этого объяснял собравшимся их конституционные права. Тогда я не знал, что это был Юрий Галансков.

Мы познакомились в начале августа 1966 года. У Владимира Буковского собралась большая и разношерстная компания. Присутствовал генерал П.Г.Григоренко, рассуждая о советском „вертикальном” обществе. Как-то не в своей тарелке чувствовал себя религиозный публицист А.Левитин-Краснов. Что-то горячо доказывал Алексей Добро-

вольский. Прослушав очередную передачу Би-Би-Си, прибежал Володя Тельников с кучей последних новостей о судьбе Михайло Михайлова. Буковский представил его собравшимся в качестве будущего „министра иностранных дел”. Люди более солидного возраста из тогдашнего „цвета диссидентства” кисло усмехнулись.

„Не нужно распределять министерские портфели, — сказал кто-то из них, — помимо обвинений в антисоветчине вам добавят еще и организацию”.

Все страшно шумели, спорили и даже ругались. Больше всех неистовствовали смогисты (т. е. члены независимого молодежного литературного объединения СМОГ, что расшифровывалось как „Смелость, Мысль, Образ, Глубина” или, если угодно, „Самое Молодое Общество Гениев”). Помимо всего прочего молодые „гении” порывались читать собственные стихи с подтекстом и без оного. Причем делали они это почему-то все разом и жутко мешали не только всем остальным „не поэтам”, но в первую очередь — себе самим.

В тот день наша разношерстная и всевозрастная компания обсуждала возможность создания на основе СМОГа другого, более широкого объединения. Разумеется, не политического, а скорее дискуссионного. Вот молодые „гении” и горячились. Они хотели назваться пышным именем „Авангард русского искусства”, хотели провозгласить какой-нибудь сенсационный литературный манифест. Леонид Губанов рекламировал свою новую теорию — „изумизм”, суть которой заключалась в том, что нужно то ли больше изумлять, то ли больше изумляться.

Смогистов журили, пытались убедить в том, что все это уж слишком комично, несерьезно, что

нужен просто дискуссионный молодежный клуб, где можно было бы поговорить не только о литературе, но и о многих других вещах.

Но вот слово взял худощавый юноша в очках, с коротко подстриженными волосами. Скорее брюнет, чем шатен. И очень бледный. Юрий Галансков.

Он был признанным авторитетом у смогистов, их постоянным советником. Правда, смогисты мало прислушивались к его советам, но постоянно тянулись к нему — потому что Юрий никого не отталкивал, находил общий язык с каждым и помогал любому, если это только было в его силах.

„Не тем вы занимаетесь сейчас, — глухо сказал Галансков, — у вас стукачи под окнами стоят, а вы всерьез говорите о создании замаскированной подпольной организации”. „Ну, а что ты предлагаешь?”, — спросил кто-то из „солидных”. — „Во-первых, оставим в покое смогистов, — ответил Юрий, — пускай они пишут свои стихи”.

Смогисты протестующе загудели и выдали порцию поэтической ругани по адресу „большевичков”.

„Объединять старых тюремных сидельцев в одной компании с юными поэтами, на мой взгляд, абсурдно, — продолжал Юрий, — из этого ничего не получается, да и не получится”.

Буковский пробормотал что-то про скепсис и пессимизм, но Юрий махнул рукой: „Да не в этом сейчас дело. После процесса Синявского и Даниэля, после репрессий на Украине, после политических расправ в провинции, после попыток реабилитировать Сталина на партийном съезде и в печати, наша задача, кажется, ясна. Все мы должны оказать сопротивление возрождающемуся сталинизму и должны звать на это других. Все дело в личном

примере и в личных усилиях”.

Снова завязался спор. Кто-то возмущался: „Что же это? Что мы? Должны челобитные что ли в родной ЦК подавать?” Проговорили, прогудели еще пару часов. На том и разошлись...

Мы ушли вместе с Юрием, нам было по пути. Прощаясь, обменялись телефонными номерами, договорились о новой встрече.

Вскоре Юрий посвятил меня в свои планы создания легального бесцензурного журнала, посвященного общественным проблемам. „Понимаешь, — говорил он, — сейчас самое время выступить открыто. После процесса над писателями общество разделилось на два лагеря. Прямо как во Франции после дела Дрейфуса. Но я не переоцениваю общественное мнение. Оно слишком еще беззубо, слишком унижено. Понаписали петиций: просим отдать на поруки Синявского и Даниэля. Как будто они преступники. Нет, не петиции нужны, не робкие протесты. Нужен решительный шаг”.

Сказано было крепко. Но стояло ли за этими словами что-нибудь реальное? Или это были просто слова, да и только?

Нет, стояло. Юрий Галансков был из той немногочисленной категории людей, у которых слова не расходятся с делами, и из еще более малочисленной категории тех, у кого слово и есть дело.

Свой решительный шаг Юрий готовил тщательно. И феникс возродился из пепла и золы.

В течение полугода Юрий собирал материалы для сборника „Феникс-66”, который должен был явиться ответом русской оппозиции на попытки властей задушить и без того полудохлое общественное брожение в Советском Союзе. В редакционном

заявлении Юрий писал:

„Сам факт издания настоящего журнала уж, конечно, является достаточным поводом для применения какого-нибудь антидемократического закона или указа. Можете начинать... Вы можете выиграть этот бой, но все равно вы проиграете эту войну. Войну за демократию и Россию. Войну, которая уже началась и в которой справедливость победит неотвратимо...”

И, действительно, „Феникс-66” был первым решительным боем в нынешней войне за демократию в России. Это было отнюдь не первое и далеко не единственное проявление политической оппозиции существующему тоталитарному режиму, но это было первое ее открытое выступление. И поэтому значение „Феникса-66” трудно переоценить.

В начале декабря 1966 года мы встретились с Юрой на станции метро „Смоленская”. В руках у Юры был большой сверток. „Это сборник, — сказал Юра, — твой персональный экземпляр. Постарайся сохранить его. Ведь никто не знает, что нас ждет. Так пусть хотя бы один экземпляр сохранится для его редактора”.

И экземпляр этот сохранился. Его искали, а он ходил по Москве из рук в руки, потом попал в Питер, а затем снова в Москву, и так и не достался тем, кто за ним охотился. Но это было потом. Пока же, в преддверье нового 1967 года мы бились рыбой об лед, пытаюсь сплотить различные молодежные кружки, привлечь отдельных, не слишком напуганных, либеральных интеллигентов. Читали „там-издат”, который начал поступать к нам в возрастающем количестве. Обсуждали программные установки НТС, единственной политически активной орга-

низации русского Зарубежья. Планировали проведение легального демократического съезда на котором намечалось оформить независимую общественную организацию. В этом деле путеводной звездой нам служил Михайло Михайлов...

19 января 1967 года Юрия Галанскова арестовали. Спустя три дня на площади Пушкина состоялась демонстрация протеста. Я был ее участником и был за это арестован. Мельком удалось увидеть Юрия в следственном изоляторе „Лефортово”. А в последний раз я видел его в зале московского городского суда. Там, где ему вынесли страшный террористический приговор — семь лет лагерей строгого режима.

У Юрия была язва желудка в очень острой форме. Он сидел, содрогаясь от жутких болей, опираясь на спинку стула. Вершители правосудия милостиво позволили такое. Я сказал Юре: „Здравствуй, товарищ. Держись”. Он улыбнулся, кивнул.

Я уверен, что в зале суда Юрий думал не о себе, не о своей участи. Он думал о товарищах, о людях, о родине, о свободе. А сквозь стены, сквозь охрану, прорывая пропагандистскую ложь, поднимался голос честных людей протестующих против позорного судилища. Сотни людей собирались у закрытых дверей суда. Большинство не знало Юрия. Но эти люди верили ему, верили в него. Совесть России, как феникс, возрождалась из пепла и золы.

Юрий Галансков боролся всю свою жизнь. Боролся за свободу, которую искал, боролся за справедливость, в которую верил. Ни в тюрьме, ни на суде, ни в лагере, он не прекращал своей борьбы. Он не сказал ничего лишнего, никого не оговорил, ни в чем не покался. Что мог — брал на себя. Мог бы

взять все — сделал бы так.

Он участвовал в голодовках протеста, помогал товарищам-политзаключенным, выступал против произвола лагерной администрации. Он помогал и тем, кто на воле пал духом или заколебался. Помогал теплым словом, советом, напутствием.

Юрий Галансков пожертвовал собой. И, быть может, еще не настало время, чтобы мы до конца могли почувствовать и понять все значение его подвига.

Комментируя суд над Юрием Галансковым, английская газета „Таймс” писала в то время: „Внешний мир следит за происходящим с таким же чувством, которое наполняет человека, когда он читает о величественных актах упорной и сознательной смелости людей на полях сражений”. Хочется верить, что война эта будет выиграна. Война за демократию и Россию. Война, в одном из сражений которой пал смертью храбрых верный сын России Юрий Тимофеевич Галансков, талантливый поэт и публицист, редактор машинописного сборника „Феникс-66”.

Ему было 33 года. Шесть лет из них он провел за колючей проволокой.

В Евангелии сказано: „Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих”.

Сказано это и про Юрия Галанскова.

Евг. Кушев

ЭТИ ДЕСЯТЬ МОРОЗНЫХ ДНЕЙ В МОСКВЕ...

С Юрой Галансковым я познакомилась в ночь на Новый, 1967 год. Во время моей рождественской поездки в Советский Союз руководители НТС попросили меня встретиться с несколькими людьми в Москве, в том числе и с Ю.Галансковым. Я встретила с ним в той новогодней компании, куда, по известному мне адресу, я пришла за несколько часов до встречи Нового года.

Когда я появилась, Юра немного растерялся: вообще-то он меня ждал, но, очевидно, не в качестве новогоднего подарка. И не совсем знал, что со мной делать. Вначале, когда я вошла в эту квартиру, меня отвели в отдельную комнату, куда его позвали. Он сразу начал задавать мне ряд конкретных вопросов, и это продолжалось, пока из соседней комнаты не раздались крики: „Юра, где ты? Пропустишь Новый год!” На несколько секунд Юра впал в раздумье, что же все-таки со мной делать, но быстро и решительно заявил: „Пойдем, встретим вместе Новый год”. Человечность победила соображения безопасности.

А для него в этот вечер был двойной праздник: накануне он как раз расписался со своей женой Ольгой. Они, как все молодожены, нежно и влюбленно сидели рядышком, рука в руке. Все это, вместе взятое, способствовало тому, что я себя первое время очень неловко чувствовала, как незваный гость. Но, благодаря теплomu приему всей компании, это ощущение довольно быстро прошло. Я стала участвовать в общем разговоре, вот только, когда шутили, а шутили много, я ничего не улавливала, и им, бедным, приходилось мне все объяснять

— на что намек и почему смешно.

Помню свое удивление, когда, встретив Новый год, мы все вышли на улицу, много ходили, и Юра почти все время разговаривал со мной, а молодую новобрачную оставил с другими — и не только Ольга, но и вся компания, видимо, считали это вполне нормальным, явно понимая необходимость нашего отделения от остальных. Но в машине „Скорой помощи”, которая согласилась нас возить ночью по снежным улицам Москвы и в которой все равно нельзя было говорить о делах, он снова становился влюбленным мужем и участником „общественных” бесед, участником, правда, не болтливым.

Каким помнится мне Юра Галансков? Худой. Темные волосы и карие глаза, как раз в те дни он начал отпускать бороду. Толстые очки с широкой темной оправой. Когда задумывался, вид у него становился довольно мрачный. Но были у него тонкие и красивые черты лица. Улыбался он редко, а когда улыбался, то как-то наполовину, как будто стеснялся своей улыбкой.

После той новогодней ночи мы с Юрой встречались почти каждый день. Подолгу разговаривали. Юра много расспрашивал о положении на Западе, о реакции прессы на процесс Синявского-Даниэля, о НТС. В частности, в связи с распространением „Белой книги” по делу Синявского-Даниэля, мы с ним сделали конкретные выводы о том, какие круги на Западе действительно готовы поддерживать русскую свободомыслящую интеллигенцию. Юра, который до этого еще как-то делал ставку на западную левую интеллигенцию того времени, стал колебаться, — можно ли на нее опереться. Вообще Юру очень интересовала расстановка течений на

Западе — по отношению к российским проблемам. Когда заговорили об НТС, я выяснила, что история организации ему уже хорошо была известна, видимо, много читал. Но для него были новыми и произвели особое впечатление рассказы о террористических актах против нас со стороны КГБ — он здесь особенно много расспрашивал. Мне пришлось ему подробнее объяснить, какие наши трудности на Западе: ему явно казалось, что быть на Западе — этого уже достаточно, чтобы никаких трудностей не было. И мы обменивались изложениями своих трудностей и обсуждали возможности взаимопомощи.

Я ему тоже задавала много вопросов — о нем самом, о его прошлой жизни, о его товарищах, планах. Он всегда отвечал подробно, терпеливо, скромно, не стараясь выставлять себя в наиболее красивом свете. Мыслил он весьма конкретно, не отвлекаясь уходом в теоретические рассуждения, что, как я еще тогда заметила, было свойственно многим „диссидентам” (тогда, впрочем, не было еще этого термина). Говорил четко — что ему нужно, какие у него планы. Помню, сказал довольно спокойно, без позы (и это на меня произвело большое впечатление), что рассчитывает на арест сразу после „выпуска” „Феникса-66”, который им планировался на 7 января 1967 года.

С другой стороны, я заметила, он был очень осторожным во многих отношениях: перед каждым решением или утверждением чего-то ответственного долго думал, видимо, мысленно взвешивал. Чувствовалось, что приучен каждую вещь, каждый поступок, даже, казалось бы, мелкий, мысленно „прокручивать” в голове. Был очень догадлив — например, быстро догадался, что я остановилась в гостинице

„Украина”, хотя я никогда об этом не говорила. Да и еще несколько раз отмечала я эту черту. Возможно, что это было частично от привычки к разным „сложным” ситуациям, а частично — интуиция. Юмор больше понимал, чем сам им владел, часто улыбался шуткам других, но сам шутил редко, я, во всяком случае, не помню.

Сам, без вопросов, говорил он немного и какими-то „неполными” фразами. Первые два слова скажет, а потом смотрит на лица: понимают его или нет? Если видит, что нет, то еще слова четыре прибавит. Для людей не его круга или для иностранцев — не очень удобно. Но и меня он понимал с двух слов, когда казалось, что я еще ничего не сказала. Вначале я всегда думала, что он меня не мог понять и проверяла. Но он всегда правильно понимал.

Несколько раз в разговорах со мной Юра давал оценку своим друзьям по общему делу, почти всегда эта оценка была хорошей (положительную оценку он дал Буковскому и еще одному человеку, имя его я не называю, он в стране). Если ему приходилось говорить о недостатках кого-либо, то он спешил побыстрее сказать о нем и что-то хорошее. Но Галансков умел и сердиться, и раздражаться, когда кто-то что-то делал не вовремя или не так, как надо. Во время совместной встречи с одним знакомым, в какой-то определенный момент он заявил, что встреча закончена и, несмотря на недовольство товарища, решительно отправил его домой. И тот послушался. Явно, у него был сильный характер и его авторитет ощущался даже для свежего человека, каким была я.

Сам Галансков был очень точным: на все встре-

чи, которые назначал, он приходил вовремя или почти вовремя — что при московских транспортных и „гебистских” условиях в том морозном январе было нелегко. Его деликатность и большая человеческая теплота проявлялась при всех наших встречах. Часть наших разговоров происходила во время прогулок по улицам, до 30⁰ мороза было, и я, без привычки, конечно очень плохо переносила такой холод, вплоть до того, что губы уже не шевелились для разговора. Юра всегда пытался найти варианты, чтобы „спасти” меня — зайти в метро, магазины и т. п. Он всегда беспокоился — удобно ли мне, когда я получала „материал” для вывоза, как я собираюсь его на себе „распределить”, в какой форме лучше подготовить „материал” и т. д. Когда мы с ним ходили по квартирам знакомых, он всегда проходил вперед, до того как представить меня. И вообще довольно тщательно соблюдал „правила безопасности”.

Еще в первую ночь, в ответ на вопрос каково его внутреннее отношение к НТС (что он сотрудничает с НТС мне было понятно), он сказал, что считает себя членом Союза, вступив путем „самоприема”. И в нашу последнюю встречу он еще раз подтвердил, что считает себя членом Союза. В этих его заявлениях не чувствовалось, в то же время, ни тени экзальтации или рисовки. Когда Добровольский мне говорил о том же — это было иначе. Не в том смысле, что он не был искренним, но по ряду наблюдений у меня создалось впечатление о нем, как об очень экзальтированном человеке, даже с элементами фанатизма, и поэтому менее стабильном. Крайность часто неустойчива. Меня удивил у него дома портрет царя над кроватью.

Правда, многое что меня у него удивило! Я знала, что люди в Советском Союзе живут бедно, но та невероятная нищета, в которой жил Добровольский с семьей, до сих пор стоит у меня перед глазами, — вместе с той настойчивостью, с которой бабушка его пыталась меня угостить последним, что у них в доме было. Я знала о страхе, особенно у людей, переживших сталинщину, но знала теоретически, а по-настоящему поняла, что это такое — этот страх, лишь тогда, когда эта бабушка при прощании повисла у меня на руке и со слезами умоляла никому не рассказывать, что я видела портрет царя...

Одно из самых сильных воспоминаний о Юре — наша последняя встреча. Было Рождество, и я хотела пойти в церковь. Мы договорились встретиться возле Курского вокзала, и оттуда пошли в церковь. При этом он меня охранял от дружинников, стоявших на подходах. Для меня это было необычная служба, вообще вся атмосфера в церкви: народу столько, люди так прижаты друг к другу, что невозможно поднять руку, чтобы перекреститься. На лицах людей, будь то старые или молодые, какой-то особый свет, особое рвение. Юра стоял рядом со мной, защищая меня от давки, он был (или казался мне) выше большинства людей вокруг. Свечи невозможно было самим принести к иконе, и он объяснил мне, что надо просто передать их вперед, говоря „кому”. Вся обстановка и этот мир на его лице во время церковной службы — все это запечатлелось во мне очень сильно. И, когда я его сейчас вспоминаю, я чаще всего вспоминаю его в эти минуты. И как, после службы, на площади, мы еще раз обо всем договорились, он поймал мне такси, посадил и, когда мы расставались, — а шофер то-

ропил, все произошло очень быстро, — у нас были слезы на глазах, и он сказал: „Я уверен, что увидимся снова”. Я вспомнила эти слова, когда через пять лет узнала о его смерти, и подумала: „Юра никогда не врал, значит увидимся”. И это ощущение было так сильно, что мне несколько раз снилась его могила с крестом на голой земле, могила, которую я никогда не видела.

Ариадна Хальтер-Югова

„ЧЕСТНЫЙ ГРАЖДАНИН ВЕЛИКОЙ РОССИИ”

Сначала была открытка, переданная с okazji из соседней зоны – поздравление со светлым Воскресением. Адресована мне. Незнакомый почерк и знакомая фамилия – Ю.Галансков. Помню слова о том, что есть просто Земля, и есть Земля Русская, выкормившая нас, перед которой мы в долгу, за которую мы в ответе. Хорошо было сказано, поэтически, и было мне очень близко по глубинному своему смыслу.

Потом я попал на больничную зону (когда положение с зубами стало совсем безнадежным), и здесь увидел его портрет – работы художника-эзка Ю.Е.Иванова-Сиверса. Галансков казался высоким и грозным, с черной бородой, в очках, взгляд неистовый, горящий. Может быть излишне патетично, но в сути своей – верно; безошибочно увидел Юрий Евгеньевич главное. Не говорю уже о замечательном портретном сходстве.

Поэтому, когда утром 7 мая 1972 года, выйдя из барака, я увидел на скамейке возле хирургического отделения молодого еще человека в сером халате, в очках, с бородой и большой трубкой в зубах, я не сомневался, что передо мной – Галансков. Без церемоний подошел знакомиться. Оказалось, его привезли ночью с острым приступом язвенной болезни; лишь к утру боль утихла. Этот внезапный этап спас Галанскова от очередной посадки в ПКТ, где уже сидел его и мой друг (и поделщик по ВСХСОН) Н. В. Иванов. Оба участвовали в очередной голодовке протеста, и перед обоими стояла реальная перспектива Владимирской тюрьмы. Как позже рассказывал мне сам

Юра, он сознательно стремился в „крытку” — „чтобы все испытать”. „И потом, — добавил он с обезоруживающей улыбкой, — мне очень хочется познакомиться с Огурцовым, а это единственный способ пока”.

В тот же день я мог лично убедиться, как относится к Галанскову лагерная администрация. Отправили его в больницу в связи с резким ухудшением состояния здоровья: положение было настолько серьезным, что его везли не в „воронке”, как обычно и здоровых, и больных, — а в открытом грузовике, бросив на дно немного сена; разумеется, в сопровождении вооруженной охраны. Но в самой больнице („Центральная больница Дубровлага”, пос. Барашево) ему — язвеннику — целых три дня не могли выписать ни диетического питания, ни даже молока, и на обед он получал все такой же кусок ржавой селедки, как и мы, лечившие зубы. Конечно, это был не просто „недосмотр”.

После обеда (Юра проглотил пару ложек баланды, и только) мы остановились около столовой, возле дерева, продолжая разговор. Внезапно он схватился за живот обеими руками, согнулся, и стал оседать на землю; лицо его было искажено от боли. Я и мой товарищ бросились к нему. Через силу он проговорил: „Ничего не надо, ребята. Это бывает. Сейчас пройдет. Вот посижу немного”. И, скрюченный, замер под деревом.

Мы не заметили, как сзади подошел офицер в форме. Сразу в крик: „Почему не приветствуете начальника? А вы почему не встаете? Встать немедленно! Ваша фамилия?!” Это относилось к Юре.

„Вы что, не видите, больной человек, у него приступ”, — пытались мы урезонить разбушевав-

шегося пришибеева в офицерских погонах. Юра начал уже приходить в себя, жестом остановил нас, и через силу, но очень спокойно стал объяснять: что во-первых, здороваются обычно первым тот, кто подходит, во-вторых, здесь больница, и общие правила на больных не распространяются, в-третьих... и т. д. Заключил он с некоторым вызовом в голосе: „А фамилия моя – Галансков”.

Начальник, начавший багроветь у нас на глазах, вдруг изменился. Спрятал обратно в карман записную книжку и с недоброй усмешкой произнес: „А, Галансков... Как же, как же, слышали”. И – удалился.

За недолгое мое пребывание в больнице мы близко сошлись с Юрой. Он уже был знаком с моими единомышленниками по ВСХСОН – с М.Ю.Садо, В.М.Платоновым, Л.И.Бородиным, и очень интересовался нашей идеологией. Можно утверждать, что знакомство с идеями социал-христианства, персонализма через живое общение с носителями этих идей оказало на Юрия Тимофеевича значительное влияние. Я чувствовал это в наших разговорах, об этом говорили мне люди, близко знавшие Галанскова, свидетельства этого находим и в опубликованных посмертно его письмах из лагеря.

Спешу оговориться. Влияние не в том смысле, что он переменял свои прежние воззрения. Я вообще не верю в возможность радикальных перемен в мировоззрении. Нет двух Достоевских – до и после каторги. Абрам Терц – один, до и после лагеря. Творческая личность всегда остается собой, подчиняясь лишь собственным законам внутреннего развития. Положительно воздействует

на нас лишь то, что отвечает как-то нашей внутренней сути. (Приблизительно таким подходом мы руководствовались при подборе кандидатов в члены нашего Союза). Поэтому, и социал-христиане „повлияли” на Галанскова, и Галансков, всей своей жизнью-подвигом, повлиял на членов ВСХСОН как знавших его лично, так и только слышавших о нем.

Говорили мы с ним много и о многом. Обычно вечером, после ужина, я приходил к нему в курилку хирургического отделения. Заваривали чайку („чаепитие — форма русского медитативного идеализма”, — утверждает Вяч.Иванов в исследовании о Достоевском), выпивали его, передавая друг другу кружку, и тянулся до полуночи бесконечный разговор „русских мальчиков” (хотя и было нам обоим уже за 30).

Говорил в основном он. Я или отвечал на его вопросы или, чаще, слушал. Он будто спешил выговориться — странное, тревожное ощущение оставалось в душе после этих его ночных исповедей. Да, исповедей. Я не хочу преувеличивать степень нашей близости, — но так „исповедуются” в вагоне и случайному попутчику, с предельной и беспощадной искренностью, пьянея от собственных признаний. Юра говорил о себе, о своем пути, о своих метаниях, поисках. Подробно пересказал мне „Откровения В.Вельского”, так и не назвав автора. И опять — о себе, ранних знакомствах и увлечениях, демонстрации у памятника Маяковскому, своем пребывании в психбольнице, о „Фениксе”... Это был как бы черновой макет никогда им не написанных мемуаров. Не смею касаться личного. Припомню некоторые „идеологические”

темы и мотивы, постоянно всплывавшие в полумраке больничной курилки.

Очень интересовался Галансков славянофильством. Даже при неожиданном этапе в больницу прихватил с собой журнал (кажется, то был „Вестник Московского университета”, философская серия) с большой статьей о Хомякове, которого весьма почитал. Идею „соборности” мы обсуждали целый вечер. Он жалел, что на воле, когда были возможности, мало читал славянофилов, и вот теперь приходится довольствоваться отдельными цитатами в советских журналах. Говорил о важности размножения т а к о й именно литературы. Последнее так характерно для Галанскова: непременно какие-то п р а к т и ч е с к и е выводы из самых, казалось бы, отвлеченных, теоретических бесед.

Обнаружил солидное знакомство с Бердяевым, особенно ценил его историософию. И опять же: что следует распространять в первую очередь, как „доставать” необходимые книги русского философа. Часто возвращался к вопросу о геополитике, намеревался сделать это в дальнейшем преимущественной сферой своих научных знаний. Отзвуки этого узнаю в его письмах. „Мы совсем не способны взглянуть на жизнь сквозь призму религии, расы, культуры, психологии и логики, антропологии и биологии...” И опять — планы, проекты, предложения — вполне конкретные, обращенные ко мне лично, к моим друзьям, предложения совместной работы... Да, хорошо знали чекисты в Москве и Мордовии, к о г о они убивали.

Совсем другим был Галансков днем, на людях. Боец, постоянно искавший повод спорить,

доказывать, переубеждать. В деле убеждения и переубеждения мастер он был непревзойденный. Одновременно с нами в больничной зоне лечился совсем еще молодой человек с Урала, „истинный коммунист” по убеждениям (за что и был судим) — очень неглупый и честный. Вот он-то и явился основным объектом „переубеждения” с нашей стороны.

Мне обычно не хватало терпения, казалось скучным и пыльным делом разбивать глиняные кумиры; я больше интересовался отношением к религии нашего упрямого оппонента. Другое дело Юра. Он терпеливо вникал в третьестепенные детали схоластических построений новоявленного марксистского теоретика и — кирпичик по кирпичику — выбивал теоретический фундамент из-под его ног. Делал он это увлеченно, с полной самоотдачей. Как-то после очередной бурной дискуссии (наш „идейный противник” не хотел сдавать свои позиции так легко, хотя и лестно ему было, что с ним спорит „сам Галансков!”) Юра сказал мне, все с той же грустной улыбкой: „Вот таким я себя помню очень хорошо”...

Я встретился с нашим упрямым незадолго до моего отъезда на Запад. Помянули Юру. Разговоры с ним не прошли бесследно для бывшего „истинного коммуниста”. Сейчас он — настоящий русский патриот.

В таких дневных дискуссиях, ночных монологах передо мною отчетливо вырисовывалась идейная платформа Юры Галанскова — „убежденного социал-пацифиста” (но не непротивленца!), — что-то в нем сохранилось от этого до конца. Если бы был возможен русский „гандизм” (в чем я далеко

не уверен), Галансков, безусловно возглавил бы это движение. Он стоял у истоков рождавшейся в 60-е годы независимой общественности будущей России. Галансков был теоретиком „легализма“, одним из зачинателей легального, открытого движения за права, одной из первых ласточек Самиздата. Особенный и постоянный интерес к л е г а л ь н ы м аспектам освободительной борьбы чрезвычайно ему свойствен. Здесь он был бесконечно изобретателен, неистощим в проектах. Галансков обращался к интеллигенции, но мыслил масштабами всей нации, как „честный гражданин Великой России“ (цитата из его блестящего письма-памфлета Шолохову).

... Еще одна врезавшаяся в память картина-воспоминание. Вечером, в сумерках, мы проходили около его барака – хирургического отделения. В окне операционной зажегся свет: кого-то будут „резать“. Обратил мое внимание на это Юра. „Постой, подожди, давай посмотрим“. Непонятное, болезненно-напряженное любопытство в его голосе, во всей его фигуре – больше, чем любопытство. Крадучись, подошел к самому окну. Заглянул. Я остался на месте, мне было не по себе. Синий мертвенный свет за стеклом, и прильнувший к стеклу Юра. Так продолжалось минут десять. Когда он вернулся, лицо его было бледнее обыкновенного, он долго молчал... Странное предчувствие жило в его душе, из которой тремя месяцами раньше вырвался (тщетный) вопль о помощи, о спасении, адресованный „Комиссии по правам человека“, так и не услышанный на Западе...

Случилось так, что он сам познакомил меня с человеком, который делал ему последнюю

операцию. Нет, это неверно, будто был то „врач-заключенный, не имевший квалификации хирурга”. На воле Шурер (такова его фамилия) имел чин подполковника (или даже полковника) медицинской службы, был хирургом с многолетним стажем. Судили его за взятки, и „сидел” он в „бытовой” зоне с уголовниками. Его приводил надзиратель на операции, с которыми справлялся он всегда успешно. Юра был с ним знаком, досконально знал его дело, и давал ему ценные советы касательно пересмотра приговора. Об этом они говорили и в тот день, когда мы втроем собрались на крыльце хирургической „палаты”. Как я слышал еще в лагере, вскоре после смерти Галанскова Шурер был досрочно освобожден и, кажется, восстановлен в прежнем воинском звании...

Юра сказал однажды, что потеря веры для человека равносильна растлению души. Был ли он сам человеком верующим? Когда в одной из бесед с упомянутым молодым марксистом тот спросил его, крещен ли он, Галансков, спокойно посасывая трубку, ответил: „А как же иначе? Я – человек русский”. (Как оказалось, и наш неистовый спорщик тоже крестился). И все же самые ожесточенные споры у нас с Юрой были именно о предметах веры. Все так же спокойно, с неизменной трубкой в зубах, он говорил: „Ну, хорошо. Вот ты мне объясни, пожалуйста, одно – как это Ева была создана из ребра Адама?” Улыбался снисходительно, считая разговор оконченным.

Тогда я на него даже сердился. Потом – понял. Для него этот вопрос был подобием дзэнского коана, имевшего целью разорвать цепь рациональных

разлагольствований о вере. Да, он веровал, веровал истинно и действенно. И православный крест над его могилой на лагерном кладбище — посмертное утверждение его веры.

„Есть просто Земля, и есть Русская Земля, на которой ты стоишь и которая кормит тебя. И если сегодня на твоей Земле за колючей проволокой сидят люди, которые однажды подчинились зову своей совести и были верны ей, — ты должен помнить об этом, ибо ты отвечаешь за эту Землю и за жизнь на этой Земле”. (Из письма Юрия Галанскова.)

Е. Вагин

„Посев” № 11, 1977

ОСТАЛСЯ С НАМИ

Когда пришла весть о мученической смерти Юрия Тимофеевича Галанскова, убитого в лагере, у нас шло Посевское совещание. Тут же в зале была отслужена первая панихида и знавшие и не знавшие близко Ю.Галанскова молились и плакали о нем как о родном человеке. Он так вошел своим обликом, делами и порывом в нашу жизнь, что горе его потери было для нас личным горем.

Тогда почти никто не знал, что Юра Галансков — член НТС, что его восприятие Союза отражалось в его деятельности и стремлениях. И как ни скрыты были его отношения к НТС, через Юру Союз жил в России, а Россия — в нас, как и через каждого члена Союза в нашей стране.

Мы знали о Юрии Галанскове задолго до того, как нам суждено было с ним встретиться. Он вошел в нашу жизнь через свой „Человеческий манифест“. Это страстное, с болью и любовью рожденное слово о падении и прозрении человека, о его восхождении к Кресту и к духовному воскресению настолько завладело нашими душами, что между нами, друг друга не знавшими, установилась уже нерушимая близость. И была эта близость столь же проста и крепка, как просты и тверды были сказанные позже слова Юрия: „Я считаю себя членом НТС“.

Только смерть позволила сказать о том, о чем при его жизни знали только Юра и принявшие его в Союз друзья за рубежом. Молчать нужно было, чтоб оградить Юру и его дело от еще больших ударов врага, чтобы не подвергать опасности окружавших его и не знавших об его отношении к НТС людей.

Когда Галансков впервые узнал об НТС — нам точно не известно. Но подошел он к нему впоследствии пытливо, доброжелательно, связывая его со своим пониманием вечных ценностей России и ее будущего. Он воспринял Союз не только как идейную силу, но как Дело, необходимое для освобождения России.

Вращался Галансков среди прочего и в среде, в которой с избытком ходили порочащие НТС слухи (вплоть до „инфильтрации” нас органами: этот слух, исходящий из самих органов, подхватывался охотнее всего теми, кто еще не освободился от иллюзий о прогрессивности Октябрьской революции). Юра относился к этим толкам спокойно и хотел сам разобраться в их причине. Однажды, описывая отрицательное отношение к НТС, Галансков пришел к такому выводу:

„ ... объективный психологический анализ литературы и документов Союза приводит к более оптимистическим выводам. Например, действительно, организация, которая руководствовалась бы в своей деятельности интересами личной наживы и злобы, как об этом пишет коммунистическая пресса, казалось бы, не могла быть столь жизнеспособной. Однако отрицательное восприятие доминирует над положительным, и крупница желанья видеть в Союзе серьезную, организованную, действительно существующую оппозицию (а каждый серьезный русский человек этого хотел бы) тонет в океане подозрительности и сомнения. Эта подозрительность и эти сомнения являются основным решающим фактором, препятствующим росту структуры Союза в России. Поэтому Союз должен любой ценой прорвать этот психологический барьер.

Если Союз окажется в состоянии справиться с этой задачей, то налаживание системы Союза в России будет очень несложным делом. Тогда Союз легко сможет стать единственной мощной организованной оппозицией. Тогда дело создания второго полюса не будет представлять никакой сложности, ибо идея второго полюса в тоталитарной России — это желанный ребенок, которого все подсознательно и сознательно ждут и который, к сожалению, никак не может родиться”.

За тот короткий срок, который был дан ему судьбой, — от „площади Маяковского” до ареста в январе 1967 г., — Галансков вырос духовно и политически. Обладая не только добротой и скромностью, но также суровостью и самоотверженностью, Юра стал подлинным представителем русской политической оппозиции. Он стал одним из создателей открытого Освободительного движения и, пожалуй, единственным тогда понимавшим жизненную необходимость заполнения этого движения политической задачей. Насколько широко и политически мудро он понимал задачу, мы видим хотя бы в его большом плане мобилизации общественных сил, даже в мировом масштабе, изложенном в его проекте „Организационные проблемы движения за полное и всеобщее разоружение и мир во всем мире”.

Вести эту борьбу Галанскову было нелегко. Он знал, что почти неизбежен удар врага. На это он шел, и сообщил об этом друзьям. Но не это пугало. Труднее было то, что мало находилось единомышленников и много было людей непонимающих и враждебных политической борьбе.

Это непонимание воспринималось Юрием

остро. Он болел за Дело. Нашло это противостояние свое отражение в большом споре о том, что важнее — издание политической газеты или публицистического журнала и первоочередности установления „свободы творчества”. Спор был вызван глубинно разным пониманием путей борьбы для будущего России. Галансков отрицал концентрацию внимания только на „свободе творчества”. Он органически не принимал отгораживания интеллигенции от политических задач и нужд народа. Он настаивал на политической разумности рабочих и крестьян:

„Рабочим и колхозникам такая литература (политическая) нужна и они будут ее читать, потому что только она укажет им правильный выход из безвыходного положения, в котором они находятся теперь, ибо в рамках ныне существующих общественных отношений решение народных проблем невозможно”.

В частности, Галансков считает необходимым издание газеты, „посвященной организационным проблемам политического движения, с учетом разработки идеи создания свободных профсоюзов и свободных сельскохозяйственных объединений”.

Проблема организационная была, пожалуй, одной из коренных в тогдашней деятельности Юрия Галанскова. В ее свете он видел необходимость политической газеты.

„Своеобразие сегодняшнего момента состоит в том, — писал он, — что все слои населения России находятся в состоянии стихийной бесструктурной оппозиции к режиму. Поэтому НТС, как наиболее дееспособный революционный элемент, должен заняться созданием этих структур, одновременно вклиниваясь в них и давая необходимое направ-

ление развитию. Но первым и основным шагом к созданию этих структур (партий, союзов, групп) является создание газеты (пусть даже она будет выходить 5 раз в год, — не в количестве и даже не в тираже дело), которая должна поднять знамя и призывать к объединению (в партии, союзы, группы), призывать к созданию партийных типографий и партийных органов печати”.

Как во многом другом, так и в вопросе политической литературы, Галансков руководствовался будущим России. Ей нужны идеи, которые эта литература должна нести:

„Что же касается России, то она сейчас находится в состоянии идейного вакуума, и если идущий с Запада поток вульгаризированного позитивизма и прагматизма нас не затопит и не убьет в нас на некоторое время жажду идей, то от России можно ожидать глубоких поисков и серьезных решений”.

Годы перед арестом были для Юрия временем непомерного напряжения сил, полной отдачи себя на создание ядра независимых общественных сил, на внесение в них политического зерна, чтобы выиграть с этих позиций очередной бой с властью.

„Горстка людей выполняет совершенно гигантскую работу (всегда лично и всегда рискуя). Все события, о которых вдруг узнает мир, — сделаны горсткой этих людей. Приходится возиться с мальчишками и с академиками. Всюду нервы и психология. Беготня. Иксы. Игреки. Зеты”, — так он писал в одном из своих писем к нам.

Союз для Галанскова был непрекращающимся Делом. На идейно-теоретическую работу не хватало времени. Не успел он заняться проблемой трудовых формаций, которые его интересовали.

Не хватало времени для оценки союзной литературы, „хотя это важно и нужно”. Считал сокращенный вариант Программы НТС „чрезвычайно важным делом, хотелось бы его сделать как можно скорей”.

Но все оборвалось арестом.

Юра Галансков и на следствии, и на суде, и в лагере продолжал бой, чтобы не дать „мошенникам и предателям” выиграть „войну за демократию и Россию”.

Но что особенно важно — в заключении Юра встретил людей идейно и политически близких, которых он почти не находил в той среде интеллигенции, с которой ему приходилось общаться на воле. С ними он мог развить и углубить свое идейное мировоззрение, которое его сблизило с Союзом. В этом глубокий смысл встречи и взаимовлияния Юры с друзьями из ВСХСОН, организации, близкой НТС по идейным и стратегическим основам и по программным положениям. Близкой в понимании России и ответственности перед ней. Почти трагично, что такое духовное слияние происходило в заключении, а не в совместной борьбе. Но от этого не теряется значение этого взаимодействия для будущего России. И, быть может, этот последний вклад Галанскова в идейно-политическое и структурное расширение Освободительного движения стал началом нового отрезка его развития.

Трудно говорить о Юре в прошедшем времени. Потому что, уйдя из этого мира, он всем своим духовным богатством остался с нами, остался неотъемлемой живой частью России и в ее борьбе и в ее грядущей победе.

Л. Сергеева

„Посев” № 11, 1977

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	7
Ю. Т. Галансов (Биографическая справка)	8

СТИХИ И ПРОЗА

Человеческий Манифест (поэма)	13
Пролетарии в сех стран, соединяйтесь!	17
Справедливости окровавленные уста	20
Подснежник	25
Из неоконченной повести	31

СТАТЬИ И ЗАЯВЛЕНИЯ

Письмо в Комитет государственной безопасности	67
К проекту программы Всемирного союза сторонников в сеобщего разоружения	76
Организационные проблемы движения за полное и всеобщее разоружение и мир во всем мире	86
Можете начинать	98
Открытое письмо Шолохову	102
Мысли об НТС	129
О политическом положении	136
Заявление в Прокуратуру СССР	143
О пересмотре карательной политики	152

ПИСЬМА ИЗ ЛАГЕРЯ

Родным (16. 6. 1968)	177
Родным (12. 12.1968)	183
Матери (29. 3. 1969)	185
Т. Н. С. (26. 4. 1969)	186
Матери (26. 11. 1969)	188
Т. Н. С. (15. 1. 1970)	191
Родным (24. 9. 1970)	202
Е. А. В. (24. 9. 1970)	203
Родным (25. 2. 1971)	204
Родным (29. 3. 1971)	206
Л. М. Б. (22. 10. 1971)	208
Л. М. Б. (30. 11. 1971)	209
Л. М. Б. (декабрь 1971)	216
N. N. (1971?)	218
Минне (20. 1. 1972)	221

Ю. Д. Карелину (31. 3. 1972)	223
А. Топешкиной (1972?)	233
А. Цветопольской (1972?)	235
N. N. (8. 6. 1972)	236
N. N. (8. 7. 1972)	240
N. N. (22. 8. 1972)	245
Письма детям (1970-1972 гг.)	249
Обращение в Международный Красный Крест... (февраль 1972)	256
ПОЭТ И ЧЕЛОВЕК (О Ю. Т. Галанскове)	
Прощение родителей о помиловании	261
Ответ Президиума ВС РСФСР	262
Некролог из неволи	264
МВД Мордовской АССР – Галансковой Екатерине Алексеевне (12. 2. 73)	267
МВД СССР, ГУИТУ – Галансковой Е. А. (18.4.73)	268
Ю. Т. Галансков (некролог)	269
Письмо-соболезнование 24-х заключенных	271
Письмо В. Абанькина Елене Галансковой	272
Г. Кагановский. Памяти Юрия Галанскова	274
Леонид Бородин. Юрию Галанскову	276
Сообщения о панихидах по Ю. Галанскову	277
Евг. Кушев. О Юрии Галанскове	280
Ариадна Хальтер-Югова. Эти десять морозных дней в Москве	287
Е. Вагин. „Честный гражданин Великой России”	294
Л. Сергеева. Остался с нами	303

